
ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ
ИСТОРИЧЕСКАЯ ИСТИНА
И рече Олегъ Кіевъ се буди мати градамъ русскимъ
ВИЛЬНА
1867.

ВѢСТНИКЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ V—1867.

КНИЖКА X.

ТОМЪ IV.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1867.

Дозволено Цензурою 11 Января 1868 года. Вильна.

I.

—

№ 1.

ДОКУМЕНТЫ, ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

1.

Жалованная подтвердительная грамота великаго князя Свидригайла Ольгердовича церкви св. Іоанна въ Городкѣ, въ Галиціи. 1403 г.

Милостію Божью мы великый князь Швидрикайло Олькирьдовичъ, чинимъ симъ нашимъ листомъ каждому добьрому знаменито, нинешнимъ и потомъ будучимъ, хто коли на сесь нашъ листъ усмотрить или услышить чьтучи его, кому коли будеть его потьребизна: ижъ потьверьдили брата нашого есмо данье короля Владислава святому Ивану церьквн и попу Ваську Ивановскому: дали есьмо и записали земьлю црьковную и ланъ вольный а сѣножать у Гачищехъ, отъ тое сѣножати земьля уся по лины а посостинецъ по Вешеньскый по старый а по болото а по криницю, у Солотвинахъ земля и сѣножать отъ колодязя по увозищѣ по Добряньскый путь а по криницю подъ увозищемъ, отъ Лисей гори по болото, а за болотомъ сѣножать подъ Лисичымъ гаемъ; — записали есмо у верьху писаную тую земьлю и сѣножать и ланъ святому Ивану и попу Ваську вѣчьно, непорушно у вѣки, поколѣ панъ Сенько Сеновскый, панъ Ильвъскый, тую земьлю разъѣхалъ, а панъ Казаринъ Резановичъ а Бѣликъ. А ненадобѣ у тую земьлю никому уступатися, а

ни съ лану чиньшу никому давати; а по Васькове животе хто попомъ у святого Ивана будеть, тотъ потомужъ имаеть святого Ивана землю дерьжати. А при томъ сведоци были: князь Иванъ Чорторыйскый, князь Михайло Костяньтиновичъ Ольшаницькый, панъ Ванько Добьряньскый, панъ Пешко, маршалко великого князя, воевода Городецькый Берьдоховьскый. А на потьверьженье сему нашему листу печать нашу велели есмо привесити. Данъ у Городку, подъ леты рождества Христова тисяча летъ, 400 летъ третего лета, генваря 1 дня, индикта 3.

Подлинникъ на пергаминѣ, писанъ полу-уставомъ, безъ знаковъ препинанія; внизу въ прорѣзѣ кусокъ шелковаго малиноваго шнурка; печать оторвана. На оборотѣ помѣты: Popelowszczyzna w Grodku. Communicatum vidi die 23-a 8-br 79$_0$ a$_0$. Dolinianski m. p. *и нѣсколько архивныхъ нумеровъ. Хранится при приходской греко-унитской церкви въ мѣстечкѣ Городкѣ близъ Львова; доставленъ списокъ отъ Я. Ѳ. Головацкаго.*

2.

Духовное завѣщаніе (духовница) Матоея, іерея Юрьевской Руской церкви въ Вильнѣ. 1522 г.

Во имя Отца и Сына и Светого Духа Светыя Живоначальныя Тройца. Аминь.

Я многогрешный рабъ Божій ерей Матоей, служитель церкви светого славного Великомученика Георгія, пишу сію мою духовницу своимъ цѣлымъ розумомъ и полною памятію, будучи немоцонъ на Божеи воли. А втой моей духовницы одписую на первѣй, гдѣ што маеть дано быти на светые церкви по моемъ животѣ, тежъ што ми на комъ взяти. На первѣй маеть дана быти по моемъ животѣ къ церкви соборной Пречистое Богоматери шуба

мoя кунья, кухтеремъ крыта и зъ уставкою собольею, на готовый сорокоустъ, а къ Светой Тройци на годовый же сорокоустъ конъ мой вороный въ сѣдлѣ и въ настилцѣ. А къ Светому Юрью на память по души моей и по души жены моее и всего роду моего даю сто золотыхъ въ золотѣ. Мають тыи золотыи быти церкви Божьей: если бы ся што сказило въ церкви, або была бы которая потребизная речь къ той светой церкви, то мають тыми золотыми справовати. А што маю серебрица, ковшичковъ, розтуханцовъ, ложочокъ, всего того важить пулторынадцать гривны и чотыри золотники, то все отписую и даю въ церкви Светого Георгія на церковныи потребы, што будеть коли потреба вказывати, на Евангеліе, або на сосуды; а книгу мою Правила Светыхъ Отець даю въ церковъ соборную Пречистое Богоматере на память мнѣ и родителемъ моимъ, а иншихъ книжокъ моихъ 10, малыхъ и великихъ; вси тые даю въ церковъ Светого Георгія, и вси тыи книги вымяноваиы суть въ требнику моемъ, што зъ Крестомъ, который же далъ есми поспопу зъ тыми книгами, а Служебникъ мой въ полдесть, што отласомъ крыть, то даю въ церковъ Пречистое Богоматере въ городъ. А на окрестныи церкви у Виленскомъ мѣстѣ на вси на четыредесятны и сорокоусты по копѣ грошей, а дьякономъ по 20 грошей. А къ Бряславлю къ Свѣтому Николѣ, гдѣ отець мой лежить, даю въ тую церковъ Евангеліе толковое въ десть на память по моей души и по моихъ родителехъ, а двѣ копѣ грошей на сорокоустъ къ той же церкви, а святость: образъ Светого Николы, маетъ поставлена быти надъ гробомъ отца моего. А бью чоломъ господарю моему Преосвященному Архіепископу Киръ Іосифу (1), Митрополиту

(1) Изъ этого гокумента явствуетъ между прочимъ, что Іосифъ Солтанъ жилъ еще въ 1522 г., между тѣмъ, по мнѣнію М. Евгенія, въ описаніи Кіев. Соф. Собора, онъ скончался въ 1517 году.

Кіевскому и Галицкому и всея Руси, абы его милость мене грешного (простилъ) и розрѣшилъ, а отъ того его милости чоломбитья 10 золотыхъ въ золотѣ; тыи золотыи его милости маеть дати отецъ мой духовный ерей Яковъ (Перенесенскій (1). А отцу моему духовному Перенесенскому Якову на годовый сорокоустъ щуба моя бѣлинная хрептовая зъ колнеремъ новосправлена, (каф)танъ китайки гвоздиковое ново жъ справленъ, а еще къ тому двѣ книжцѣ мои: одна, што небожчикъ Игнатъ дьяконъ писалъ, будучи архимандритъ въ Лаврашовомъ монастыри, а другая книжка поталью крыта, што мнѣ дана по Малаху уставнику, а скуфья чорного оксамиту, брюшки лисьми подбита; а къ тому еще чотыры золотыхъ въ золотѣ, одинъ вже въ него, а три маеть взяти. Брату моему Өеодору у Бряславли одписываю шубу мою лисью брюшковую зъ колнеремъ, сукномъ кунскимъ сѣрымъ крита, а ку тому коверъ мой лѣпшій. А шапка моя большая бѣлинная зъ наушк(ами), (ск)уфья оксамитная лѣтняя Въскресенскому попу Өедору выбойная книга Царства а Крестъ серебромъ окованъ....... а Ивану шуба моя лисья ножчатая.... крыта а Крестъ серебромъ окованъ; а женѣ его, брятаннѣ моей..... що ми дала въ копѣ грошей по матцѣ своей,.... Бойшевича жена зъ братомъ своимъ Андрейцемъ „естли они оддатутъ копу грошей"... (друг)ую копу грошей у нихъ взяти, а Крестъ имъ оддати; а не усхотять ли копы грошей оддати, и она маетъ Крестъ въ себе держати, а къ тому еще (ков)еръ мой, што у свѣтлици на стенѣ забитъ, а три ложки..... серебря; еще жъ Ивану попу Михайловскому книга моя въ полдестъ Монакан(онъ), Никольскому попу Меөодію въ Троцѣхъ копа грошей на сорокоустъ. А попу Юревскому, которому ся церковъ по моемъ животѣ достанетъ,

(1) Перенесенскій—значитъ священникъ при церкви перенесенія мощей св. Николая, такъ названный въ отличіе отъ другаго Николаевскаго священника, называемаго прямо Никольскимъ. Ред.

кому даю.... кгрошей на сорокоустъ по моей души, а другую двѣ копѣ грошей маютъ томужъ попу дати, штобы сорокоуста доправилъ по Гаврилѣ небожчику Максимовичу еще чего я не дослужилъ. Петровскому попу Андрею копа грошей, кромъ сорокоуста, а женѣ его Мартинѣ ложка серебреная... черленыи. Свѣсти моей Домнѣ Въскресенского тещи ложка саребреная а 20 грошей, другой свѣсти моей Маринѣ ложка серебреная..., ку тому еще 40 грошей, Юрьевской попадьи Мяделской Любцѣ копа грошей, а сыну ее Иванчику што въ мене есть тому конъ мой поло(вый).... тотъ часъ приказываю Воскресенскому. Глѣбка архимандритова племенника женѣ Маси копа грошей на кожухъ, ино къ тому еще маютъ сукна на сукню прикупивши дати. Богданѣ Ханевой, Смуркгонского попа тещи, сукна кампорского полшеста локтя маютъ дати. Лукьяну дьякону Спаского зятю чомлатъ мой синій зъ колнеремъ одамашки бурнатное. Макарью попу старому сукня моя чорная абры... лѣпшій и зъ шнуромъ золотымъ, а дьяку моему Андрейцу кафтанъ тафты зеленое а копа грошей, да Часословчикъ въ четвертинку, а ручница болшая, а сабля, которую усхочеть, а скринки двѣ, косая зъ бѣлымъ желѣзомъ, а высокая чорная а другому дьяку Гаврилцу кожухъ мой кроликовый, сѣрымъ сукномъ прикрытъ, а ручница а сабля. А трофиму вбогому сукня кампорская а кожухъ бараній, а Карпецѣ десять грошей. А што Өедко Котелникъ вмираючи отказалъ тридцать копъ грошей лядскихъ полугрошковъ на звонъ къ светому Юрью, ино тыхъ грошей въ жены его вашли толко 13 копъ гроши и полтретьянадцата гроша Илья Оношковичъ а Иванъ мылникъ, они тежъ посполу и мнѣ тые пѣнезм дали и я тыми грошми у Өомы Боварича на его просбу вымѣнилъ девятнадцать золотыхъ черленыхъ; бо ему была потреба лядскихъ полугрошовъ. Ино тые золотыи маеть отецъ мой духовный тогды

дяти, коли усхотятѣ звонъ купити, а тыхъ же лядскихъ полугрошовъ позычилъ есми Радку, Спаского шурину, 20 грошей безъ полугроша; а што ся ихъ въ менє еще остало, то тые велми зды; нихто ихъ не береть. А Хожовскій попъ Ѳедко виненъ ми за сукно лунское бурнатное двѣ копѣ грошей и шесть грошей, переводилъ ми много, ино тыи гроши маеть на немъ справити отецъ мой духовный Перенесенскій Яковъ и маетъ ихъ приложити къ тымъ пѣняземъ, што на пкмять по души моей. А Пашко пономарь позычилъ въ мене три копы грошей, и онъ вмираючи одписалъ тые пѣнезы на дворѣ своемъ. А шубу мою лисью завыйчотую па голо, тежъ лисью ножчатую подъ гарусомъ чорнымъ а кроликовую на голо жъ, тые три шубы и съ колнерми, тежъ што ся дотычеть моего домового статку, цину и мѣди и иншихъ всякихъ домовыхъ речей, тежъ и хоромы тыи, гдѣ я самъ жилъ, штомъ справовалъ за мои власныи пѣнязи, то все маеть отецъ мой духовникъ Перенесенскій Яковъ посполу съ тыми опекалники, который при его милости помочни ему быти маютъ, тыи шубы и цинъ и иныи мои вси домовые статки, тежъ хоромы, всѣ то попродати, а тыми пѣнязми по моей души поминати, столы справовати и вбожство кормити водлѣ обычая хрестьянского.....поминавши по моей души вси поминки какъ.... што ся еще останеть тыхъ пѣнязій, тогды отецъ мой духовный... тотъ останокъ пѣнязей маютъ привлащати къ тымъ золотымъ и къ серебрю.....отписалъ ку Божественной церкви Светого Великомученика Георгія; тежъ еще къ тымъ золотымъ и къ серебру маютъ приложони быти пугвици мои серебреныи позолоченыи, што на кафтанѣ тафты зеленое были; и то также ку потребѣ церковной. А што есми въ сей моей духовници отписалъ ку Божественной церкви светого Георгія, то все маеть подъ свѣдомомъ быти пановъ бурмистровъ ихъ милости братства Пре-

чистое Богоматере. Тежъ што есми которые дѣла и рѣчи росписалъ въ сей моей духовници, што маеть на светые церкви, тежъ гдѣ колвекъ кому раздано быти по моемъ животѣ, то все есми полецалъ въ моцъ и у опеканье отцу моему духовному Перенесенскому ерею Якову; просилъ есми его милости, штобы то было справлено подлугъ того, какъ есть росписано. Тежъ еще есми просилъ приятелей своихъ: Въскресенского ерея Ѳедора, а Михайловского ерея Ивана, а Лукьяна дьякона Спаского зятя а дьяка моего Андрейка, штобы илъ милость рачили попечаловатися по моемъ животѣ, отцу моему духовному помочни быти въ всякихъ дѣлехъ, посполу тѣло мое бы слушне поховали, а статокъ мой весь какъ стоячій, такъ лежачій и, хоромы бы нехай бы продавши, по моей души поминали слушнымъ обычаемъ; а про то есми ихъ милости просилъ и въ моцъ опеканья ихъ милости все то далъ, абы тотъ статокъ мой марнс, розно не пошолъ. А къ тому моему статку, што есми написалъ въ сей моей духовници, не маеть нихто уступатись а ни рушити, ни братъ мой родный, а ни иншій хто отъ прироженныхъ моихъ не маеть нихто въ томъ части; бо есми не мѣлъ ничого зъ дому отца моего; еще есми малъ почалъ служити и служилъ есми до узрослого молодца, ино милосердый Богъ не оттавилъ былъ мене, што ми Его светая милость далъ, то есми мѣлъ. Про тожъ прироженыи мои не мають ни которого дѣла до того моего статку. А хто бы мѣлъ сюю мою духовницу по моемъ животѣ рушити тотъ розсудится со мною предъ милостивымъ Богомъ на страшномъ судѣ. А при сей моей духовници были добрые люди и того добре звѣдоми: настоятель монастыря Светыя Троица архимандритъ Тихонъ а панове бурмистрове мѣста Виленского: панъ Алексѣй Грицовичъ, а панъ Харитонъ Хацутитъ, а панъ Ермола Слотовичъ а рядца мѣста Виленского панъ Сенко Андреевичъ. И про-

силъ есми его милость архимандрита Тихона и тыхъ пре-реченыхъ пановъ, штобы ихъ милость для лѣпшого свѣдецства и твердости и печати свои приложили къ сей моей духовници, и ихъ милость то на мою прозбу вчинили, печати свои приложили, а при ихъ милости печатехъ и свою есми печать приложилъ къ сей моей духовници. Писанъ у Вильни въ лѣто 7030, Мая 9 день, индиктъ 10, отъ Нарожсенья Христова 1522.

Писанъ на бумажномъ листѣ дольшаго (въ дюймъ длины и ширины) формата и на полулистѣ такого же формата по ширинѣ. Водяной знакъ—раскрытая рука. Въ низу шесть печатей оттиснутыхъ на бумагѣ, между которыми сохранилась печать самаго завѣщателя, на которой можно разобрать въ серединѣ славянскою вязью: Юрій, а по краямъ слова: печать ерея Матвея. Подпись греческими буквами: писалъ дьякъ Ифрапосъ (?). Весьма ветхъ.

3.

Королевская грамота Виленскимъ мѣщанамъ на построеніе Русской церкви въ Вильнѣ. 1532 г.

Жикгимонтъ Божью милостью король Польскій, великій князь Литовскій, Русскій, Прусскій, Жомоитскій, Мазовецкій и иныхъ.

Били намъ челомъ бурмистри и радцы мѣста нашого Виленского закону греческого о томъ: который церкви Божии стоять у Вилни а цвинтари при нихъ суть малыи людей мертвыхъ ховати не мають гдѣ и часу повѣтрея, которое было зъ Божого допущенья поховати людей мертвыхъ о колкось сотъ на передмѣстьи на Юрьевой Росѣ. И просили насъ абыхмо дозволили имъ тамъ на передмѣстьи церковь Божью русскую збудовати ку хвалѣ Бо-

жой и для хованья мертвыхъ людей. Ино мы для тыхъ причинъ ку хвалѣ Божей дозволили есмо церковь Божью за мѣстомъ на Юрьевой Росѣ поставити. И при томъ тежъ церкви мѣстцо есмо имъ дали, гдѣбы мѣли попа зъ домомъ мѣти. И на то даемъ имъ сесь нашъ листъ зъ нашою печатью. Писанъ у Краковѣ подъ лѣто Божего Нароженья 1500 тридцать вторый мѣсеца Ноября 18 день, индиктъ шостый.

Подпись: Горностай подскарбій земскій маршалокъ и писаръ,

Писанъ на листъ. Внизу тисненая печать.

4.

Копія духовнаго завѣщанія Ивана Андреевича Солтана. 1554 г.

Во имя Отца и Сына и Светого Духа и Светое живоначальное Тройцы аминь. Я рабъ Бжій Иванъ Андеевичъ, подскарбій дворный короля его милости, державца Виленскій пишу сію мою духовницу цѣлымъ зуполнымъ розумомъ за живота своего еще зъ памѣтью доброю, ни кимъ не намовенъ а ни примушснъ, одно доброю волею своею, паметаючи на часъ смерти, абы за доброе а зуполное памети и живота своего и по своей души память вчинилъ, а имѣнья мои и всю свою маетность слушне росправившы и расписавшы по собѣ зоставилъ што маеть по души моей дано до церкви Божое и тежъ жонѣ моей, кревнымъ моимъ и слугамъ росписено и роздано по моемъ животѣ быти маеть. На первѣй полецаю милому Богу и пречистой Его Матерѣ и вамъ святымъ душу мою а по смерти моей тѣло мое въ церкви Пречистое Богородицы Соборное въ мѣстѣ Виленскомъ въ каплицы нашой Благовѣщенью Пречистое Богородицы поховано быти маеть. А о души моей жона моя и кре-

вные мои печаловатися и память чынити мають. А што по души моей записую на церкви Божіи въ мѣстѣ Виленскомъ и въ мѣстѣ Троцкомъ и въ мѣстѣ Городенскомъ и въ мѣстѣ Новгородскомъ и господину митрополиту, ту тежъ слугамъ моимъ, которые мнѣ служили, што кому маеть дано быти, то все мeновите на реестръ написавши, жонѣ моей Богданѣ далъ, а она маеть водлугъ того реестру всимъ тымъ роздать, што на томъ реестрѣ описано естъ. Тежъ записую въ имѣнью моемъ Попортяхъ на храмъ Светого Николы службу людей зупольную купли свое, въ селѣ Кгимотынехъ на име Будра, Яцка а Войтка и зъ братаничь ихъ Богдановичовъ; мають тые люде на храмъ Светого Николы священнику Попорскому теперешнему и потомкомъ его служити на вѣчные часы такъ, яко мнѣ служили, а жона мое ани по животѣ жоны моей кровные мои тое службы людей отъ храму Светого Николы отыймать и ни чимъ се уступовать у него не мають. Ктому штомъ закупилъ въ мѣстѣ Виленскомъ домъ за полтретядцать копъ грошей у небощика священника Воекресенского Стефана, тотъ домъ записую на церковъ Светого Ивана у мѣстѣ Виленсковъ; который священникъ въ дому мѣшкати будеть, маеть по моей души и жоны моее и родителей нашихъ на вѣчные часы память чинить. Который монастырь Рожество Светое Пречистое зъ давныхъ часовъ отъ продковъ своихъ въ опецѣ и въ поданью своемъ мѣлъ, тотъ мой монастырь записую и даю въ опѣку и въ поданье и въ оборону братаничу моему пану Ивану Александровичу, къ тому тежъ записую дворъ мой въ мѣстѣ Виленскомъ противъ светого Яна подлѣ дворя князя Константинова братаничу моему пану Ивану Александровичу Солтану и сыну его а внуку моему Дмитру на вѣчные часы, нижли съ того двора отъ ремесниковъ въ кождый годъ до церкви светое Пречыстое соборное у Вилни и къ каплицы нашей благовѣщенья

по семи копъ грошей давати маеть. А естли бы братаничъ мой панъ Иванъ тотъ дворъ зоставилъ, або продалъ, будь латинского, албо грецкого закону, тгды тотъ хто закупить, хотя бы въ листѣ продажномъ албо заставномъ не описано было, продъ и съ того двора тотъ каждого году къ той соборной церкви по семи копъ грошей на вѣчные часы давати маеть. Тежъ записую жонѣ моей Богданѣ Өедоровнѣ, княжнѣ Четвертинской до живота ее имѣнье мое отчызное Попорти съ пашнею дворною а дворъ Микитыны зъ другою пашнею дворною и зъ людми тяглыми и ихъ землями и дяклы и ставы и зъ млыны, яко ширей есми на листѣ ее описалъ, который на то жонѣ моей есми далъ: челядь неволная, которая въ тыхъ дворахъ есть, маеть жонѣ моей до жывота служити а по ее животѣ маеть вся на волю выпущона быти. Тежъ записую имѣнье мое отчызное Почепово въ Евьѣ съ пашнями дворными зъ бояры, зъ мѣсты и людми тяглыми и зъ ихъ землями, зъ даныо грошовою и медовою и зъ дяклы и зъ ставы и зъ ставищы и зъ млыны, ни чого не выймуючи яко самъ держалъ. Къ тому жъ двору моему къ Почепову и къ Вевю записую люди мои отчызные и купленые данники Судиловичы и Дѣдковичы и Матеевичы и зъ ихъ землями и данми грошовыми и медовыми и зо всими поплатки ихъ, ничого не выймуючы, одно такъ, якъ я самъ держалъ. Тые всѣ именья, вышей мененые: Почеповъ, Вевь и данники записую по животѣ моемъ кревнымъ моимъ, то естъ двумъ сестрычнамъ моимъ рожонымъ пани Настасѣ, а пани Ганнѣ Ивановнамъ и ихъ дѣтемъ а потомкомъ, а сыномъ сестренцовъ моихъ рожоныхъ: Дмитру Семеновичу и его братаничамъ, дѣтемъ Васильевымъ а Тихну Михайловичу: тые имѣнья они промежы собою на чотыри части въ ровный дѣлъ роздѣлити мають. А што есть челяди неволное въ тыхъ всѣхъ дворахъ моихъ въ Почеповѣ и въ Евью, тую всю

челядь неволную по моемъ жывотѣ на волю выпускаю, а кревные мои въ ихъ ни чимъ се вступовать и ихъ въ неволю вернуть не мають. Особены зъ ласки моее записую сыну сестрыща моего рожоного Дмитру Совѣ дворець мой въ поветѣ Новгородскомъ на имя Бретенку, который есми купилъ на вѣчность у небощика пана Яна Ильинича за колко десять копъ зъ быдломъ и дворною Погинею и зъ людми и зъ ихъ землями и зъ ставы и зъ млыны и къ тому три пустовщызны, которымъ менѣ зять мой небощикъ панъ Кмита Стретовичь даровалъ, што ширей сеть на листѣ описано, который есми ему на то особливе далъ. А съ того дворца моего Дмитры къ манастыру моему въ Новагородку Светое Тройцы съ пашни дворное десятину давати маеть зъ жыта и зъ ярынъ кромѣ овса; а игуменъ Троецкій и потомки его за то по моей душы и жоны моее память чынити мають. Тежъ другому внуку моему Ивану Семеновичу записую зъ ласки моее дворець мой Користь, который есми купилъ на вѣчность у небощыка Аѳанаса Велковича зъ дворною пашнею и зъ людми и зъ ихъ землею и ставы, зъ млыны и съ тыми трема пустовщызнами, што есми на господарѣ короли его милости выслужилъ, што шырей есть на листѣ описано, который есми особливе на то далъ. Тожъ што есми былъ закупилъ у небощыка брата моего пана Богуша Юрьевича имѣнье его Почепобское люди у полтораста копахъ грошей, ино я зъ ласки своее братаничомъ моимъ Ивану а Грыгорью Богушевичомъ тыхъ пенезей обоимъ имъ сполне не отпускаю и дарую сто копъ грошей; а особливе брату Ивану Григорью зъ ласки моее за его службы на тыхъ же людехъ пятдесятъ копъ грошей записую, маетъ братъ его старшій Иванъ ему тую пятдесятъ копъ грошей заплатити и листы отъ отца ихъ закупные имъ есми поворочалъ, на которомъ ставищу зъ волею малжонки, ижъ занялъ есми ставъ своимъ на-

кладомъ, который есть подъ боярыномъ моимъ Андрейкомъ Оношковичомъ; тотъ ставъ имъ отдаю и накладомъ моимъ ихъ дарую а особливе человѣкъ, который небощыка пана Богуша отца ихъ на име Норко Азбутовичъ служба зуполная у мене въ заставѣ у десети копахъ грошей была, тою службою людей матку ихъ пани Авдотью Ѳедоровну Колонтаевну дарую. Тежъ што есми купилъ у боярына господарского повету Троцкого Лавръна Шолтоноса и въ его дѣтей на вѣчность земли въ Нярутюнехъ, которая есть въ обрубѣ зъ селы зъ сѣножатми, тую землю зъ ласки своее даю и записую за службу слузѣ моему Павлу Микитичу Госкому: маеть онъ тую землю держать на вѣчные часы и зъ тое земле до жывота жонѣ моей маеть служыти, на що тежъ есми ему листъ подъ моею печатью далъ, въ которомъ достаточне описано. А рѣчей рухомыхъ шатъ моихъ: шуба кунья одомашки сѣрое съ пугвицами серебреными позлотистыми сестрычнѣ моей пани Настазеи, другой сестрычнѣ моей пани Ганнѣ шуба бѣлилная отласу чорного съ пугвицами сребрными позлотистыми, шуба бѣлилная одомашки черленое съ пугвицами сребрными позлотистыми унуку моему Дмитру Семеновичу, шуба бѣлилная одомашки бурнатное съ пугвицами серебрными позлотистыми унуку моему пану Тиxну Михайловичу Совѣ, шуба горностаевая одомашки черное съ пугвицами серебрными позлотистыми жонѣ моей Богданѣ Ѳедоровнѣ. И тую остаточную мою волю всю на семъ тестаментѣ моемъ описалъ; гдѣжъ есми самъ тую волю мою устне его милости пану воеводѣ Новгородскому маршалку дворному подскарбсму земскому старостѣ Слонимскому, пану Ивану Горностаю объявилъ и просилъ есми егожъ милости пана воеводы Новгородского а маршалка и писара короля его милости державцы Мѣдницкого и Могилевского пана Остаѳея Воловича братанича моего, о приложенье печатей и ихъ

милость на мою прозбу и печати свои къ сему моему тестаменту приложыли. А на твердость лѣпшую и свѣдомъе сего моего тестаменту я самъ печать свою прыложылъ и духовникъ мой свещенникъ Козмодемъянскій Стефанъ пры той остаточной моей воли и пры справѣ сего моего тестамента былъ. Писанъ у Вилни подъ лѣто Божого Нароженья тисеча пятьсотъ петдесятъ чдтвертого мѣсяца Августа 24 день индиктъ 12.

Писанъ скорописью 17 вѣка на бумажномъ листѣ. Ветхъ.

5.

Запись монаха Кіевопечерскаго монастыря Ивана Богуша Гулькевича, которою онъ отказался отъ наслѣдственныхъ правъ своихъ на Флоровскій монастырь въ пользу игуменьи Агаѳіи Гуменицкой и инокинь, съ условіемъ, чтобъ онъ навсегда принадлежалъ къ православной церкви 1632 г.

Я Іоаннъ Богушъ Гулькевичъ Глѣбовскій, законникъ предъ симъ монастыря Печерского, а теперъ монастыря Слуцкого будучій, здоровый на тѣлѣ и умыслѣ, въ бытность и за позволеніемъ ясне въ Бозѣ превелебного его милости отца Петра Могилы, архіепископа митрополита кіевского, Галицкого и всея Росіи, архимандрита монастыря Печерского Кіевского, чиню явно и сознаю тимъ моимъ листомъ добровольнымъ, вѣчистой даровизны записомъ у каждого права суду, уряду и на кождомъ мѣсцу, нынѣшнего и напотомъ будучого вѣку людемъ, ижъ я зъ доброй воли моеи, ни отъ кого на то намовленный, ани примушенный не будучи, маючи вольность добрами своими, ведлугъ права посполитого, яко хотячи шафовати и диспоновати; заживаючи въ томъ вольности моеи шляхетской, добро мое, то есть: кгрунты, въ мѣстѣ его король. милости Кіевѣ будучіе, въ певномъ положенію и ограниченію лежачіе, на ко-

торыхъ за продковъ моихъ урожоныхъ Янова дѣда а Богуша отца,— съ початку дѣдами року Божого тисяча пять сотъ шестьдесятъ шостого, мѣсяца мая семнадцатого дня, церковъ зъ монастыромъ заложеня святыхъ Богу угодныхъ мучениковъ Флора и Лавра заложены и привилеями хвалебной и святобливои памяти наяснѣйшихъ пановъ королей ихъ милостей, а особливо Жигмунта Августа конфирмованы и подтверждены, которыхъ церкви зъ монастыромъ и всѣхъ до ихъ принадлежащихъ пожитковъ продкове мои, отправуючи по всѣ часы хвалу Божую, въ спокойной и не превратной посесіи зоставали, и за посесіи моеи хвала Божія непрестанно отправовалася и отправуется. Въ которой церкви и монастыру яко передъ тымъ законницы побожніи стану бѣлогловского и паненского мѣшкали, такъ теперъ тіе жъ законницы и игуменія, урожоная панни Агаѳія Гуменицкая игуменіею зоставши, тую церковъ зъ монастыромъ реставровала и во всѣ достатки и обряды церковные пріоздобила. Теды я Іоаннъ Богушъ Гулкевичъ, бачачи таковый пристойный и Пану Богу улюбленный и посвящонный порядокъ, надъ все хвалу Божію умиловавши, хотя и передъ тимъ будучій законникомъ монастыря Печерского, однакъ имъ для пилныхъ и важныхъ справъ духовныхъ отосланный до монастыря Слуцкого, абы ся на томъ мѣсцу хвала Божія ширила и множила, поневажъ и самъ я жъ при томъ мѣсцу зоставити не могу, тіе помененные кгрунты при той церкви и монастырю будучія, съ пляцами прикупленными куничниками и зо всѣми згола пожитками и приналежностями, ничого на себе самого и на сукцессоровъ моихъ не зоставуючи, помененой велебной госпожѣ инокинѣ панни Агаѳіи Гуменицкой игуменіи, ей самой и по ней наступаючей игуменіи и въ нихъ законницамъ теперешнимъ и напотомъ будучимъ, хотячи далѣй абы

яко найвелцѣй хвала Божія множилася, даю, дарую и часы вѣчными а ниглы не отзовиными, а ниже назадъ не поворочаючими записую, вливаю и цилую, права, привилея, посессію и вшелякіи диспозиціи до рукъ ихъ милости отдавши, самъ ся тихъ кгрунтовъ, церкви зъ манастыромъ, права, титулу, дѣдицства вшелякои наименшои претенсіи часы вѣчными вырекаю. Волно есть и будеть тимъ помененнымъ законницамъ теперешнимъ и напотомъ наступаючимъ, однакъ при вѣрѣ и старожитной Гречеекой православныя Церкви Всходныя зоставаючимъ и знайдуючимся, такъ радити и справовати, яко бы що разъ большое и горячное расположеніе хвала Божія относити могла, записуючися и облигуючися имъ за себе самого и за сукцессоровъ моихъ, ижъ жадного наименшого импедименту, ани перешкоды въ тихъ кгрунтахъ, въ церкви и монастыру и во вшелякихъ пожиткахъ черезъ всѣ давности земскія отъ мене и отъ сукцессоровъ моихъ не отнесуть и не будуть мѣти; и овшемъ, отъ вшелякихъ найменшихъ перешкодъ и импедиментовъ, еслибы якіе зъ особы моеи, альбо сукцесоровъ моихъ заходити мѣли, тихъ помененныхъ законницъ теперешнихъ и напотомъ наступуючихъ у вшелякого права и суду своимъ власнымъ коштомъ и накладомъ боронити и заступовати маю и повиненъ буду, и сукцессоры мои повинни будуть; а то под закладомъ тысячи копъ Литовскихъ и подъ шкодами вшелякими голымъ словомъ, кромѣ жадното доводу положонными. О которыхъ закладъ и шкоды въ спротивенью въ чомъ-колвекъ, бы въ найменшой речи, тому листови, доброволному записови моему черезъ мене самого албо сукцессоровъ моихъ позваннымъ и позватися будучимъ форумъ генералное въ кождомъ судѣ такъ духовномъ, головномъ трибунальскомъ, такъ въ коронѣ, яко и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ на-

значаю, гдѣ кромѣ вшелякихъ и не перезволокъ, грессенцій, диляцій, малыхъ и великихъ апеляцій и ихъ прозекуцій, я самъ и сукцессорове мои завите и скутечне тиле, иле кроть потреба того укажеть рекомендовати и усправедливити ся маю, мають, буду и будуть повинни, жадными правными и неправными оборонами, зъ розуму и довцѣпу людского вынайденными и вымышленными, не щитяся и не скланяючися.

На що далемъ менованнымъ теперешнимъ и напотомъ будучимъ набожнымъ госпожамъ инокинямъ тотъ листъ — добровольный запись вѣчистои донации, съ подписомъ руки моеи и подъ печатью моею. А для большои вѣры и твердости, — съ печатью и съ подписомъ рукъ ясне въ Бозѣ превелебнаго его милости отца Петра Могилы, архіепископа митрополита Кіевского, Галицкого и всея Россіи, архимандрита монастыря Печерского, отца и пастыря моего, и ихъ мосцовъ законниковъ, а особливо подъ печатьми и подписами рукъ ихъ милости пановъ пріятель и печатаровъ, на подписахъ менованныхъ, которые за устною и очевистою прозбою моею, печати свои приложити и руки свои подписати рачили. Писанъ въ Слуцку, року Божого нароженія тысяча шесть сотъ тридцать второго, мѣсяца мая двѣнадцатого дня.

Петръ Могила, архіепископъ митрополитъ Кіевскій, рукою власною, яко зезволяющій и потвержаючій рукою власною. — Іоаннъ Богушъ, рукою власною: — Варлаамъ Десковскій, намѣстникъ Печерскій, рукою власною. — Іеромонахъ Филаретъ Горбыкевичъ, уставникъ Печерскій, рукою власною. — Junusz Bykowski chorąży Starodubowski, ręką moią własną, podpisuiesię. — Hrehor Mizski, strażnik w. k. Litewskiego, ręką własną. — Hregory Kunicky

w Wielkiey Kunii, podczaszy Starodubski, ręką swoią podpisuie się.

Простая копія, снятая съ копіи, засвидѣтельствованной, изъ архива Кіевской Духовной Консисторіи (См. Труды Кіевской Духовной Академіи 1860 г., кн. 1).

6.

Фундушъ или запись подкоморія мстиславскаго Богдана Стеткевича и жены его Елены, урожденной княжны Соломерецкой, которою въ имѣніи своемъ Буйничахъ въ Оршанскомъ уѣздѣ, основываютъ общежительный православный Духовскій монастырь, отдаютъ его въ завѣдываніе Кутеинскаго игумена Іоиля Труцевича и опредѣляютъ границы даваемыхъ ему имѣній, селъ Костянки и Холма, съ условіемъ пребывать всегда въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха и въ соединеніи съ кутеинскимъ монастыремъ 1643 г.

Фундушъ на Буйницкій монастырь.

Во имя пресвятое и живоначальное единодушное и нераздѣлимое Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, ку вѣчной памяти станься. Аминь:

Я Богданъ Вильгельмовичъ Стеткевичъ, подкоморій Мстиславскій, а я Гелена Богдановна княжна Соломерецкая, старостинка Кричевская и Клучицкая, малжонка его милости пана подкоморого Мстиславскаго, обое мы сполнѣ, згоднѣ а нераздѣльнѣ, явно чинимъ и сознаваемъ симъ нашимъ листомъ, добровольнымъ фундушнымъ вѣчистымъ записомъ, приводячи всимъ вобецъ до вѣдомости и каждому зособна, хтобы о томъ теперъ и напотомъ завжды вѣдати хотѣлъ, ижъ што первѣй сего въ Пану Богу зошлый годное памяти небощикъ князь Богданъ Богдановичъ Соломерецкій, старостичъ Кричевскій и Клучицкій, за держанья своего имѣній своихъ всякихъ дѣдичьныхъ и отчистыхъ, зъ набожнаго умыслу своего христіанского, для вѣчистое памятки и богомольства, немнѣй для розмноженья хва-

мы Божое, замыслилъ былъ подъ послушенствомъ и благословеніемъ святѣйшаго патріархи всходнее церкви соборное Апостольское столицы Константинопольское въ имѣніи своемъ Борколабовскомъ, монастырь православное вѣры христіанское набоженства Греческого общежительной мѣти; нижли зъ великихъ и важныхъ причинъ но весь часъ живота небощика его милости князя Соломерецкаго до того не пришло и прійти не могло, тогды мы вжо сами верху мененые особы, я Богданъ Стеткевичъ и я Гелсна Соломерецкая, по животѣ небощика князя Соломерецкаго, вѣчнымъ дѣдичнымъ и неотзовнымъ правомъ имѣнья, замку, мѣста и волости Борколабова и всея тоя маетности зо всею належностью и иншими до него належачими имѣньями, дворами и фольварками державчими зоставши, а хотѣчи мы сами зъ нашое доброе (воли) водлугъ повинности и звыклости нашое христіанское частку нѣкоторую зъ маетности нашое, намъ отъ Господа Бога даное и до шафунку нашого повѣроное, на хвалу Его святую Бозскую обернути, абы такъ взглядомъ насъ самихъ и продковъ нашихъ при отправованю хвалы Божое богомольство не уставало, заживаючи въ томъ вольности шляхецкое правомъ посполитымъ вароване, въ имѣнью нашоиъ здавна названомъ Буйничахъ, въ повѣтѣ Оршанскомъ лежачомъ, за помочью Божою фундушъ водлугъ воли нашои чинимъ, то есть, монастырь общежительный зъ выраженемъ артикуловъ и пунктахъ въ семъ листѣ нашемъ нижей описанныхъ, вѣчне фундуемъ и за разомъ подъ послушенство и владзу старшаго теперешняго игумена монастыря нашого Кутеенскаго, давно листомъ благословеннымъ святѣйшаго патріархи Іерусалимскаго киръ Ѳеофана и екзархи Константинопольскато киръ Арсенія архимандрита великія церкви называючи подъ титломъ ставропитіи святѣйшаго патріархи Константино-

польскаго, утвержонаго и фундушами нашими вѣчистыми не разъ апробованнаго, симъ листомъ нашимъ поддаемъ, варуемъ и вдѣляемъ, а мяновите въ томъ вышепомяненомъ имѣнью нашомъ Буйничахъ фундуемъ вѣчьне: надаемъ кгрунтъ землю и пляцъ, на которомъ маетъ быти збудованный монастырь, а церьковь заложеня Сошествія Всесвятаго Духа, то есть на сей сторонѣ рову отъ Буйничъ, отъ границы мѣста его королевское милости Могилева, которая граница идетъ зъ рѣки Днѣпра чрезъ сѣножать въ логъ великій, прозываемый Глубокій, до кгрунту нашого Буйницкаго, дѣлечи кгрунты наши Буйницкіе по лѣвѣ, а Могилевскіе по правѣ, вымѣривши того кгрунту зъ сѣножатью волоку одну доброю помѣрою волочною и копцами отъ кгрунту нашого Буйницкого до рѣпи Днѣпра осыпавши.

На которомъ мѣстцу монастырь зъ церковью и што до того належить будованный и фундованный, а подъ тымъ заведеннымъ кгрунтомъ, то есть волокою одною, весполь и сѣножать надъ рѣкою Днѣпромъ до монастыря належати маеть.

А на выховане игумену съ законниками, также и на порадное отправсванье хвалы Божое въ церкви, фундуемъ и вѣчне правомъ неотзовнымъ надаемъ и записуемъ отъ имѣнія нашого Борколабовскаго, въ томъ же повѣтѣ Оршанскомъ лежачаго, кгрунту земли волокъ сто, а мяновите: за рѣкою Днѣпромъ село Костянку, здавна названое Сутоки, и село Слободка, названная Холмъ, въ которыхъ обудвухъ селахъ вымѣреннаго кгрунту волокъ сто; тые вси вышей помененые кгрунты и села зъ людьми, землями, кгрунтами осѣдлыми и неосѣдлыми, пашными, и непашными разробками, зарослями, зъ селищами, погноями, застѣнками, сѣножатьми, мурожными и болотными, рѣчками, рѣками, ставы, ставищами, сажавками, зъ лѣсами, пущами, гая-

ми, дубровами, зъ деревомъ бортнымъ, зъ пчолами, зъ ловы звѣриными и пташными, рыбными и зо всякими земными, лѣсными, водными, якимъ кольвекъ способомъ теперъ и напотомъ вынайденными и названными пожитками, также зо всѣми тыхъ вышей мянованныхъ селъ людьми подданными, зъ платы, цыншами, дяклами, и всякими повинностями и доходами, зъ нихъ здавна до тыхъ селъ належачими, заживаючи надъ ними всякое зверхности, зъ вольнымъ дохожденьемъ збѣговъ подданыхъ, отдаляючи отъ насъ самихъ, потомковъ, близкихъ, кровныхъ и повинныхъ нашихъ, ничого на себе и потомки наши и ни кого иного зъ тыхъ вышей помяненныхъ кгрунтовъ нашихъ, земель, селъ и всякое ихъ повинности и належности не выймуючи и не зоставуючи, хоть бы се што и не поменило; тогды мянованое, немянованое мянованому ничого правы и владзы уймувати и на перешходѣ быти не маетъ, але все огуломъ и вздоймомъ, яко сей тотъ вышемянованный кгрунтъ Буйницкій вымѣренный волока одна и села заднѣпровскія Костянка и Холмъ зо всѣми своими угодьями, долгостями, широкостями, межами границами и всѣми околичностями первѣй сего сами въ собѣ мѣли и теперъ маютъ обѣль вѣчно и на вѣки непорушно правомъ неотзовнымъ въ моцъ, владзу, вѣчьность и дѣдитство тому монастырю нашому Буйницкому надаемъ и фундуемъ, и то все яко есьмо вышей помянило, подъ владзу, радъ и послушенство заразомъ въ моцъ, держанье и спокойное вѣчистое уживанье врадовнѣ чрезъ возного повѣту Оршанскаго и енерала его королевской милости дворного Миколая Лешевича въ Бозѣ велебному честному господину отцу Іоилю Труцевичу и всей о Христѣ братіи его законникомъ инокамъ монастыра нашого Кутеенскаго подаемъ и поступуемъ зъ таковымъ докладомъ и объясненемъ, на вси потомные часы неотмѣннѣ трваючимъ; за щасли-

вымъ, дастъ Богъ, убудовеньемъ и уфундованьемъ того новозаложонаго монастыря нашого Буйницкаго, игуменъ равное чести, поваги, прерогативы и юрыздыкцые такъ яко игуменъ Кутеенскій быти и водлугъ перших фундушовъ нашихъ Кутеенскихъ, постерегаючи благочестія православной въ вѣрѣ нашой христіанской, въ ладѣ и чинѣ общомъ законномъ иноческомъ завше трвати и хвалу Божую ку утвержденью церкви православное размножати маютъ и повинни будутъ. А для большаго соузу любви братерское и статечное захованье святое богоносными и преподобные отцы святыми преданное общины, къ тому и любоначальству въ пришлый часъ забѣгаючи, то симъ фундушомъ нашимъ варуемъ и мѣти хочемъ, абы завше напотомъ игуменове обоихъ тыхъ монастыровъ нашихъ, Кутеенскаго и Буйницкаго, тамъ въ которомъ того монастыра потреба указовати будеть, такъ за зейстьемъ которого зъ нихъ зъ сего свѣта, яко и за отдаленьемъ зъ якихъ важныхъ причинъ, игумена не было, тогды позосталый зъ братіею обудвухъ обнивателей зщедшисе и ктиторовъ благочестивыхъ везвавши, и общій совѣтъ учинити и пъ посродку себе зъ братіи иноковъ старца побожнаго, въ житіи честномъ иноческомъ изряднаго и прикладнаго за игумена безъ спору обирати и онаго на благословеніе и подтвержденіе до старшихъ духовныхъ (яко о томъ въ першихъ фундушахъ Кутеенскихъ ширей описано) отсылати маютъ и моцъ мѣти будутъ; а пришло ли бы до гого зъ якихъ слушныхъ причинъ, выражоныхъ въ тыхъ же фундушахъ нашихъ Кутсенскихъ, отмѣнити котораго зъ нихъ владзу мѣти будутъ. Надъ то еще тые обадва игуменове якъ покорму и одѣянья сами воспо́ль и зъ братіею обще и заровно заживати, такъ тежъ и завше черезъ рокъ, то есть Кутеенскій въ Буйницкомъ, и Буйницкій въ Кутеенскомъ

монастырахъ и зъ всею ихъ братіею на перемѣну мѣшкати, и ровно межи собою владзы и достоинства во всемъ заживати: за оскудѣніемъ засъ въ одномъ монастыры и за изобильствомъ въ другомъ въ нужныхъ и потребныхъ, одинъ другого вспирати, подмогати и додавати, иноковъ за благословеніемъ и розказаньемъ старшого, въ общую пользу душевную, бы терминъ роковый общее всихъ перемѣны не вышолъ зъ монастыря въ монастырь и себе на мѣшканье пересылати мають и моцъ мѣти будутъ, и вжо тыя обадва монастыры наши для спольного и згодливого братіи законное въ нихъ межи собою поступку заровнаго обыйстя за одинъ почитаны и разумѣны быти мають. Того всего и особливе взглядомъ перемѣны надъ сесь фундушъ нашъ иначей не чинити, подъ виною, въ першихъ фундушахъ нашихъ около недержанья общины и привнесенья якое кольвекъ ереси описаною, далѣй во всемъ ведлугъ тыхъ же фундушовъ нашихъ першихъ справуючися. А съ тыхъ всѣхъ вышей помененыхъ селъ, кгрунтовъ, отъ насъ на помененый монастырь нашъ Буйницкій фундованыхъ, зрекшисе, на отца игумена и братію его законную и братію его законную вѣчными часы вливаемъ, и за имя наше имя предречоныхъ монастырей нашихъ Кутеенскаго и Буйницкаго у кождого суду и права на веи потомные часы розумяно и пріймовано быти маеть, вынявши только зъ певныхъ причинъ (о чомъ широко въ першихъ фундушахъ нашихъ есть описано) оборону, заступоване и опеку, которая не только на насъ самихъ стягается, але и на.... братію, кровные, повинные наши и особливе и на обывателя повѣту Оршанскаго, только жь благочестивые въ вѣрѣ православной неотмѣнне подъ благословеньемъ и послушенствомъ святѣйшаго патріархи Константинопольскаго трваючіе, сукцессиве вмеватися маеть и належати будетъ.

А и (жъ) ни якимъ способомъ ижъ ни въ чемъ сее фундаціи и наданья нашого нарушати не маетъ, закладаемъ на себе заруки за каждымъ разомъ осьмъ сотъ копъ грошей Литовскихъ до каждого суду земскаго жгродскаго, албо головного трибунальскаго, рокомъ завитымъ будучи позвани, зъ нагороженіемъ шкодъ, накладовъ словне мянованныхъ и будучи готове теперъ за живота нашого отъ каждого въ тую фундацію нашу очищати, и по животѣхъ нашихъ потомки наши, еслибы кто кольвекъ по насъ добръ нашихъ всякихъ державимъ будетъ, надъ сесь записъ нашъ фундацыйный и обовязки въ немъ описаныя подлегати маетъ и будетъ повиненъ, якожъ каждого таковаго, хтобы сыю фундацыю нашу въ которомъ кольвекъ пунктѣ вышей и нижей описаномъ нарушалъ, при оборонѣ и правѣ земскомъ, па страшный судъ Христа Бога нашого, Судіи нелицомѣрнаго, позываемъ. Въ которыхъ то обудвухъ монастырахъ нашихъ, то есть Кутеенскомъ и Буйницкомъ, отцове игуменове и зо всею братіею хвалу Божую водлугъ порядку и церемоніи Церкви Святое восходнее, по уставу святыхъ отецъ Іерусалимскому и прочихъ святыхъ обителей, отъ церкви святое восточное принятыхъ, ухваленныхъ и зъедночоныхъ, отправовати, за насъ ктиторовъ и потомство наше Господа Бога просити, монастырь и церковь, а похочутъ ли школу и друкарнѣ водлугъ найлѣпшаго баченья своего и фундушу нашого першого, деревомъ альбо муромъ будовати, разширати и всякіе пожитки прибавляти и далѣ во всемъ се томъ звлаща, што до православное нашое христіанское вѣры и послушенства патріархи восточнаго вселенскаго трону апостольское Нового Риму называемого Константинополя и до общаго и побожнаго иноческаго житія стягаетъ, подлугъ повторного фундушу нашого Кутеенского вѣчными часы заховывати и подлегати маютъ и будутъ повинни.

А кончачи и декляруючи тую волю нашу, означаемъ ужъ сесь увесь фундушъ нашъ загорнувши въ себѣ безъ всякое отмѣны, нарушенья и уближенья вси параграфы, пункта и клявзури, описанныя, выражоныя на двухъ головнѣйшихъ все ствержаючихъ артикулахъ завешоный естъ перший, абы оные обадва монастыры наши Кутеенскій и Буйницкій и игумены зъ братіею подъ послушенствомъ и благословеніемъ патриаршимъ святѣйшое столицы Константинопольское завше неотмѣннѣ зоставали; другій абы игуменове кромь всякихъ околичностей, яко теж и братія зъ игуменами кромъ всякаго роптанія, росколовъ и смятенія въ общомъ и побожномъ житіи неотмѣнно трваючи пребывали и въ зобопольной милости и згодѣ зъ собою якъ духомъ порожоная братія трваючи и премѣну зъ монастыра въ монастыръ, яко се вышей помснило, чинячи, потребами вшелякими равно удѣлялисе и достатками превышаючіе оскудныхъ подпомогали и вспирали, якожъ и тотъ листъ фундушъ нашъ вѣчный у каждого суду и права и въ томъ всемъ. что се вышей поменило, при зуполной моцы и за важный пріймованъ и держанъ быти маеть вѣчными часы.

И на то я Богданъ Стеткевичъ, подкоморый Мстиславскій, а я Гелена Солморецкая, малжонка его милости, дали есьмо господину отцу Іоилю Труцевичу, игумену и всей его о Христѣ братіи инокомъ монастыра Кутеенскаго, сесь нашъ листъ вѣчистый фундушный запись подъ нашими печатьми и съ подписами власныхъ рукъ нашихъ, до котораго за устною и очевистою прозьбою нашою люди зацные, ихъ милость панове пріятели наши, печати свое приложити и руками се власными подписати рачили.

Писанъ въ Буйницахъ, лѣта Божого нароженя тысяча шесть сотъ тридцать третьего, мѣсяца автуста перваго дня, водлугъ старого календару.

На подлинномъ приложено пять печатей, а подписи слѣдующія:

Стеткевичъ Богданъ, подкоморый Мстиславскій, ротмистръ его королевское милости, рукою власною. Гелена Соломерецка Богданова Стеткевичова, рукою власною.

Князь Самуель Огинскій, тивунъ Троцкій, дворанинъ его королевской милости,

Янъ Стеткевичъ, хорунжій Оршанскій, ротмистръ его королевское милости. Князь Янъ Жижемскій, старостичъ Рѣчицкій.

Копія сей записи хранится въ могилевской духовной консисторіи.

II.

ПРУССАКИ ВЪ БЫВШИХЪ ПОЛЬСКИХЪ ОБЛАСТЯХЪ (*).

(Изъ рукописи Т. II, гл. XVI: „Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ С. З. Россіи, собралъ В. Ратчъ).“

Польскіе обороты—Общество Теллусъ къ удержанію польскаго земле-владѣнія—Предъ мятежемъ 1863 года.

Авторъ сочиненія „Das Grossherzogthum Posen und die Polen“, бывшій познанскій депутатъ, подновляетъ въ памяти своихъ соотечественниковъ сочиненія и данныя, которыми выработался польскій вопросъ, его исторію и настоящее значеніе полонизма въ Познани. Приведемъ изъ него нѣкоторыя заключенія, которыя указываютъ, какъ польскій вопросъ поставленъ въ Пруссіи:

Едва прошло 12 лѣтъ съ 1848 года, и снова раздаются намъ уже знакомые *вопли* (der bekannte Schmerzensschrei) поляковъ, никогда не могущихъ быть покойными. Кто поляковъ не достаточно знаетъ, тотъ только можетъ думать, что амнистія, дарованная мятежникамъ въ 1848 г. ихъ вразумила. Духъ разрушенія снова овладѣваетъ всегда безпокойными, всегда недовольными поляками, и гонитъ ихъ къ новой дѣятельности, которую можетъ только тотъ считать уже невозможною, кому ближе не извѣстны безразсудныя и неправдивыя продѣлки 1848 года. Что французы не знаютъ ни поляковъ, ни ихъ исторіи, это въ порядкѣ вещей; но нельзя искренно не пожалѣть, что нѣмцы, и въ томъ числѣ люди занимающіе высшія правительствен-

(*) См. 8 и 9 кн. „Вѣст. Зап. Россіи.“

ныя должности, не жившіе или мало жившіе среди поляковъ, не только не имѣютъ о нихъ вѣрнаго, но, напротивъ, зная событія, объ ихъ характерѣ, имѣютъ даже совершенно ложное мнѣніе (sondern eine durchaus falsche Ansicht). Высокочтимый фельдмаршалъ графъ *Гнейзенау* долгое время благоволилъ къ нимъ; но когда, начальствуя войсками въ Познани, при событіяхъ 1831 г., пожилъ въ этой провинціи, тогда и онъ объявилъ что „до того времени, относительно поляковъ, былъ въ большомъ заблужденіи“ (1).

Священный долгъ каждаго честнаго и вѣрнаго пруссака, изучившаго поляковъ, выставить на свѣтъ свои наблюденія просто и безъ прикрасъ, не въ надеждѣ вразумить поляковъ,— это все тоже чтоословъ возить въ Аѳины (Eulen nach Athen tragen); но для того, чтобы по возможности разсѣять ложные взгляды на поляковъ и ложныя о нихъ мнѣнія. Познань, по видимому, нынѣ спокойна; но велика будетъ опасность, если мы на то положимся. Не смотря на всю добрую волю и бдительность администраціи, поляковъ снова обуялъ духъ безпокойства и интриги противъ правительства, отечески заботливаго о благоденствіи страны. Вокругъ насъ всѣ предтечи событій 1846 и 1848 годовъ; по прежнему польскія газеты, возбужденія со стороны эмиграціи и эмисары перекрещиваютъ страну по всѣмъ направленіямъ, а въ тиши припасаются и матеріалы къ систематически готовимому мятежу. У крамольной части польскаго населенія, *возстановленіе Польши сдѣлалось пунктомъ помѣшательства* (2).

Польскія надежды на возстановленіе Польши, можно было бы считать невинными и невредными, еслибы каждый ихъ только носилъ глубоко погребенными въ сердцѣ, но когда наступаютъ общественные кризисы, тогда государство требуетъ всего самоотверженія своихъ сыновъ (3), а 1848 годъ насъ научилъ тому, къ чему можетъ привести подобный расколъ въ сердцахъ подданныхъ; а *будущность* и *впредь дастъ тому новыя указанія*. Поляки въ русской Польшѣ, равно какъ и въ австрійской Галиціи и прусской Познани одинаково стремятся къ **возстановленію Польши и къ самостоятельному польскому государству** (4).

Для этой цѣли, они въ каждомъ государствѣ, хотятъ изъ бывшихъ польскихъ провинцій устроить свое государство въ государствѣ (status in statu); а эти домогательства они маскируютъ

---

(1) Einleitung p. 2. (2) p. 3. (3) p. 15. (4) Стр. 15.

своими воплями объ *угнетеніи польской національности*. События польскаго мятежа (1830—1831) и въ предѣлахъ Пруссіи доказали, что *лозунгъ польской національности — мятежъ и измѣна* (1).

Авторъ издалъ свою книгу въ концѣ 1861 года и въ виду затаиваемыхъ приготовленій, грозившихъ новымъ мятежемъ (дѣйствительно, два года спустя вспыхнувшимъ); какъ нѣмецъ—житель Познани, онъ предупредительно изслѣдовалъ, въ какой средѣ польскаго ея населенія гнѣздится крамола, какими путями она можетъ имѣть вліяніе на остальное польское населеніе, и какія ея надежды; въ чемъ сущность польскихъ воплей объ угнетеніи ихъ національности и, наконецъ, чего Пруссія должна ожидать при дальнѣйшемъ развитіи наружныхъ проявленій видимаго волненія умовъ въ Познани. Изъ весьма поучительной книги сгруппируемъ нѣсколько выдержекъ.

Къ политической польской свободѣ стремятся только члены шляхетства, ихъ жены и неблагомыслящія личности р.-католическаго духовенства. Это три дѣйствующія пружины для домогательствъ возвращенія того времени, когда всякой шляхтичъ себя могъ считать рожденнымъ наслѣдникомъ престола, и когда не были извѣстны въ Польшѣ ни законъ, ни порядокъ, ни подчиненіе.

Польская шляхта—это особая раса, которая, до самаго паденія Рѣчи Посполитой, не сближалась съ народомъ; даже въ своемъ костюмѣ она ничего общаго не имѣла съ народною одеждою. Шляхтичъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, все же брилъ себѣ голову, отпускалъ длинный усъ, одѣвался хотя бы въ изношенный контушъ и, опоясываясь саблею, садился на свою клячу, когда являлся къ обѣдни, гдѣ было стеченіе простолюдиновъ. Выселяясь и распускаясь среди прусской націи, польская шляхта, нѣкогда многочисленная, убываетъ ежегодно и нынѣ ея остается не болѣе 5,000 (2).

Масса польскаго населенія т. е. настоящаго польскаго народа, ни въ какомъ случаѣ не должна быть почитаема крамольною; крестьяне и большая часть жителей городовъ преданы правительству и только 1/200 часть общаго населенія Познани, составляетъ ту среду, которая подзадориваетъ къ мятежамъ и къ измѣнѣ, над-

(1) Стр. 41. (2) Стр. 8.

рывается воплями и ищетъ возбудить къ себѣ сожалѣніе, корча изъ себя *несчастныхъ*, *немилосердно притѣсняемыхъ*. Волнующаяся часть населенія принадлежитъ шляхетству, литераторамъ и нѣкоторымъ горожанамъ въ небольшихъ городахъ (1). Полонизмъ гнѣздится въ средѣ польскаго дворянства, польскаго духовенства и той части польскихъ горожанъ, которая, увлекаемая въ гибель, на своихъ плечахъ, къ сожалѣнію, выноситъ послѣдствія безпокойныхъ стремленій высшихъ внушителей (2). Масса не только не раздѣляетъ подобныхъ заявленій; но, конечно, никогда и не согласилась бы дать кому бы ни было подобное порученіе.

Въ народѣ живутъ преданія стараго времени. Когда въ 1848 году одинъ помѣщикъ вошелъ въ кабакъ, велѣлъ подать водки и побуждалъ крестьянъ взяться за оружіе, дабы завоевать независимость старой Польши, то присутствующій крестьянинъ, снявъ съ себя рубашку, показалъ ему шрамъ на спинѣ,—воспоминаніе временъ Рѣчи Посполитой, и прибавилъ: „Благодаримъ васъ, панъ, за вашу вольность (3).“

Не вѣдающіе исторіи Польши и всѣхъ угнетеній въ ней вынесенныхъ народомъ, чувствительные *поломаны*, сентиментальные и ослѣпленные, а подъ ихъ маскою иноземные интриганы и можетъ быть нѣкоторыя правительства, приравниваютъ поляковъ къ грекамъ, когда тѣ возстали противъ турокъ; но да вспомнятъ ретивые *поломаны*, что поляки въ Россіи, Австріи и Пруссіи по прежнему живутъ въ своей родинѣ, только съ тѣмъ различіемъ, что ихъ родиной управляютъ лучше, справедливѣе и разумнѣе; что уничтожены своеволіе, самоуправство и внутренніе раздоры, при которыхъ стонала масса. Развѣ вся исторія поляковъ до нынѣшняго дня не доказываетъ, что они не способны къ самостоятельному управленію? Поляки вопіютъ, что грубая сила (la force brutale) руководила раздѣломъ Польши; но развѣ раздѣлы Польши, напротивъ, не положили конецъ грубой силѣ высшихъ сословій, которая игомъ тяготѣла надъ населеніемъ страны?

Время польскаго возстанія 1831 года можетъ служить разительнымъ указаніемъ тому, что происходитъ, когда поляки собираются для какого либо общественнаго дѣла. Тотчасъ являются раздоры за ними ненависть, которая приводитъ къ разброду.

(1) Стр. 5. (2) Стр. 102. (3) Стр. 7.

могутъ ли сами поляки въ томъ не согласиться? Таковы уже ихъ природныя качества (1).

Если нынѣ недовольная каста, съ своими несвѣдущими приверженцами (во Франціи), кричатъ противъ раздѣловъ Польши, то почему же они молчатъ о раздѣлѣ 1807, по декрету Наполеона I, для деспотическихъ цѣлей котораго, они семь лѣтъ разбрызгивали свою кровь? Семь лѣтъ онъ водилъ ихъ къ дурацкому столбу (Narrenseile) надеждою на возстановленіе Польши. Своею многолѣтнею услужливостью Наполеону I, не доказали ли поляки вполнѣ всю свою политическую близорукость, или вѣрнѣе слѣпоту, и не этой ли слѣпотѣ они обязаны тѣмъ, что туры, которыми они оправдываютъ свои мнимыя работы, *несправедливые раздѣлы Польши*, утратили всякое политическое значеніе. Польскія области при Наполеонѣ были прямо вновь завоеваны противъ открытаго, явнаго врага, въ рядахъ котораго до окончательнаго пораженія Наполеона, остались изъ иноземцевъ одни только поляки. Вѣнскій конгрессъ утвердилъ поляковъ за побѣдителями, какъ вознагражденіе военныхъ успѣховъ и усилій; почему же Познань нынѣ не такая же прусская область, какъ Вестфалія и Рейнскія провинціи, единовременно и одинаково пріобрѣтенныя Пруссіею?

Для Франціи, конечно, было бы выгодно возстановить давнюю Польшу и имѣть въ ней стража противъ Россіи, Австріи и Пруссіи; но Наполеонъ I и не старался о томъ, сознавая всю политическую несостоятельность поляковъ. Онъ водилъ ихъ только за носъ, и поляки, того не замѣчая, цѣлые семь лѣтъ ему жертвовали своимъ достояніемъ и населеніемъ. Не одна сотня тысячъ сыновъ Польши погибла для плановъ Наполеона; а герцогъ *Бассано*, еще въ началѣ похода 1812 г., писалъ: „Императоръ глупостями не занимается и для него поляки только средство, но ни какъ не главная цѣль.“ Поляки постоянно твердятъ о принципѣ своей національности,—слово, нынѣ столь модное; но развѣ не краснѣя, они могутъ вспомнить о своей національности въ установленномъ герцогствѣ Варшавскомъ, которымъ управлялъ французскій резидентъ по кодексу, Наполеономъ наскоро для нихъ продиктованному (2)? „Поляки ко всему способны, но ни на что не годны“ (3), сказалъ о нихъ извѣстный князь *де-Линь*.

(1) Стр. 16. (2) Стр. 19. (3) Les Polonais sont capables de tout; mais bon à rien. p. 21.

При воплях об угнетении прусским правительством польской національности, поляки указывают на отнятіе у них землевладѣнія, на притѣсненія р.-католиков, на стѣсненіе польскаго языка, на лишеніе их прав и законов, истоптанных Пруссіей. Автор, подробно, исторически разбирает всѣ польскія требованія. При изслѣдованіи вопроса о землевладѣніи, он говорит:

„Прусское правительство постоянно заботилось о притокѣ нѣмецких стихій в польскія области и для того покровительствовало водворенію нѣмецкаго элемента; но, признав однажды, что бывшія польскія области должны навсегда составить неотъемлемую часть прусской монархіи, Пруссія естественно, при крамольном настроеніи полонизма, гнѣздящагося в туземной вліятельной части населенія, старалась выжить его из края вліяніем нѣмцев, столь преданных прусскому государству. Сверх того, правительство искало возможнаго развитія народнаго богатства, добываемаго из почвы, и оно ясно видѣло, что нѣмцы для того были несравненно способнѣе. Нынѣ они поселяются в краѣ уже не по распоряженію правительства; но их привлекают в край собственные интересы, так как прусское правительство, внимательно изучив страну, создало такое положеніе дѣл, что дальнѣйшее его онѣмеченіе неотвратимо идет само собою.

Прусское правительство, при самом началѣ водворенія нѣмцев, при Фридрихѣ Великом, *стратегически* строго обсудило вопрос о географическом размѣщеніи нѣмецкаго элемента, сознавая, что для скрѣпленія монархіи недостаточно его границы только означить на географических картах синею или розовою краскою. Нѣмецкій элемент, сперва был водворен, как говорит генеральнаго штаба маіор Фойхт-Рец, по границам прусскаго государства, вдоль по главным сухопутным и водяным сообщеніям, и правительство шаг за шагом оттѣсняло туземцев, **сперва от границ, потом от путей сообщенія**, во внутрь образовавшихся таким средством, как бы островов. Польское населеніе было разъединено и такою системою дѣйствій Пруссія доставила то преобладаніе развитому и трудолюбивому нѣмецкому элементу, что туземныя отличительныя стихіи окончательно должны будут заглохнуть.

При Фридрихѣ Великом, послѣ перваго раздѣла, нѣмцы подняли земледѣліе. и водворялись колонистами, арендаторами, на

участкахъ, отходившихъ въ государственныя имущества; а нѣкоторые покупали имѣнія у поляковъ изъ часныхъ рукъ, при чемъ таковая покупка была постоянно поощряема пособіями правительства.

Послѣ втораго раздѣла, правительство не касалось землевладѣнія и предоставило водвореніе нѣмцевъ естественному теченію общественной жизни. Мятежъ 1794 года указалъ на необходимость быстрѣйшаго притока нѣмцевъ. Правительство искало свѣжія притекающія нѣмецкія силы привязать къ почвѣ образованіемъ крупныхъ и мелкихъ землевладѣльцевъ; оно старалось прикрѣпить къ странѣ нѣмцевъ служащихъ, для большей связи правительственной администраціи съ населеніемъ страны и привитія къ нему настроенія, согласнаго съ духомъ нѣмецкой національности и прусскаго законодательства. Правительство неусыпно заботилось также внести сильный нѣмецкій элементъ въ среду землепашцевъ, привлеченіемъ большаго числа колонистовъ, для чего были раздаваемы участки на весьма заманчивыхъ льготахъ и выдавались денежныя пособія для облегченія переселенія желающимъ.

По возвращеніи Познани подъ прусскую власть въ 1815 г., правительство не вмѣшивалось въ переходы землевладѣній изъ однихъ рукъ въ другія, предоставляя одинаковое право всѣмъ пользоваться ссудами. Волненія познанскихъ поляковъ въ 1831 году напомнили прусскому правительству, о затаившейся въ теченіи многолѣтней тишины, но не менѣе того постоянно ему угрожавшей, опасности. *Флотвель* изыскалъ всѣ пути для скорѣйшаго новаго притока силъ нѣмецкаго землевладѣнія. Правительство само пріобрѣтало продаваемыя имѣнья, на которые не было покупщиковъ и уступало нѣмцамъ. Въ западной части Познани нѣмецкій элементъ до того усилился, что онъ, не такъ какъ въ 1794 году, самъ уже въ 1848 году могъ вступить въ борьбу съ польскимъ элементомъ. Польскія предпріятія (общество Теллусъ) могли оказать только слабое сопротивленіе напору могучей силы прусскаго правительства и народному богатству нѣмцевъ. Въ 1859 году населеніе Познани представляло уже знаменательныя цифры—783,692 поляковъ и 619,936 нѣмцевъ. Съ каждымъ днемъ уменьшается число желающихъ считать себя поляками, и съ каждымъ днемъ въ остальныхъ усиливается то сознаніе, которое непригодно для вождей стремящихся отуманить массу. Полное преобладаніе нѣмецкаго развитія указываетъ ясно, что *Познань уже утратила стихіи польской области; она стала областью прусскою.*

Замѣтимъ при этихъ словахъ автора Das groszherzogthum Posen, что въ 1861 году, дѣйствительно, прусскому правительству предстояло только заботиться о томъ, чтобы отстранить всякія внѣшнія силы; а относительно внутреннихъ предпріятій, оно могло уже вполнѣ положиться на охраненіе своихъ интересовъ нѣмецкимъ населеніемъ и выжидать, чтобы представители полонизма въ подпольныхъ своихъ работахъ накопили побольше ясныхъ уликъ къ ихъ государственной измѣнѣ.

Нѣмецкое землевладѣніе въ Познани достигаетъ уже своею численностью цифры землевладѣнія польскаго; но развѣ поляки могутъ по совѣсти упрекать прусское правительство за большее его довѣріе къ нѣмцамъ, или имѣютъ даже поводъ упрекать его въ усиленіи нѣмецкаго землевладѣнія путемъ конфискацій. Послѣ Вѣнскаго конгресса, виновники мятежа 1806 года остались ненаказанными, послѣ крамольныхъ дѣйствій поляковъ въ 1831, 1846 и 1848 годахъ, были дарованы амнистіи, только послѣ 1831 г. нѣкоторыя имѣнія были конфискованы. Нужно искать другихъ причинъ, почему въ 1857 г. нѣмецкихъ имѣній уже было 628, польскихъ 1,026, а съ того времени нѣмецкое землевладѣніе продолжало усиливаться до того, что относительное ихъ число достигаетъ нынѣ al pari. Если банки, дававшіе ссуды для поощренія сельскаго хозяйства, облегчали покупку имѣній и послужили къ усиленію нѣмецкаго землевладѣнія въ Познани, то кого должны винить поляки, тѣхъ ли, которые расточали ссуды на прихоти и раззорялись, не выдерживая конкуренціи съ нѣмецкимъ, или тѣхъ, которые трудомъ и знаніемъ расчетливаго веденія хозяйства упрочивали въ Познани преобладаніе нѣмецкаго элемента. Поляки и въ своей средѣ найдутъ людей, которые воспользовались примѣромъ своихъ прусскихъ сосѣдей, и между прочими можно указать на имѣнье достопочтеннаго генерала *Хлаповскаго*.

Кто же истинные патріоты,—тѣ ли, которые преслѣдуютъ свои мечты въ призракѣ давней могущественной и славной Польши, и искуственно раздражаютъ или пугаютъ своихъ темныхъ соотчичей, и изъ своихъ прихотей гонятъ ихъ на гибель, или тѣ, для которыхъ трудъ есть наслажденіе, и которые содѣйствуютъ благоустройству страны и тѣмъ благоденствію своихъ соотчичей? Покойный польскій графъ Е. Р. говорилъ: „Патріотизмъ—прекрасная вещь, я отдалъ бы для возстановленія Польши половину моего состоянія; но съ другою половиною я бы тотчасъ же изъ нея убрался.“ Нѣмцамъ поломанамъ слѣдовало бы надъ этимъ подумать.

Не менѣе знаменательно для опредѣленія — на сколько провозглашеніе для массы о польской національности есть дѣло моды или аферы, питаемыхъ себя, любивыми вождями, служитъ то обстоятельство, что, когда, по событіямъ 1848 года, приходилось дѣлить Познань на *западную*, для германскаго союза, и на *восточную*, въ которой должна была снова водвориться польская національность, то польскіе помѣщики преусердно хлопотали, чтобы раздѣляющая граница была проведена *повосточнѣе*. Нигдѣ столько какъ въ жизни полонизма, анализъ не требуетъ отдѣленія фразъ отъ дѣйствительно совершившихся фактовъ. По польскимъ воплямъ, р.-католики угнетаемы въ Пруссіи; но почему же таковыя жалобы не раздѣляютъ р.-католики нѣмцы? Р.-католическое духовенство въ Познани, принадлежащее къ польской средѣ, не сосредоточиваетъ своихъ помысловъ на истинномъ своемъ призваніи, потому, оно далеко отъ заботъ о мирѣ, тишинѣ и спокойствіи населенія, о нравственномъ его образованіи, которе составляетъ высокую обязанность духовенства. Вмѣсто заботъ о благоденствіи населенія, которое всегда на устахъ польскаго духовенства, оно старается, напротивъ, о томъ, чтобы раздражать и пугать свою духовную паству, потому что оно не можетъ забыть то собственное значеніе, которое имѣло въ Польшѣ. Р.-католическія державы наложили свою руку на р.-католическіе монастыри и на ихъ огромныя богатства; Пруссія имѣла тѣмъ болѣе правъ уничтожить монастыри, что она видѣла въ нихъ гнѣздо агитаціи и крамолъ, веденныхъ противъ общественнаго и государственнаго спокойствія. Въ матеріальномъ отношеніи, какія наслѣдственныя права нынѣшнее польское приходское духовенство можетъ предъявить на имущества прежнихъ, столь богатыхъ духовныхъ монашествующихъ орденовъ? Въ Познани, которой коренное населеніе было искони р.-католическаго исповѣданія, не было внѣшнихъ побужденій для религіознаго усердія, и приходское духовенство своею нищетою рѣзко отличалось отъ великолѣпія монастырей; эти своекорыстными своими побужденіями, умѣли извлекать свою пользу какъ изъ религіознаго настроенія, такъ и изъ тщеславія. Приходскіе же костелы оставались въ запущеніи, мѣстами обваливались и нерѣдко были покрыты соломою, а постройки причта зачастую были лачугами (1). Прусское правительство наблюдаетъ за поддержаніемъ

(1) Польская Эмиграція до и во время мятежи 1866 года.

какъ костеловъ, такъ и зданій причта въ приличномъ видѣ и должномъ порядкѣ; оно позаботилось о приличномъ безбѣдномъ содержаніи духовенства, соотвѣтственнаго ихъ званію. Имѣютъ ли ксендзы дѣйствительную причину возглашать объ угнетеніи правительствомъ р. католицизма въ Познани, когда только въ одной этой провинціи существуетъ постановленіе, *къ явному ущербу* протестантскаго, въ государствѣ господствующаго исповѣданія, по которому земляные участки, переходя въ руки владѣтелей протестантовъ, продолжаютъ уплачивать свой налогъ на содержаніе р.-католическихъ приходовъ, что тяжко ложится (1), на содержаніе протестантскаго исповѣданія. Р.-католическое духовенство успѣваетъ удерживать знаменательный перевѣсъ численностью своихъ духовныхъ надъ протестантскими: въ Бромбергскомъ округѣ, при равномъ почти числѣ жителей двухъ исповѣданій, положено имѣть 180 ксендзовъ и только 50 пасторовъ.

Что же касается научнаго образованія р.-католическаго духовенства, то заботы по этому предмету прусскаго правительства, при его стремленіяхъ къ всестороннему общественному развитію, могутъ ли быть сравниваемы съ тѣмъ плачевнымъ положеніемъ, въ которомъ прежняя Польша оставляла свое духовенство на полный произволъ невѣжества? Даже папа заявилъ, что пруское правительство освободило область отъ ея великой язвы, отъ невѣжественныхъ и невоспитанныхъ ксендзовъ, и грубое одичалое приходское духовенство замѣнило новымъ, воспитаннымъ въ семинаріяхъ, испытанныхъ экзаменами.“ Алюмнатами въ гимназіяхъ, духовными семинаріями, преобразованными въ Позенѣ и Гнезнѣ и вновь созданной въ Чемеснѣ, прусское правительство дѣйствительно воспитало **настоящее** *ксендзовское* сословіе (2). „Польское духовенство въ Познани, какъ извѣстно, прибавляетъ авторъ, благодаря только прусскому правительству, обладаетъ наибольшими богословскими и научными свѣдѣніями сравнительно со всѣми странами давней Польши.“ Если польское духовенство бѣжитъ отъ прусскихъ университетовъ, страшась дальнѣйшаго развитія, столь опаснаго для тьмы ультрамонтанскихъ влеченій, то, конечно, подобное обстоятельство не можетъ служить къ нареканію пруссаковъ угнетеніемъ р. католицизма. Но полонизмъ силится выдѣ-

---

(1) Das G. H. und Polp.

(2) «Einen wirklichen Priesterstand erzog,» p. 44. Въ подлинникѣ слово *настоящее* напечатано крупными буквами.

лить изъ общаго духа постановленій прусскаго правительства его заботы объ образованіи ксендовъ, заботы, дабы поднять просвѣщеніемъ каждую вѣтвь государственныхъ элементовъ; полонизмъ силится убѣдить, что правительственныя мѣры, въ этомъ отношеніи, имѣютъ цѣлью только опрусачить населеніе, и польское духовенство успѣло упрочить то мнѣніе, что *полонизмъ однозначущъ съ р. католицизмомъ; а германизмъ съ протестантствомъ* (1).

Въ наружныхъ проявленіяхъ внутренняго настроенія польскаго духовенства Пруссія, конечно, пріобрѣла поражающія доказательства (schlagende Beweise) его неблагодарности: амвонъ служилъ даже средствомъ для *политизированія* (die Kanzel benutzt worden um zu politisiren); съ амвона проповѣдывалось, что Божья Матерь въ особенности заинтересована дѣломъ возстановленія давней Польши, (das die Mutter Gottes sich ganz besonders für die Herstellung des alten Polenreiches interressire), которая распространялась до Одера и даже до Эльбы. Существуютъ законоучители, которые эти ученья преподаютъ и въ школахъ (2). Ксендзы, противники прусскаго правительств, не упускаютъ случая раздражать и пугать простолюдиновъ и вооружать его противъ существующей власти. Въ 1848 году ксендзы явно проповѣдывали народу, что со включеніемъ Познанской провинціи въ Германскій союзъ, она сдѣлается *нѣмецкою*, и чрезъ то, все населеніе должно будетъ отречься отъ р. католицизма (3).

Ксендзы желаютъ быть въ школахъ учителями не одного только закона Божьяго, и жалуются, даже въ публичныхъ органахъ, что правительство ихъ устраняетъ отъ преподаванія; но кто же виновенъ въ томъ, что они не были въ состояніи выдержать установленнаго испытанія, что поляки вообще, ловкимъ шарлатанствомъ и врожденною въ нихъ способностью къ краснобайству, кокетничаютъ только наукою; но науку не усвоиваютъ, какъ нѣмцы, основательными занятіями. Въ 1847 году, 300 должностей приходскихъ ксендзовъ въ Познанской области не могли быть заняты поляками, по недостатку выдержавшихъ экзаменъ (4).

Поляки вопіютъ о *притѣсненіи польскаго языка.* Всматриваясь же въ дѣйствительное положеніе дѣлъ, относительно обуче-

---

(1) «Katholisch und polnisch» so wie «deutsch und protestantisch» gleichbedeutend gilt.»

(2) p. 45. (3) p. 43. (4) p. 46.

нія языкамъ, находимъ странное явленіе. Фридрихъ Великій настаивалъ на привитіе нѣмецкаго языка польскому населенію; въ школахъ, при польскомъ населеніи, нѣкоторая примѣсь нѣмецкаго была уже достаточною причиною, чтобы преподаваніе въ школѣ было на нѣмецкомъ языкѣ. Король не останавливался передъ трудною задачею—путемъ школы водворять нѣмецкій языкъ среди населенія, говорившаго языкомъ, не имѣющимъ ни чего общаго съ языкомъ преподаванія, для котораго нѣмецкій языкъ былъ въ Пруссіи совершенно языкомъ болѣе чуждымъ и непонятнымъ, нежели русскій нашимъ жмудинамъ. Этой системѣ съ 1795 года слѣдовало прусское правительство и во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ. Графъ *Гоймъ* назначилъ особыя преміи учителямъ за успѣхи учениковъ, ими удовлетворительно обученныхъ нѣмецкому языку, и преміи ежегодно увеличивались для ободренія къ обученію отстальныхъ (1). Но при настроеніи правительства съ 1815 года, которое ласкало (cajolirte) поляковъ, нерѣдко на счетъ и къ большой досадѣ нѣмцевъ (2), польскій языкъ былъ введенъ въ преподаваніе даже и въ народныхъ школахъ исключительно нѣмецкаго населенія, и уступками послѣдовавшими послѣ удаленія въ 1798 г. графа *Гойма* и въ 1841 *Флотвеля*, къ 1846 и 1848 годамъ относительно столь важнаго элемента какъ языкъ, эта область стала болѣе польскою, нежели была въ 1806 году. Такъ, само прусское правительство дало мѣсто польскому элементу. (So hatte das polnische Element durch die preuszische Regierung Platz genommen!) Въ добродушной уступчивости передъ польскими домогательствами, правительство утвердило польскій языкъ, этотъ палладіумъ польской національности, языкомъ преподаванія, а нѣмецкій поставило на ряду съ обучаемыми предметами въ заведеніяхъ, основываемыхъ самимъ же правительствомъ. Такъ было въ р. католической маріинской гимназіи въ Познани, въ гимназіяхъ въ Чемеснѣ и Островѣ, въ алюмнатахъ при этихъ гимназіяхъ, въ р. католической учительской семинаріи для народныхъ школъ въ Парадисѣ,—и болѣе нежели въ 500 сельскихъ школахъ. 1846 и

(1) За обученіе каждыхъ 12 мальчиковъ свободному разговору и письму по нѣмецки, въ 1-й годъ 10 талеровъ, во 2-й годъ—20, въ 3-й 30. Учитель сельской школы, у котораго всѣ ученики безъ исключенія говорили и читали по нѣмецки получалъ преміи 50 талеровъ.

(2) p. 42.

1848 годы выяснили послѣдствія: высшая маріинская гимназія обратилась для польскаго юношества въ *классическую академію для образованія революціонеровъ*. Правительство давно могло убѣдиться, что она ростить ядовитую змѣю у себя за пазухой (eine giftige Schlange in seinem Busen erzogen hatte). При слѣдствіяхъ 1831 года, уже обнаружилось, что не только нѣсколько учителей, но съ ними и цѣлая треть старшихъ учениковъ ушли въ Царство польское; только послѣ событій 1846 и 1848 годовъ правительство обратило надлежащее вниманіе, когда, наприм., въ спискѣ 254 открытыхъ преступниковъ по заговору 1846 года, находилось 54 человѣка бывшихъ воспитанниковъ маріинской гимназіи, и въ томъ числѣ 14 человѣкъ еще воспитывавшихся (1).

Правительство, стремясь ко всеобщему распространенію нѣмецкаго языка, своею заботливостью о поддержаніи польскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ, дѣйствовало противъ своего, имъ принятаго принципа, единственно развѣ только для того, что бы *вопли* поляковъ, по всей справедливости не имѣли ни малѣйшаго истиннаго предлога къ тѣмъ жалобамъ, что правительство лишаетъ ихъ средствъ изучать свой національный языкъ; а этотъ языкъ уже былъ признанъ какъ могучій рычагъ для питанія польской крамолы.

За тѣмъ встрѣчаетъ ли само польское населеніе утѣсненія отъ незнанія ими языка нѣмецкаго? Закономъ установлено, что полякъ, подавшій просьбу попольски, получаетъ попольски и отвѣтъ; на общественныхъ собраніяхъ дѣла постановляются на обоихъ языкахъ. И такъ польское населеніе для своей общественной жизни ни въ чемъ не страдаетъ отъ незнанія нѣмецкаго языка.

Правительство нѣмецкаго государства всю оффиціальную административную свою переписку ведетъ уже естественно на нѣмецкомъ языкѣ; но оно даетъ и всѣ средства научиться ему тѣмъ молодымъ людямъ, которые желаютъ посвятить себя государственной службѣ. Если ксендзы, при соприкосновеніи съ гражданскими учрежденіями, должны писать по нѣмецки т. е. при веденіи вѣдомостей о рожденныхъ, бракосочетавшихся и т. п., то это согласно постановленію, что всѣ посвященные съ 1834 г. должны при экзаменахъ выдержать и испытанія въ достаточномъ знаніи нѣмецкаго языка. Что же касается проповѣди, то она всегда го-

(1) р. 48.

ворится попольски, развѣ только населеніе исключительно состоитъ изъ однихъ нѣмцевъ. Правительство, напротивъ, встрѣчаетъ притѣсненія со стороны польскихъ ксендзовъ. Одинъ, получавшій 150 талеровъ добавочныхъ, за нѣмецкія проповѣди нѣмецкой части его прихода, присылаетъ квитанцію попольски, отговариваясь, что понѣмецки не съумѣетъ ее составить; другой молодой ксендзъ отказывается по той же причинѣ, внести свою отмѣтку въ формулярномъ спискѣ служащаго; третій, вѣкъ сносившійся понѣмецки, вдругъ начинаетъ писать польскія бумаги, отговариваясь что не достаточно владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ (1). Въ такомъ родѣ польское духовенство ищетъ затруднять администрацію.

Поляки съ 1848 года начали искать государственной службы, спеціально посвящаютъ себя юридическимъ занятіямъ (und zwar in specie dem Justizfache zugewendet) (2) и вполнѣ владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ.

Если дѣла въ высшихъ инстанціяхъ ведутся по нѣмецки, то можетъ ли быть иначе, когда на немъ писаны государственные законы, общіе для цѣлой монархіи? Нѣмецкій языкъ естественнымъ путемъ государственныхъ мѣръ развитъ до той степени, что подобныя *вопли*—только голословныя жалобы; поляки домогаются другаго, отъ того и ихъ противурѣчія: отъ прусскаго правительства они требуютъ, чтобы польскій языкъ былъ официальнымъ; почему же и въ Галиціи они нынѣ являются съ тѣми же требованіями къ австрійскому правительству, дабы оно заставило русское населеніе принять польскій языкъ?—Sapienti sat. (3) Полонизмъ забываетъ, сколько разъ онъ измѣнялъ присягѣ, что онъ братался съ иноземными врагами, что онъ ничто болѣе, какъ навязывающій себя въ вожди завоеванному народу, и съ безпримѣрною дерзостью (beispielloser Keckheit) провосглашаетъ о мнимыхъ своихъ правахъ (4). Поляки должны понять, что они сами виноваты, почему ни одинъ изъ нихъ не занимаетъ виднаго мѣста въ государственной администраціи.

Послѣ собранія камеръ, газета „die Vossische Zeitung" въ своемъ листѣ отъ 17 февраля 1861 года, между прочимъ, приводитъ слова лондонскаго журнала Post: Корреспонденты лондонскихъ, Наполеону преданныхъ газетъ, обратили *вопли*

(1) p. 50. (2) p. 54. (3) p. 11 и 53. (4) p. 25.

познанскихъ мучениковъ въ свой ежедневной припѣвъ. Польскіе депутаты говорили также жалостливо и громко, какъ ирландскіе ультрамонтанцы. Изреченіе давняго польскаго старосты: „Я предпочитаю тревожную свободу спокойному рабству,“ имѣетъ что то грандіозное и ослѣпляющее; но нельзя не сознаться, что заносчивая свобода привела поляковъ только къ анархіи. Президентъ прусскаго собранія депутатовъ хорошо сдѣлалъ, что далъ 14 *сарматамъ* волю наговориться досыта, высказаться вполнѣ. Они потребовали не менѣе какъ польскихъ гимназій, польскаго университета, польскихъ національныхъ учрежденій и польскаго правителя, другими словами, они потребовали независимую и, какъ должно полагать, отъ прусскаго королевства отдѣленную Познань (1).

Къ радости нѣмцевъ въ Познани, министръ внутреннихъ дѣлъ, наконецъ, твердою и откровенною рѣчью, далъ нынѣ энергическій отпоръ заявленіямъ поляковъ и сказалъ имъ, между прочимъ: „правительство съ полною рѣшительностью отвергнетъ всякое требованіе несовмѣстное съ его правомъ; потому, сколько бы поляки его ни желали, оно никогда не допуститъ, чтобы они могли образовать свое государство въ государствѣ (2).“

Горькій и тяжкій опытъ 1846 и 1848 годовъ ни на сколько не привелъ поляковъ, ни къ раскаянью, ни къ здравымъ сужденіямъ и размышленію, (weder zur Reue noch zur Besinnung und zur Einsicht), и снова возобновились извѣстною частью польскаго населенія до приторности (bis zum Eckel) избитыя жалобы, и всѣ обычныя революціонныя козни съ подметными письмами и плакардами, которыя съ полнымъ правомъ можно назвать perpetuum mobile (3). Авторъ оканчиваетъ сочиненіе, вышедшее въ концѣ 1861 года, разборомъ нѣкоторыхъ вопросовъ, и между прочимъ: что предстоитъ Познани, если предоставить настоящее настроеніе безпрепятственному его развитію? и заключаетъ, что будетъ тоже самое, что было за 15 лѣтъ, и разрѣшится близкихъ мятежемъ.

Пока правительство не разстанется съ мягкимъ обращеніемъ съ поляками и не поддержитъ всею своею силою нѣмцевъ, до тѣхъ поръ поколѣніе, возросшее среди непрерываемой оппози-

---

(1) p. 60. (2) p. 24 и p. 57. (3) p. 119.

ціонной и конспиративной дѣятельности, которая ознаменовала себя перемежающимися мятежами, будетъ непрестанно противодѣйствовать правительству, вносить распри, стряпаніемъ разныхъ, ни чѣмъ неоправдываемыхъ требованій и затрудненій, будетъ создавать непріятности правительственной власти, будетъ держать познанскую провинцію въ напряженномъ положеніи и оскорблять столь преданныхъ прусскому правительству нѣмцевъ своимъ высокомѣріемъ, будетъ заявлять о какомъ то своемъ превосходствѣ надъ ними, и требовать предпочтенія. Въ новѣйшее время изъ Парижа распространная теорія національностей служитъ основою надеждъ поляковъ на изобретателя этой теоріи (auf den Erfinder dieser modernen Theorie), а по этой теоріи познанскій вопросъ входитъ въ составъ общаго великаго польскаго вопроса, и поляки толкуютъ о будущемъ *славянскомъ* времени, которое замѣнитъ дряхлый германизмъ (1). Европа пере-жила броженіе революціонной лихорадки сороковыхъ годовъ; но поляки не теряютъ надежды возстановить для своихъ цѣлій минувшее строеніе; по ихъ теоріи возстановленіе Польши необходимо для Европы. Въ Кульмѣ, давнемъ владѣніи еще прусскихъ рыцарей, поляки завели свою газету „Przyjaciel ludu“, съ цѣлью заманивать тамошнихъ жителей польскаго происхожденія къ возстановленію независимой Польши (2). Въ скользящей по рукамъ брошюрѣ: „Co robić“? (что дѣлать?) сказано: «Ни кто не можетъ быть полякомъ, не бывъ революціонеромъ. Народы чувствуютъ всю необходимость революцій. Дѣло въ томъ, что они должны быть приготовлены къ повсемѣстной вспышкѣ единовременно. Мы обязаны постоянно подготовлять революцію и быть всегда готовыми вступить въ ея ряды. Совѣтуемъ всѣмъ нашимъ братьямъ *поддерживать тѣснѣйшую между собою умственную связь и сглаживать провинціальные и писменные оттѣнки и считать себя дѣтьми одной общей матери отчизны*“.

„Мы должны кинуть перчатку, пишетъ Przegląd rzeczy polskich, отъ 24 августа 1859 г., тремъ нашимъ притѣснителямъ. Если возстаніе и не удастся, то не менѣе того оно будетъ новымъ этапомъ, который подвинетъ впередъ наше дѣло. *Безпрерывно должно питаться надеждою возстанія. Оно развива-*

(1) р. 120. (2) р. 122.

етъ въ польскомъ народѣ его политическое сознаніе; оно родитъ національныя традиціи и укрѣпляетъ общественныя силы. **Не удалось одно, тотчасъ же должно приготовляться къ новому.**

„Конспирація и агитація, пишетъ «Democrata polski» отъ 25 ноября 1859 г., два пути для общаго вразумленія, для счисленія и организаціи нашихъ силъ. Полякъ, любящій отчизну, конспирируетъ; а *агитація не есть цѣль; она не болѣе какъ средство для достиженія цѣли, т. е. возстанія.* Агитація должна постоянно гнать впередъ польскія чувства и стремленія и стараться захватывать большее число жителей. Агитацію должно вести такъ, чтобы она приводила къ *проектамъ и коллективнымъ прошеніямъ, постепенно расширяющимъ наши требованія и требующимъ большихъ для насъ реформъ и вольностей.* Этотъ же журналъ пишетъ, что *„поляки отъ возстанія должны переходить къ заговору, а отъ заговора къ возстанію*— Sapienti sat!“ (1).

Пруссакамъ не трудно усмотрѣть, куда метятъ всѣ подобныя польскія заявленія, тѣмъ болѣе, что, подобно 1848 году, кое гдѣ показываются уже и чамарки и конфедератки,—совершенно безвинный костюмъ (unschädliche Dinge), скажутъ нѣкоторые; да, безвинный если бы за нимъ не стояло объясняющее прошедшее. Проповѣди и внушенія видимо начали обрабатывать и населеніе; въ корчмахъ пьяныя головы уже проговориваются, что *скоро настанетъ работа*, только на этотъ разъ они распорядятся не такъ вяло какъ въ 1843 г., а прійнутся тотчасъ за поживу, начиная съ жидовъ“ (2). Намъ могутъ возразить: мало ли что пьяный болтаетъ въ кабакѣ; но люди опытные, конечно, пойимутъ не только, куда уже пробирается агитація; но и какія искушенія признаны пригодными для возбужденія польскаго простолюдина.

Можно ли, наприм., оставить безъ вниманія тотъ фактъ, о которомъ весьма кстати заявила прусская газета (Die preussische Zeitung) касательно обѣда въ г. Познани, даннаго поляками въ честь депутатовъ ихъ кружка 20 ноября (3). На тостъ о *необходимости братскаго соединенія всѣхъ жителей давней Польши*, долженъ былъ отвѣчать г. *Потворовскій;* но, увы! (leider)! до-

---

(1) p. 124. (2) p. 125.
(3) Нынѣ находящихся въ составѣ прусскаго государства.

стопочтенный депутатъ умеръ отъ удара не доживши до обѣда. Мѣсяцъ спустя, «Познанскій Дневникъ» напечаталъ отвѣтную рѣчь, якобы приготовленную умершимъ: „Во имя польскаго кружка берлинскаго сейма, приношу вамъ мою благодарность..... но спрашиваю что мы сдѣлали болѣе нашихъ предшественниковъ прежнихъ сеймахъ Берлина? Они требовали съ тою же настойчивостью того, что и мы требовали..... Положеніе нашихъ депутатовъ на берлинскихъ сеймахъ было и есть весьма не завидно. Нынѣ, однако, наша солидарность даетъ намъ большее значеніе, не только насупротивъ обѣихъ палатъ; но, смѣло могу сказать, насупротивъ цѣлой Европы. Европа, по берлинскому сейму, видить, что у поляковъ нѣтъ другой мысли, другаго стремленія, другой цѣли, какъ требованія правъ нашей національности, а нынѣ эти права имѣютъ тѣмъ больше значенія, что *великое основаніе національности* нашло возможность высказаться. Ваша обязанность, милостивые государи, заботиться о томъ, чтобы прекратились всѣ котеріи и партіи, которыя моглибы бросить дурную тѣнь на розрѣшеніе нашей національности..... Мы работаемъ въ надеждѣ, что когда либо, на собственной землѣ, мы станемъ совѣщаться о благѣ нашей націи... Да здравствуетъ наша надежда и молю Господа, чтобы мы дожили до ея исполненія.“

Лишь только эта рѣчь появилась въ „Познанскомъ дневникѣ“, какъ «Прусская газета» обратила на нее свое догадливое вниманіе, перевела на нѣмецкій языкъ и обнародовала для свѣдѣнія всей Пруссіи, въ своемъ № 608 отъ 28 декабря 1860 года.

„Познанскій дневникъ“ выходилъ въ траурной рамкѣ послѣ смерти *Потворовскаго*, а польскія газеты одни только оставались безъ этого заявленія общественной скорби, когда вслѣдъ за тѣмъ скончался король Фридрихъ Вильгельмъ IV, бывшій особенно (in specie) отцемъ благотворителемъ польскаго населенія. Дерзость поляковъ дошла до того, что двѣ ихъ газеты, издаваемыя въ Кульмѣ, съ цѣлью полонизировать тамошнюю молодежь давними воспоминаніями, объявили о кончинѣ короля *въ свѣдѣніяхъ*, сообщаемыхъ подъ рубрикою: *„разныя новости.“* Казалось бы, что, по крайней мѣрѣ, ксендзы должны были сохранить память о всѣхъ благодѣяніяхъ, имъ оказанныхъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV, со вступленія его на престолъ р.-католическому

исповѣданію вообще, а познанскому духовенству въ особенности; но въ костелахъ не былъ совершаемъ погребальный звонъ. Нѣкоторые ксендзы отговаривались неполученіемъ на то распоряженія епископа, а были и такіе, которыхъ нужно было заставить жандармами исполнить предписаніе имъ данное 4 января 1861 года (1). Общія волненія поляковъ ясно указываютъ, что парижская пресса, и въ особенности польская журналистика, съ дѣятельностью кротовъ (Maulwurfsarbeit), достигли удовлетворительныхъ результатовъ. Изъ мѣстныхъ наблюденій выясняется что:

1) Ксендзы много разъѣзжаютъ, особенно по ночамъ, и возбуждаютъ прихожанъ.

2) Помѣщики съѣзжаются и совѣщаются на засѣданіяхъ въ своемъ замкнутомъ обществѣ.

3) Въ народѣ пущена молва, искушающая возможностью грабежа помѣщиковъ нѣмцевъ и евреевъ.

4) Молва называетъ уже личности, назначенныя въ должности для мятежной организаціи.

5) Провозятся тайно запасы оружія.

6) Ходятъ вѣсти, что *Мѣрославскій* сказалъ, что ему достаточно написать двѣ строчки—и возстанутъ 300,000 вооруженныхъ. Подобныя свѣдѣнія могутъ показаться инымъ ловко придуманными (Se non e vero e ben trovato); но мы полагаемъ, что, сгруппированныя воедино, онѣ полезны для Пруссіи (bon a savoir), для того, что бы во время разкрыть глаза и осмотрѣться (2).

Чрезъ каждыя отъ 10 до 15 лѣтъ, возобновляется у поляковъ „cette fiévre révolutionaire", какъ сказалъ *Мѣрославскій*, вѣрнѣе *„польская національная горячка"*, какъ выразился князь *Паскевичъ* (3).

Подъ золою 1848 года опять искрится огонь, и развѣ намъ не дорога каждая капля крови вѣрнаго прусскаго солдата, которому пришлось бы тушить пожаръ (4)."

Авторъ пишетъ въ заключеніи: „Съ полнымъ спокойствіемъ, безъ всякой запальчивости, были писаны эти страницы; единственною ихъ цѣлью было желаніе ясно и откровенно представить, во всей наготѣ, правду о положеніи Познани. Да ознакомятся ближе съ этимъ положеніемъ тѣ, которые донынѣ имѣли ложныя свѣдѣнія, или для которыхъ оно—совершенная тьма."

---

(1) p. 128. (2) p. 135. (3) p. 141. (4) p. 146.

Дѣйствительно, время унесло у многихъ свѣжесть воспоминаній 1848 года; а внѣ Познани, многіе никогда не обращали особеннаго вниманія на тамошнія дѣла, много стушевавшіяся среди общихъ событій въ Пруссіи того года. Приведемъ выдержку изъ частнаго отвѣтнаго письма нѣмца-познанца 1862 года; она указываетъ что шнырявшіе по всей Пруссіи польскіе патріоты, ретиво, на счетъ Россіи, вновь возбуждавшіе въ пруссакахъ симпатію къ угнетаемымъ полякамъ, находили личности, которыхъ ставили въ недоумѣніе.

....„Вы пишете, что нѣмецъ вообще привѣтливъ къ иноземцу (gegen einem Fremden) и удивляетесь, что нѣмцы въ Познани не могутъ ужиться (sich nicht vertragen können) съ поляками..... Полонизмъ вѣчно корчитъ свою іезуитскую гримасу (schneidet ewig seine catholischen Gesichter). Полякъ, внѣ Познани, лжетъ, клевещетъ, конспирируетъ и, плачевными росказнями, слезно вымаливаетъ состраданіе; полякъ въ Берлинѣ лжетъ, клевещетъ, конспирируетъ и точить политическія козни; полякъ въ Познани лжетъ, клевещетъ, конспирируетъ и, покончивъ съ одною подлою интригою (Schurkenintrigue), принимается за другую."

Приведенныя свѣдѣнія, о положеніи полонизма въ Познани обрисовываютъ и положеніе страны до мятежа 1863 года. Приливъ нѣмецкихъ элементовъ начался по инниціативѣ правительства,—и каждый польскій мятежъ указывалъ на необходимость правительству снова возвратиться къ усиленію ослабѣвавшихъ мѣръ. Нѣмецкое населеніе, постоянно готовое водворяться въ польскія области, проникало въ нихъ тѣмъ быстрѣе, чѣмъ путь болѣе сглаживался, и оно несло въ Познань свой трудъ и свое нѣмецкое развитіе. Съ 1815 года, безъ всякаго перебоя, Познань оставалась уже подъ прусскимъ правительствомъ; нѣмецкіе элементы прочными корнями утвердились въ почвѣ, захватили преобладаніе и усилились до того, что видятъ даже возможность собственными средствами бороться съ противникомъ. Въ теченіи болѣе полувѣка *прусицизмъ* не могъ слиться съ *полонизмомъ;* поляки, съ своею неизлѣчимою заносчивостью, сходились только съ *ополячивающимися* и *поломанами;* но изчезли *ополячивающіеся* и *поломаны*, и представители *прусицизма* и *полонизма* обратились въ самыхъ озлобленныхъ сосѣдей, чему читатели имѣли образчики. Мѣры правительства и общественное развитіе множатъ число первыхъ; отъ нихъ таетъ и среда по-

слѣдихъ; уменьшается число польскихъ помѣщиковъ и, съ распространеніемъ нѣмецкаго языка, ксендзы—нѣмцы замѣщаютъ ксендзовъ польскаго происхожденія (1). При дальнѣйшемъ подобномъ теченіи дѣлъ, дѣйствительно, борьба должна окончится „*faute de combattans.*"

Предъ польскимъ мятежемъ 1863 года, правительство, при пособіи литературы, оберегало нѣмецкое населеніе въ Пруссіи отъ всякихъ увлеченій къ полонофильству, и оно спокойно смотрѣло на событія, зорко слѣдило за всѣми подпольными польскими оборотами и выжидало того времени, чтобы нанести ему такія удары, отъ которыхъ барометръ полонизма въ Познани долженъ былъ разомъ снова опуститься на столько градусовъ, на сколько ему снова уже не подняться. Администрація, кромѣ своихъ путей для слѣдованія за попольною дѣятельностью, получала и всѣ свѣдѣнія отъ нѣмецкихъ землевладѣльцевъ.

Нѣмцы, помѣщики Познани, знали о всякихъ съѣздахъ у того или у другаго пана или ксендза, узнавали, что ксендзъ въ темную ночь возвращался домой, съ тяжелымъ ящикомъ, который относился сей часъ въ костелъ для храненія, знали, что по польскимъ помѣщикамъ размѣщались бракованныя кавалерійскія лошади, которыя преимущественно закупались въ Россіи; они слѣдили за степенью возбужденія простолюдиновъ, по ихъ сужденіямъ въ народѣ. Журналистика, съ своей стороны, при выработанномъ уже польскомъ вопросѣ послѣ 1848 г., была чутка къ польскимъ затѣяхъ, и neue Preussische Zeitung, въ 1861, уже сообщала о комбинаціи *бѣлой* партіи, для достиженія преобладанія надъ *красною*. Мысль, приведенная въ исполненіе въ 1862 году, сторонниками Ламберова отеля (2), была уже заявлена въ № 54 этой газеты отъ 5 марта: „Польское дворянство вполнѣ слѣдуетъ примѣру италіанскаго, и какъ этому удалось, пламенными и самыми лестными для *Мадзини* рѣчами, выпровадить сего за дверь и устранить отъ всякаго вліянія, кланяясь ему въ поясъ (ninaus zu complimentiren), такъ польская аристократія надѣется сбыть съ шеи *Мѣрославскаго* и захватить въ свои руки поводья движенія" (3).

Вожди полонизма, для мятежа 1863 г., отказались отъ ком-

(1) Въ войскахъ всѣ полковые ксендзы—нѣмцы.

(2) Т. I. Введеніе стр. (3) p. 133.

бинаціи предшествовавшихъ матежей — единовремененнаго начатія борьбы съ тремя державами. На этотъ разъ, для театра мятежа, были назначены области, принадлежавшія Россіи; Галиція были признана пригодною быть складочнымъ мѣстомъ для матеріальнаго довольствія, для вооруженія и формированія. Познань была признана Ламберовымъ отелемъ служить мѣстопребываніемъ высшаго управленія заговора и возможнымъ поддержаніемъ мятежа снабженіями. Въ главѣ его сталъ графъ *Дзялынскійи* его ближайшій помощникъ Александръ *Гутри*.

Мѣры, принятыя Пруссіею въ ожиданіи готовимаго мятежа, парализировали всѣ планы создаваемые польскою справою. Сперва разсчитывали по крайней мѣрѣ на 54,000 человѣкъ, которые будутъ высланы на театръ мятежа; но бдительность прусской администраціи затруднила доставку и сохраненіе оружія, и шайки могли безопасно формироваться и устроиваться только перейдя границу. Первая шайка по частямъ перебралась чрезъ границу, когда пруссаки, не зная гдѣ будетъ театръ мятежа и оберегая внутренность страны, не обезпечили достаточно границы. Шайка выступила въ февралѣ; по сформированіи состояла отъ 600 до 700 человѣкъ; но послѣ пораженія она искала спасенія въ Пруссіи, и по переходѣ границы встрѣтилась уже съ отрядами прусскихъ войскъ. Волонтеры въ трехъ колоннахъ готовились ко вторженію въ Царство Польское, въ половинѣ апрѣля, подверглись нападеніямъ пруссаковъ еще до сформированія и отдѣленныя толпы могли устроиться толко за границею въ Калишскомъ воеводствѣ. Но расчеты на верховномъ управленіи ходомъ всего польскаго мятежа изъ Познани также не осуществились. Послѣ высылки графа *Андрея Замойскаго* изъ Варшавы, Ламберовъ отель перевелъ свои надежды на графа *Дзялынскаго*, мужа дочери умершаго князя Адама *Чарторыйскаго*. *Дзялынскій* свыше управлялъ комитетомъ, устроеннымъ *Гутрѣмъ*, который устроилъ и цѣлую мятежническую организацією въ Познани. 12,000,000 франковъ уплотила Познань Ламберову отелю для веденія дѣла мятежа; кромѣ того по округамъ производились сборы деньгами, оружіемъ и припасами для мѣстнаго возстанія. Администрація близко слѣдившая за подозрительными личностями, начала съ того, что 28 апрѣля конфисковала бумаги прямо у самого *Дзялынскаго;* и его не спасла придуманная организація заговоровъ, по которымъ верховные вожди ограждали себя таинствен-

ными мятежническими комитетами. *Дзялынскій*, *Гутрій* и другіе главные виновники бѣжали за границу. Раскрытіе мятежной организаціи во время управленія мятежемъ *Комитетомъ Гутри*, повело къ тому, что мятежническія должности въ организаціи оказались занятыми преимущественно помѣщиками, такъ что изъ 136 лицъ, причисленныхъ слѣдственною коммиссіею къ преступникамъ 1-й категоріи за государственную измѣну, оказалось 77 принадлежащихъ сословію землевладѣльцевъ.

Ударъ нанесенный мятежнымъ предпріятіямъ былъ такъ силенъ, что они только вяло могли продолжать свои дѣйствія, преимущественно заключавшіяся въ денежныхъ сборахъ. Ксендзы остались потомъ по нѣкоторымъ указаніямъ дальнѣйшими распорядителями. Изъ восточной Пруссіи они успѣли еще въ мартѣ 1864 г. перекинуть до 1,000 человѣкъ волонтеровъ въ Царство Польское; но шайка была разбита, и съ прекращаемымъ мятежемъ въ предѣлахъ Россіи, замерли и мятежническія работы въ предѣлахъ Пруссіи.

Пруссаки изученіемъ великаго будованія опредѣлили польскую конспиративную дѣятельность названіемъ perpetuum mobile (безконечнаго движенія). Слѣдственная коммиссія надъ подсудимыми 1863—1864 г., въ своемъ отчетѣ заявила, что польская національная организація продолжаетъ стремиться (und noch geht) къ цѣли возстановленія независимости Польши въ прежнихъ ея предѣлахъ. Своими изслѣдованіями слѣдственная коммиссія въ Берлинѣ тщательно выяснила, что при польскихъ мятежахъ, вожди избираютъ пригоднѣйшій театръ для мятежа; на что поляки въ границахъ давней, и для нихъ нераздѣльной Рѣчи Посполитой обязаны своими средствами поддерживать громадные расходы, которые требуетъ возстаніе. Показанія преступниковъ судимыхъ въ Вильнѣ подкрѣпляютъ и прусскіе выводы, что польскіе мятежи, по польской наукѣ должны производиться по наукѣ мятежей, чрезъ каждые отъ 10 до 15 лѣтъ. При склонности поляковъ праздновать свои ефемериды 1773 года, годъ столѣтія послѣ перваго раздѣла намекаетъ на время слѣдующаго польскаго мятежа; но администрація въ Познани дѣятельно заботится, чтобы театръ мятежа не очутился бы въ предѣлахъ Пруссіи, и чтобы по менѣе капиталовъ, извлекаемыхъ изъ почвы и труда народа прусскаго государства, шло на враждебное дѣло польскихъ затѣй.

КОРСУНСКІЙ-ОНУФРІЕВСКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Корсунскій-онуфріевскій монастырь находится въ каневскомъ уѣздѣ, въ 8-ми верстахъ отъ м. Корсуня, между с. Гарбузиномъ и д. Набутовымъ, на острову, образуемомъ р. Росью. Въ бумагахъ прошлаго столѣтія онъ иногда называется пустынно-корсунскимъ, *Валковскимъ*. Послѣднее названіе онъ получилъ отъ вала, которымъ былъ окруженъ; нынѣ валъ этотъ едва замѣтенъ, но въ описи монастырской 1785 года объ немъ говорится такъ: „округъ монастыря валъ земляный, вышину косовыхъ 2 сажени, на верху до половины дубовымъ частоколомъ обнесенъ.“ Вѣроятно, монастырь былъ окруженъ валомъ для защиты отъ набѣговъ татарскихъ; но еще вѣроятнѣе, что это былъ одинъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ Украины, къ чему приводитъ находящееся внѣ монастыря, вблизи его, укрѣпленіе подъ названіемъ Ура-городокъ.“ Съ сѣверной стороны монастыря находится садъ, а съ западной дубовый и разный лѣсъ; въѣздъ нынѣ въ монастырь съ югозападной стороны чрезъ болото, по которому устроенъ мостъ на протяженіи 100 саженей; длина острова всего 1/2 версты, а ширина 30 саженей.

Немногое можно сказать о началѣ и судьбѣ этого монастыря; ибо еще въ 1799 г., при сдачѣ его игумену Елеазару, письменныхъ дѣлъ въ монастырѣ никакихъ не явилось, а по показанію братіи, онѣ взяты каѳедральнымъ (переяславскимъ) намѣстникомъ, игуменомъ Иринархомъ.

Изъ даннаго гетманомъ Мазепою универсала, подтвердительнаго на угодія, корсунскому монастырю принадлѣжавшія, видно, что онъ существовалъ уже въ началѣ 17 вѣка, такъ какъ въ этомъ универсалѣ упоминается, что корсунскому монастырю даны были разныя угодія въ с. Шендеровци отъ гетмана запорожскихъ войскъ Петра Сагайдачнаго (сконч. въ 1622 г.) Былъ ли корсунскій монастырь прежде,—нельзя рѣшить. Во всякомъ случаѣ онъ основанъ не раньше 16-го столѣтія; ибо и Корсунь, по разореніяхъ татарскихъ, возобновленъ только въ 1584 году. Въ Корсунѣ сохранилось преданіе, что первый монастырь находился въ

самомъ Корсунѣ, гдѣ (1) нынѣ домъ владѣльца, князя Лопухина, бывшій прежде князя Понятовскаго. Вѣроятно, монастырь первоначальный разоренъ во время войнъ между искателями гетманскаго достоинства по смерти Хмѣльницкаго, если не сожженъ еще прежде поляками вмѣстѣ съ Корсунемъ въ 1648 г.

Фундаторомъ и ктиторомъ нынѣ существующаго корсунскаго монастыря, по указанію того же Мазепискаго универсала, былъ Григорій Гуляницкій, генеральный судья при Богданѣ Хмѣльницкомъ (2), котораго братъ жилъ близъ монастыря, въ с. Бровахахъ. Можетъ быть, и самъ Григорій Гуляницкій нашелъ себѣ покой въ валковскомъ монастырѣ, подобно современнику и стороннику своему Андрею Дорошенку, возстановившему чигиринскій монастырь и бывшему въ немъ игуменомъ. Такимъ образомъ, Гуляницкій возстановилъ только существовавшій прежде монастырь, и поселилъ иноковъ на мѣстѣ нѣсколько удаленномъ отъ корсунскаго замка, часто привлекавшаго военныя силы. Въ память своего возстановленія, корсунскій монастырь, до конца прошлаго столѣтія, назывался корсунскимъ-гуляницкимъ. По преданію, до основанія монастыря, на мѣстѣ его была пасѣка Григорія Гуляницкаго и любимое имъ мѣсто.

Едва ли уцѣлѣлъ гуляницкій монастырь въ 1678 году, во время разоренія Украины турками; объ этомъ можно гадать изъ

---

(1) По свидѣтельству 100-лѣтняго старика, который помнилъ закладку этого дома княземъ Понятовскимъ, при копаніи рвовъ подъ фундаментъ, были отрываемы разныя церковныя вещи, и открытъ былъ гробъ священника или другаго священнаго лица, какъ можно было судить по облаченіямъ и кадильницѣ.

(2) Григорій Гуляницкій, генеральный судья — 9-го октября 1648 г. являлся къ царю Алексію Михайловичу отъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго, съ предложеніемъ вести общую войну противъ Польши; въ 1650 г. онъ былъ приговоренъ къ смерти за возбужденіе козаковъ противъ Хмѣльницкаго, по поводу отдачи украинскихъ имѣній польскимъ панамъ, и долженъ былъ бѣжать въ Молдавію; передъ Берестечскою войною онъ перешелъ въ Польшу и содѣйствовалъ измѣнѣ хана открытіемъ переговоровъ, веденныхъ тогда съ московскимъ царемъ. По смерти Богдана, Гуляницкій является въ Украинѣ приверженцемъ Выговскаго и въ чинѣ полковника нѣжинскаго; съ 1656 г. онъ сталъ приверженцемъ Тетери и Польши; Чарнецкимъ былъ посаженъ въ маріербургскую тюрму,—оттуда бѣжалъ въ Малороссію съ митрополитомъ Іосифомъ Тукальскимъ. Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

того, что до 1698 года батуринскаго монастыря игуменъ именовался батуринскимъ, скельскимъ и корсунскимъ. Вѣроятно, такой титулъ усвоенъ былъ батуринскому игумену потому, что въ батуринскомъ монастырѣ помѣщена была братія разореннаго корсунскаго монастыря. Въ 1707 году корсунскій игуменъ Гедеонъ Вольскій исходатайствовалъ у гетмана Мазепы подтвердительный универсалъ на владѣніе угодіями, пожертвованными сему монатырю отъ гетмана Петра Сагайдачнаго, отъ Хмѣльницкой (вѣроятно 3-й жены Богдана — Золотаренковой, урожденной изъ Корсуня), Гуляницкой и Григорія Гуляницкаго. Къ этому же времени возстановленія украинскихъ монастырей нужно отнести вторичное возобновленіе и корсунскаго монастыря.

Справедливо замѣчено въ описи сего монастыря, составленной въ 1795 году, что „корсунскій монастырь былъ разоряемъ и чрезъ многіе годы стоялъ впустѣ."

Та же судьба была его и въ 18-мъ столѣтіи, по отдачѣ Украины Польшѣ въ 1715 году, когда съ уничтоженіемъ козацкаго войска возобновлено было тѣмъ болѣе безпрепятственное гоненіе на беззащитныхъ православныхъ сыновъ ея. Въ той же описи замѣчено, что корсунскій монастырь состоялъ подъ властію уніатскихъ митрополитовъ и отданъ былъ базиліянамъ, которые и жили здѣсь долгое время. Это было, конечно, въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ 1763 году, князь Василій Лубенскій совершенно разорилъ корсунскій монастырь; по донесеніи о семъ—бывшими братіями его Іеромонахомъ Ѳеофаномъ и монахами Антоніемъ и Діонисіемъ, указомъ переяславской духовной консисторіи, поручено было отъ 8-го іюля 1768 года, принять, корсунскій монастырь въ свое управленіе игумену мошногорскаго монастыря Герасиму. Въ этомъ же году онъ былъ обновленъ на поданіе народа, при преосвященномъ Гервасіѣ, когда надъ притѣснитѣлями православія разразилась грозная туча изъ мотронинскихъ лѣсовъ. Съ тѣхъ поръ онъ остался навсегда въ рукахъ православныхъ, хотя по временамъ бѣдствія не прекращались. Въ 1771 году уніатскій митрополитъ Фелиціанъ Володковичъ, прибывши въ Корсунь, послалъ корсунскимъ монахамъ приказъ явиться для присяги на унію. Тогда монахи должны были бѣжать опять отъ преслѣдованій уніатскаго оффиціала Григорія Мокрицкаго, а монахъ Діонисій при этомъ захватилъ всю утварь церковную; сохранилъ ли онъ ее,— неизвѣстно было и въ 1773

году, въ которомъ для допроса объ этомъ требовали его въ корсунскій монастырь изъ мотронинскаго. Въ началѣ 1773 года намѣстникъ мошногорскаго монастыря Герасимъ просилъ у переяславской консисторіи дозволенія реставрировать корсунскій монастырь и устроить въ немъ трапезную церковь; но ему, отъ 31 марта того же года, предписано стараться о устроеніи своего монастыря, а корсунскій, сказано, «пущай остается до дальшаго разсмотрѣнія.» Обновленіе монастыря началось съ 1774 года, въ которомъ 19-го мая разрѣшено починить въ корсунскомъ монастырѣ большую церковь, такъ какъ въ ней „за малостію оконъ темно, — за ветхостію — течь, и престолъ на горнемъ мѣстѣ по уніацку.“ Въ слѣдующемъ 1775 году 16-го февраля преосвященный Іовъ благословилъ заложить трапезную церковъ въ честь рождества пресвятыя Богородицы. Въ 1777 году назначенъ былъ въ корсунскій монастырь самостоятельный игуменъ Климентъ, и тогда, по его просьбѣ; собрана была и прочая братія, жившая большею частію въ мошногорскомъ монастырѣ послѣ нападенія уніатскаго. Въ 1781 году, въ числѣ прочихъ, и корсунскій монастырь былъ обложенъ податію, измышленною уніатами. Въ іюлѣ сего года прибылъ въ корсунскій монастырь суперіоръ лысянскаго базиліянскаго (прежде православнаго) монастыря, съ требованіемъ на столъ его королевскаго величества 376 злотыхъ и 15 грошей — за 5 лѣтъ; срокомъ уплаты назначено было 1-е сентября; въ случаѣ просрочки угрожали военною экзекуціею. Въ самомъ дѣлѣ, онъ дѣйствовалъ по распоряженію уніатскаго митрополита Іасона Смогоржевскаго, и былъ отъ него уполномоченъ производить подобный сборъ со всѣхъ православныхъ церквей и монастырей въ Украинѣ; военныя команды только содѣйствовали экзекуціей. Общая тогда отъ монастырей и духовенстважалоба была представлена въ св. синодъ, а отъ него передана въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Въ 1779 году враги православной церкви, какъ бы стыдясь уже открытаго гоненія, предприняли злой умыслъ повредить нравственности отшельниковъ. По распоряженію управляющаго имѣніемъ князя Понятовскаго, близъ воротъ самаго монастыря, построенъ былъ шинокъ, въ которомъ посадили еврея. Хотя въ окружности монастыря нѣтъ никакихъ заселеній, и мѣстность его до того уединена, что къ монастырю едва можно проѣхать проселочною дорогою, предлогъ къ открытію питейнаго дома найденъ весьма удобный. По древнему при-

мѣру православныхъ братствъ, братія монастырская ситила медъ къ празднику св. Онуфрія, и продавала въ этотъ день богомольцамъ, извлекая изъ того нѣкоторую пользу на поддержку скудной обители. Въ этомъ году, въ день самаго праздника, коммисаръ экономическій явился въ монастырь, запечаталъ всѣ три бочки меду и велѣлъ строить корчму. Игуменъ жаловался на такое насиліе; экономія клеветала, что монахи продаютъ водку. Игуменъ вновь отвергалъ это, какъ явную клевету, объясняя, что корчма построена для поношенія, поруганія, оболганія монаховъ въ народѣ. Въ 1783 году происходила уже объ этой корчмѣ переписка между преосвященнымъ переяславскимъ Иларіономъ и графомъ Штакельбергомъ съ одной, и варшавскимъ митрополитомъ съ другой стороны,— монахи между тѣмъ, дѣйствительно, стали соблазняться близостію винной продажи; но, не смотря на всѣ усилія православныхъ, корчма эта просуществовала на своемъ мѣстѣ до 1833 года, года, въ которомъ сломана уже по приказанію нынѣшняго владѣльца князя Павла Петровича Лопухина. Въ 1784 году корсунскую обитель постигло новаго рода несчастіе: она лишилась лучшей своей утвари. Поводъ къ тому былъ слѣдующій. Два года уже носилась и все болѣе распространялась въ народѣ молва объ отобраніи на унію всѣхъ православныхъ украинскихъ церквей; игуменъ Елеазаръ, имѣя справедливыя опасенія, всѣ дорогія вещи и церковные сосуды отдалъ въ с. Деренковецъ на сохраненіе тамошнему священнику Ѳедору Левитскому, который спряталъ ихъ въ собственной коморѣ (кладовой),— оттуда они украдены, и никакъ не могли быть отысканы. Вскорѣ ложныя опасенія, возбужденыя въ польскомъ правительствѣ по поводу столь же ложныхъ слуховъ о замышленномъ на Украинѣ возмущеніи, нарушили покой корсунской обители. 10-го марта, 1789 года явился въ этотъ монастырь — хорунжій народной польской кавалеріи Станиславъ Обертинскій съ 10-ю человѣками вооруженной команды; въ церкви въ это время совершалось вечернее богослуженіе,—вдругъ церковь съ братіею, а равно и монастырь были окружены; когда игуменъ Елеазаръ вышелъ изъ церкви чрезъ пономарню, его схватили среди двора. Келліи и всѣ письменныя дѣла пересмотрѣли, и при томъ допрашивали: что пишетъ къ вамъ императрица; игуменъ отвѣчалъ: пишетъ, чтобы мы обходились съ вами (поляками) мирно, и молили за васъ Бога. Такому обыску были подвергнуты братскія

келліи, пекарня и палата, наконецъ самая церковь; вездѣ, даже подъ престоломъ, искали, нѣтъ ли гдѣ оружія или пороху. Но напрасно поляки искали истребительныхъ снарядовъ или оружія въ православной церкви и въ келліяхъ православныхъ отшельниковъ.— 20-го декабря, 1782 года, было совершено здѣсь всенощное бдѣніе и благодарственное по литургіи молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и звономъ по прочтеніи универсала объ освобожденіи изъ-подъ ареста архипастыря Украины, преосвященнаго Виктора, невинно, по одному подозрѣнію, болѣе трехъ лѣтъ томившагося въ заключеніи—въ Варшавѣ. Съ того времени миръ водворился въ обители корсунской, а вскорѣ и совершенно утвердился съ присоединеніемъ въ 1794 году Малороссіи къ Россійской Имперіи.

Въ 18-мъ вѣкѣ корсунскій монастырь до 1795 года состоялъ подъ управленіемъ епископовъ переяславскихъ; въ томъ году причисленъ къ кіевской епархіи вмѣстѣ съ богуславскимъ уѣздомъ, въ которомъ находился.

Въ это время управленіе въ немъ было игуменское; изъ игуменовъ сего времени извѣстны:

1) 1707 г. игуменъ Гедеонъ Вольскій, исходатайствовавшій у Мазепы подтвердительный универсалъ на владѣніе прежними угодіями.

2) Съ 20-го генваря 1777 года по 8-е мая 1779 г., игуменъ Климентъ.

3) 1779 по 3-е мая 1785 года, игуменъ Елеазаръ—изъ экономовъ переяславскаго архіерейскаго дома; съ 1784 г., за удаленіемъ отъ должности корсунскаго протопопа Даніила Адамовича, онъ завѣдывалъ и дѣлами оставшихся въ православіи церквей корсунской протопопіи.

4) Съ 4-го іюля 1785 г. до 1798 года, игуменъ Самуилъ Свидерскій—изъ крестовыхъ іеромонаховъ митрополита Самуила. Въ 1771 году онъ присутствовалъ на пинской конгрегаціи, созванной польскимъ правительствомъ для учрежденія въ Польшѣ іерархіи украинскихъ православныхъ церквей, независимой отъ всероссійскаго свят. синода, а въ его отсутствіи монастыремъ управлялъ іеромонахъ Гавріилъ. Въ 1794 году, при возстановленіи православія въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ,—игумену Самуилу было поручено заготовлять и раздавать антиминсы для

воссоединенных церквей(1). Въ 1798 году 15-го іюля игуменъ Самуилъ переведенъ въ Лебединскій Георгіевскій монастырь настоятелемъ.

Изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ корсунскаго монастыря видно, что въ немъ состояло братіи:

въ 1782 г.	—	9	душъ,
— 1786 г.	—	8	—
— 1788 г.	—	12	—
— 1792 г.	—	12	—

Приходъ и расходъ монастырскихъ суммъ:

Приходъ: за 1779 г. 198 р.,	расходъ:	1779 г. 189 р.
1780 — 300		1780 — 293 —
1781 — 212		1781 — 210 —
1783 — 122		1783 — 119 —
1784 — 107		1784 — 103 —

Церкви: Съ прошлаго столѣтія въ корсунскомъ монастырѣ существовали двѣ деревянныя церкви: 1-я во имя преподобнаго Онуфрія—небольшаго размѣра, о 5-ти главахъ, изъ дубоваго лѣсу. Она называется старою въ описи 1792 года, возобновлена въ 1768 году при преосвященнымъ Гервасіѣ, епископѣ переяславскомъ; 2-я теплая церковь—во имя Рождества пресв. Богородицы, построенная въ 1775 году по благословенію епископа переяславскаго Іова, и обновленная въ 1777 году,—сосноваго дерева, съ надстроенною на верху колокольнею; 3-я Николаевская. Въ 1793 году игуменъ Самуилъ просилъ разрѣшенія построить новую колокольню вмѣсто обветшавшей, и для сего приготовилъ лѣсъ; вмѣстѣ съ колокольнею предполагалось построить и церковь во имя св. Николая. Церковь во имя сего угодника была, но въ недавнее время, за ветхостію, продана игуменомъ Амфилохіемъ. Нынѣ въ корсунскомъ монастырѣ двѣ церкви: 1) каменная съ

(1) Въ августѣ 1794 года, игуменомъ Самуиломъ выдано—1,267 антиминсовъ, въ томъ числѣ старыхъ шелковыхъ и полотняныхъ —979, новыхъ—288; сдѣлано и роздано къ антиминсамъ 920 губъ изъ 8½ фунтовъ грецкой губы: но за всѣмъ тѣмъ, по причинѣ новыхъ требованій отъ благочинныхъ, игуменъ Самуилъ просилъ у митрополита Самуила разрѣшенія заготовить еще на первый случай хотя 1,000 антиминсовъ, такъ какъ въ 3-хъ присоединенныхъ отъ Польши губерніяхъ было уніатскихъ церквей—4,683.—(Вѣдомость и донесеніе митроп. Самуилу).

деревяннымъ сводомъ о 5-ти куполахъ, однопрестольная, во имя св. Онуфрія, сооружена въ 1865 году стараніемъ игумена Іоанна, и 2) деревянная—теплая, однопрестольная, во имя Рождества Богоматери, построенная въ 1845 году игуменомъ Θеодоромъ.

Святыню сего монастыря составляютъ двѣ частицы мощей св. Аревы и Меркурія, хранящіяся въ ковчегѣ. Онѣ поступили въ корсунскій монастырь отъ архимандрита пелладійскаго іерусалимскаго монастыря — Никифора, заболѣвшаго въ Корсунѣ на пути въ Іерусалимъ въ Нѣжинъ и здѣсь погребеннаго — въ корсунскомъ монастырѣ. Иконъ древняго письма не имѣется; мѣстно болѣе чтимая икона Божіей Матери (1) въ кіотѣ отдѣльномъ и въ серебр. ризѣ вѣсомъ въ 3 фунта.

Угодія монастыря. Въ универсалѣ Мазепы упомянуты разныя угодія, въ давнія времена пожертвованныя корсунскому монастырю, именно: 1) отъ гетмана Петра Сагайдачнаго—въ с. Шендеровцы ставъ съ млынами, лѣсомъ, садомъ и пахатное поле надъ рѣчкою Каменкою; 2) отъ Хмѣльницкой и Гуляницкой — мельница на р. Роси о 4-хъ колесахъ; 3) отъ Григорія Гуляницкаго—прудъ въ с. Гарбузинѣ съ 3-мя лѣсами, сѣножатями и селищемъ Маювщизна, и разныя другія угодія въ м. Корсунѣ, селѣ Сытникахъ, близъ Деренковца и Ольшаны, въ с. Квиткахъ, Бровахахъ и въ Богуславлѣ, принадлежавшія корсунскому монастырю въ 17 вѣкѣ. Старинныя права на эти угодія и подтвердительныя универсалы гетмановъ въ 1707 году были представляемы игуменомъ Гедеономъ гетману Мазепѣ, и 1-го октября 1707 года вновь отъ него подтверждены въ пожалованномъ о семъ универсалѣ 1-го октября того же года. Но всѣ эти обширныя владѣнія сего монастыря отняты у него въ разные годы 18-го вѣка, и въ 1795 году уже, за давностію времени, никто не помнилъ о времени сего отбора, какъ значится въ монастырской описи за этотъ годъ. Документы же и крѣпости на монастырскія угодія, во время завладѣнія монастыремъ базиліянами, были взяты въ кіевософійскій монастырь для храненія, и потомъ въ 1785 году переданы Виктору епископу переяславскому, при отправленіи его въ г. Слуцкъ; но изъ нихъ митрополитомъ Евгеніемъ только отысканъ универсалъ Ма-

(1) Дана въ корсунскій монастырь блюстителемъ дальнихъ пещеръ кіевопечерской лавры, іеромонахомъ Аггеемъ, изъ его домашнихъ иконъ; письма не стараго.

зены. Въ 1792 году — въ пользованіи монастыря было поля на 20 дней и сѣнокоса на 20 косарей. Въ пособіе къ содержанію своему, корсунскій монастырь, во 2-й половинѣ прошлаго столѣтія считался приходскимъ для деревни Набутова, гдѣ въ 1787 году числилось 127 душъ мужескаго пола, — почему іеромонахи исправляли всѣ требы въ этой деревнѣ. Во время коммандировки игумена Самуила для раздачи антиминсовъ возсоединеннымъ церквамъ — въ 1794 и 1795 году, требы въ Набутовѣ исправляли поочередно священники с. Бровахъ, Кошмака, Нетеребки, Корниловки, Пѣщекъ, Гарбузина, коимъ и велѣно было поседмично жить для сего въ корсунскомъ монастырѣ.

Въ настоящее время корсунскій монастырь во владѣніи своемъ имѣетъ хуторъ съ вѣтряною мельницею — въ 1/2 верстахъ отъ монастыря, при ономъ 39 десятинъ пахатной и сѣнокосной земли, и сверхъ того 5 небольшихъ озеръ при р. Роси, также вблизи монастыря.

Монашествующихъ 6, въ томъ числѣ настоятель, 4 іеромонаха и іеродіаконъ; послушниковъ 7. (*Кіев. Епар. Вѣд.*)

НАЧАЛО УНІИ.

(Продолженіе) (*).

Вѣроисповѣдная унія.

Время уже приступить къ важнѣйшему предмету. Уже издавна самымъ усильнымъ стараніемъ Рима было — соединить восточную церковь съ западною подъ верховною властію папы. Постояннымъ стремленіемъ польскихъ государей было — подчинить римской вѣрѣ русиновъ въ Литвѣ, со времени покоренія галицкой Руси Казиміромъ и правленія Ягайла въ Литвѣ; стремленіе это было сильнѣе, или слабѣе, смотря по степени горячности властителя. Римъ желалъ этого, латинское духовенство съ нетерпѣніемъ стремилось къ тому. Больше овецъ — больше шерсти. Хотя вообще

(*) Смотри 8 и 9 кн. Вѣстника Зап. Россіи.

прибыль была незначительна, однако, важнѣе въ галицкой Руси, принадлежавшей Польшѣ, чѣмъ въ той, которая соединена была съ Литвою. Въ галицкой Руси уже съ самаго начала богатѣйшіе русскіе роды были устранены, всѣ важнѣйшія мѣста и должности отданы исключительно полякамъ-католикамъ, и только часть средняго и мелкаго дворянства оставлена была при старомъ вѣроисповѣданіи, къ которому оно, вмѣстѣ съ городами и простонародіемъ, было привязано въ высшей степени. Напротивъ, въ литовской Руси не только среднее и мелкое дворянство, города и деревни, но и всѣ знатнѣйшіе дома бояръ и князей держались восточнаго исповѣданія и отправляли всѣ высшія правительственныя должности и почетныя званія, къ которымъ поляки не имѣли никакого доступа.

Въ 1569 году состоялась достопамятная унія (1) или вѣчное соединеніе Литвы съ Польшею. Разными происками, о которыхъ была выше рѣчь, Польша достигла, наконецъ, того, что Великое Княжество Литовское уступило ей Подлѣсье, Волынь, Подоль, Украину и цѣлое Княжество Кіевское, такъ что всѣ эти области, которыя гораздо обширнѣе самой Польши стали теперь польской областью. Лишь только края эти были присоединены къ Польшѣ, какъ въ нихъ разгнѣздилось множество польскихъ родовъ, надѣленныхъ старостваами, имѣніями, откупами и должностями, и тѣмъ самымъ открылся удобнѣйшій случай для обращенія русиновъ. Однако, жатва не отвѣчала ожиданію латинскихъ ревнителей, кромѣ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, тамъ и сямъ перешедшихъ въ латинство по поводу браковъ (2). Непрохо-

(1) Двѣ уніи извѣстны въ польскомъ бытописаніи. Первая, гражданская, съ 1569 года, по которой Литва и Польша навсегда были соединены въ одно гражданское тѣло, и Польша получила отъ Литвы области, упомянутыя мною ниже въ самомъ изложеніи. Вторая—вѣроисповѣдная, которой начало относятся къ 1595 году, и въ силу которой часть Руси отложилась отъ цареградскаго патріарха и подчинилась римскому папѣ. Обѣ онѣ имѣли ужасное вліяніе на русскій народъ. Здѣсь мы будемъ говорить только о послѣдней. Польскіе историки упоминаютъ еще о давнишней гражданской уніи, заключенной съ Литвою въ Городнѣ 1415 года; но что это однѣ лишь басни, подробно было доказано въ своемъ мѣстѣ.

(2) Что русиновъ перекрещивали, доказательствомъ можетъ служить небольшое сочиненіе Орѣховскаго: «De non rebaptisandis Ruthenis.»

дикая бездна раздѣлила оба вѣроисповѣданія. Поляки-католи вѣрили, что только они, а не отщепенцы, каковыми были в глазахъ ихъ русины, могутъ быть участниками спасенія: и обра: но, русины, послѣдователи греческаго вѣроисповѣданія утвержда ли, что единственно въ ихъ церкви спасеніе, а въ латинской от вергали, или по крайней мѣрѣ, сомнѣвались въ томъ. Воспи танный въ такихъ началахъ, русинъ не легко могъ играть своеі совѣстью, своимъ вѣчнымъ предназначеніемъ. Чтобы удалить эт преграду, различавшую два вѣроисповѣданія, самымъ дѣйстви тельнѣйшимъ средствомъ признано было соединеніе или, такъ на зываемая, унія, въ которой русины, оставаясь до времени (1) при нѣкоторыхъ обычныхъ стародавнихъ обрядахъ и славянской литургіи, признавали бы только папу высшею видимою главою церкви и приняли бы то положеніе, что въ томъ и другомъ вѣроисповѣданіи равно можно обрѣсти себѣ спасеніе.

И такъ, допустивши это первое, главное и совѣсть успокоивающее начало, все прочее пойдетъ успѣшно; тогда никакое препятствіе не удержитъ уніата отъ перехода въ латинскую вѣру, ибо въ той и другой вѣрѣ высшая цѣль человѣка, т. е., спасеніе души, можетъ быть достигнута. Даже нельзя сомнѣваться въ этомъ переходѣ, особливо въ высшихъ слояхъ народа, ибо трудно было держаться вѣры меньшинства въ церкви римской, будучи сыномъ од-

(1) Пишу «до времени», ибо въ сущности такъ и было. Лишь только введенная унія среди браней, кровопролитія и споровъ начала нѣсколько утверждаться, какъ уже въ 1629 году іезуиты и латинское духовенство настаивали у митрополита уніатскаго, Вельямина—Рутскаго, чтобы онъ, оставивъ славянскій языкъ и греческій обрядъ, отправлялъ латинскую обѣдню на соборѣ въ Львовѣ и склонилъ бы къ сему свое духовенство. Митрополитъ воспротивился этому, хотя самъ былъ ревностнымъ приверженцемъ папы, воспитанный въ Римѣ и названный папою Урбаномъ VIII Атласомъ уніи, столбомъ церкви и Афанасіемъ Руси, и до мильона людей, частію насильно, частію убѣжденіемъ, обратившій въ унію. Причиною, заставлявшей его противиться, былъ безъ сомнѣнія, страхъ, чтобы унія не опротивѣла русинамъ, которые, видя свой языкъ и свое богослуженіе отрынутыми, отстали бы и отъ уніи. А можетъ быть, ему жаль было и русскихъ епископій, ибо, по введеніи латинской литургіи, уже не нужны были ни русскіе епископы, ни русскіе приходскіе священники. (Siarczyński. Obraz wieku Zygmunta III, T. I, str. 141, Engel s. 121).

него общаго отца? Конечно, онъ захочетъ хвалить Бога языкомъ этого отца, языкомъ короля, своего владыки, и языкомъ народнаго большинства. Это начало, построенное на теоріи, не замедлило исполниться и на дѣлѣ. По введеніи уніи, о которой намъ предлежитъ говорить, уніатское дворянство толпами перешло въ латинскую вѣру, внутренно увѣряя себя, что вѣроисповѣдное сомнѣніе и зазрѣніе совѣсти теперь примирены и уже больше не существуютъ, а дѣти этого дворянства забыли или стыдились вспомнить, что отцы ихъ были русины (1). Къ духовнымъ побужденіямъ, исходившимъ чисто изъ усердія къ распространенію католичества, необходимо должны были присоединиться и государственныя, что дѣйствительно и случилось. Если бъ одно только желаніе спасти души человѣческія водило тѣми, которые приняли на себя достиженіе этой цѣли, то почему бы имъ не обращать также и жидовъ, которыхъ такое множество въ Польшѣ, татаръ въ Литвѣ и караимовъ на Руси? Но нѣтъ! Этихъ предоставляли печальной участи оставаться въ заблужденіи, а занимались только русскими христіанами. Стало быть, тутъ была и государственная причина.

---

(1) Для иностранца покажется непонятнымъ, что за связь у вѣры съ народностью? Нѣмецъ, римскаго ли онъ исповѣданія, или аугсбургскаго, гелветическаго, или гернгутерскаго, завсегда остается нѣмцемъ, и религія не имѣетъ у него вліянія на народность. У французовъ то же. Но иначе ведется въ Польшѣ. Латинцы слышатъ въ храмахъ богослуженіе на языкѣ, который понятенъ только для ученыхъ; все же христіанское ученіе и молитвословіе произносится на польскомъ языкѣ. Напротивъ того, русины, какъ извѣстно, и богослуженіе и все прочее вѣроученіе совершаютъ на своемъ родномъ языкѣ. Русинъ, принявши латинскую вѣру, учитъ и произноситъ всѣ молитвы попольски, слушаетъ наставленіе священника и исповѣдуется на томъ же польскомъ языкѣ; и такъ, когда этотъ языкъ со временемъ становится орудіемъ общенія, то русскій языкъ забывается, и народность опредѣляется только уже языкомъ польскимъ. Примѣръ очевиденъ. Половина галицкаго дворянства имѣла предками русиновъ, которые приняли латинскую вѣру, нѣкоторые изъ нихъ даже весьма недавно. Ихъ потомки теперь не умѣютъ ни писать, ни читать порусски и считаютъ себя поляками, хотя на самомъ дѣлѣ они русскіе. Такимъ образомъ, перемѣна вѣры у насъ влечетъ за собою перемѣну языка и народности. Мы это столько разъ видѣли выше.

Польша дѣлилась на два народа, различные по вѣрѣ и языку,—на русскихъ и поляковъ, которые, помимо связывавшихъ ихъ отношеній, почитали себя отдѣльными другъ отъ друга, и даже не было недостатка во взаимной ненависти. Поэтому конечною необходимостію было соединить эти два народа и стереть съ нихъ печать различія. Когда бы латинское вѣроисповѣданіе утвердилось вообще между дворянствомъ, тогда бы языкъ польскій сталъ языкомъ высшаго сословія какъ въ Польшѣ, такъ и на Руси. А хотя дворянство волынское, кіевское, черниговское и брацлавское, при подданствѣ Польшѣ въ 1569 году, и удержало за собою управленіе и судопроизводство на языкѣ русскомъ, въ то время еще сохранявшемся въ домахъ его, однако, спустя вѣкъ, или два, а можетъ быть и раньше, само бы оно стало просить объ уничтоженіи права судиться языкомъ употребляемымъ только въ простонародіи и крестьянствѣ и совершенно неизвѣстнымъ ему на письмѣ. Говорю «неизвѣстнымъ», потому что, не отправляя на немъ богослуженія и не говоря порусски, къ чему бы стало учить своихъ дѣтей холопской русской грамотѣ (1)? Но даже и холопы, т. е. крестьяне, должны бы были принять латинское вѣроисповѣданіе и молитвы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ польскій, какъ это уже случилось въ Руси повислянской, завислоцкой и въ большей части обширной нѣкогда епархіи перемышльской; ибо панъ, въ силу закона 1573 года, будучи господиномъ—„tam in saecularibus, quam in spiritualibus"—надъ личностью своихъ холоповъ, имѣлъ право принудить ихъ къ этому (2). Та-

(1) Какъ это дѣйствительно и случилось. Спустя столѣтіе, при Янѣ Собіескомъ и обоихъ Августахъ, уже все дворянство на Волыни, Малороссіи и Подолѣ обратилось въ польское, а въ судопроизводствѣ языкъ латинскій, или польскій занялъ мѣсто русскаго.

(2) Были употреблены различныя средства, чтобы истребить уніатство, что, безъ сомнѣнія, и случилось бы непремѣнно, если бъ сосѣднія державы не раздѣлили Польши. Кромѣ принужденія, были въ ходу и другія средства, напр., назначались въ русскіе епископы такіе люди, которые даже и писать порусски не умѣли: требовалась безбрачность отъ русскихъ священниковъ, и постановлено было на городскомъ сеймѣ, чтобы сыновья священниковъ поступали въ вѣчное владѣніе къ тѣмъ панамъ, въ имѣніи которыхъ родились, а потому митрополитъ Левъ Кишка, въ 1726 году, издалъ универсалъ, въ которомъ объявлялъ, что никого женатаго не рукоположитъ въ пресвитеры, и т. д.

ким образом, когда бы цѣль эта была достигнута, тогда составился бы один из двух народов многочисленный, стало быть сильный. Кромѣ этой была и другая государственная причина, не менѣе важная. Из развалин древняго, распавшагося на удѣлы, русско-кіевскаго государства, возстало на сѣверных предѣлах Польши государство новое, русско-московское, различное нѣсколько по нарѣчію, но однородное по происхожденію, вѣрѣ и письму с польскими русинами. При каждом утѣсненіи от поляков, русины греческаго исповѣданія обращали глаза на сѣвер к своим одноплеменникам и единовѣрцам, и там находили себѣ сочувствіе. По этому необходимо было как можно скорѣе прервать и уничтожить эту связь, рождавшую сочувствіе между польскими подданными и независимым государством и народом русским, а единственным к тому средством было введеніе уніи, которая бы навсегда произвела между ними разрыв и породила взаимную вѣроисповѣдную ненависть (1). К тому же недавно в Москвѣ основано было отдѣльное русское патріаршество, опасное для Польши, ибо русины, находившіеся под польским владычеством, могли покориться народному русскому патріарху, имѣвшему своею столицею Москву.

Описывая царствованіе Стефана Баторія, мы упомянули, что Рим, для обращенія царя и народа московскаго, назначил ученаго и хитраго іезуита, Поссевина. Начали с отдаленнѣйшаго края русской земли, в том убѣжденіи, что, когда обширное Московское государство преклонится пред папою, то с польскими русинами легко можно будет управиться. Но когда происки и старанія миссіонера разбились о холодную стойкость и глубокій разум московскаго царя, тогда положено было, по крайней мѣрѣ, польских и литовских русинов склонить на лоно р. католической церкви; но и тут, сверх ожиданія, встрѣтились препятствія, чрезвычайно трудныя.

(Продолженіе впредь).

---

(1) „От того Русь и Литва, не раз угнетенныя по причинѣ разновѣрія, и чрез то непріязненныя, облегчали замыслы новой, возстающей на сѣверѣ державы московских царей“ — говорит Бандтке, том II, стр. 85.

III.

—

Отвѣтъ Редакціи.

Что ты смотришь на спицу въ глазѣ брата твоего, а бревна въ своемъ глазѣ не чувствуешь? (Матѳ. VII, 3).

Прочитавъ сдѣланный намъ «собратомъ и тезкой», въ 131 № «Виленскаго Вѣстника», упрекъ, мы невольно вспомнили тѣ божественныя слова, которыя предпосланы настоящему нашему «Отвѣту». «Тезка» упрекаетъ насъ въ «заимствованіи изъ «Виленскего Вѣстника» статей и умолчаній откуда онѣ заимствованы». Если на этотъ упрекъ мы будемъ отвѣчать не такъ лаконически, какъ онъ намъ сдѣланъ, то это потому только, что легче и скорѣе можно сдѣлать пятно, чѣмъ уничтожить его.

«Виленскій Вѣстникъ» упрекаетъ насъ въ заимствованіи изъ него *статей*. Мы думаемъ, что нашъ „собратъ,— тезка“ имѣетъ сбивчивое понятіе о свойствѣ сочиненій, которымъ усвояется названіе статей, и чуть ли не смѣшиваетъ ихъ съ тѣмъ, что называется газетными извѣстіями. Статей собственно-*журнальныхъ*,—какъ произведеній ума человѣческаго, имѣющихъ нужную для обозрѣнія единичнаго предмета полноту и оконченность, въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» (кромѣ описаній) мы не встрѣчали; а чего у кого нѣтъ, тѣмъ у него не позаимствуешься. И тѣмъ, что »Виленскій Вѣстникъ» хотѣлъ бы назвать статьями, напримѣръ: его полемикой, взглядами на текущія событія, рѣшеніями возбуждаемыхъ жизнію вопросовъ, корреспонденціями, — намъ у него пользоваться не приходится.

Взгляды наши на эти событія и вопросы идутъ на разстояніи параллельной линіи отъ взглядовъ «Виленскаго Вѣстника«: онъ хлопочетъ объ эмансипаціи и обрусѣніи евреевъ, а мы только пожимаемъ плечами, глядя на его компанейскую работу; онъ мечтаетъ о примиреніи съ поляками, а мы утверждаемъ, что русскіе съ ними и не думали ссориться, а они съ русскими и не думаютъ мириться; «Виленскій Вѣстникъ» отрицаетъ уроки исторіи, а мы называемъ мечтателемъ того, кто хочетъ трактовать о настоящемъ, не руководствуясь указаніями прошлаго, которое всегда относится къ настоящему такъ, какъ причина къ дѣйствію, посѣянное зерно къ выросшему изъ него колосу; «Виленскій Вѣстникъ» въ трехъ нумерахъ (иногда и въ одномъ) не меньше пяти разъ самъ себѣ попротиворѣчитъ, а мы, въ теченіи пяти лѣтъ, ни на шагъ не отступили отъ принятаго однажды, указываемаго истиной, направленія; нашъ «тезка—собратъ» думаетъ обрусить поляковъ посредствомъ одного навязыванья имъ русскаго языка, а мы утверждаемъ, что одинъ языкъ русскій, безъ другихъ условій такъ же измѣнитъ душу поляка, какъ покрой одежды тѣло человѣка, какъ баня кожу эфіопа, что полякъ обрусится только тогда, когда умомъ и сердцемъ откажется отъ папства, отъ возстановленія «ойчизны», душой и тѣломъ прильнетъ къ Россіи, ея вѣрѣ (1) и народности, что ожидать обрусѣнія человѣка отъ одного усвоенія имъ нашего языка-тоже, что ожидать рожденія горы мышью. Короче — быть солидарнымъ съ «Виленскимъ Вѣстникомъ», или что тоже — перепечатывать

---

(1) Не къ намъ ли, по этой причинѣ, «Виленскій Вѣстникъ» отнесъ свою фразу (въ 138 №) о «пристроившейся въ Вильнѣ *клерикальной партіи*»? Если да, то мы изумляемся неспособности къ убѣжденію нашего »тезки-собрата»—послѣ того, какъ въ «Вѣстникѣ западной Россіи» было доказано, какъ 2 × 2 = 4, что въ *православной* Россіи никогда не было и быть не можетъ «*клерикальной партіи*», что въ ней могутъ быть партіи: православная, а потому русская, или анти-православная, а потому анти-русская; что сказать: русская клерикальная партія-тоже, что сказать; бѣлый негръ. И то, что мы сей часъ назвали партіей православной-русской точнѣе нужно назвать группой людей *истинно*-русскихъ, держащихся честныхъ убѣжденій, гражданскихъ, религіозныхъ и политическихъ. Внѣ православія Россія — не Россія.

его статьи, для насъ было бы тоже, что отказаться отъ нашихъ познаній, убѣжденій, отъ логики, исторіи и правды.

Совсѣмъ къ иной категоріи относятся газетныя извѣстія о явленіяхъ здѣшней жизни: перепечатывать такія извѣстія изъ «Виленскаго Вѣстника», мы считаемъ даже своею обязанностью, такъ такъ мы предполагаемъ, что въ немъ они резюмированы вполнѣ согласно съ совершившимися фактами. Къ такимъ явленіямъ относятся распоряженія мѣстной администраціи и отчасти событія, группируемыя нами подъ рубрикой: «Успѣхи православія въ сѣверозападной Россіи». Говоримъ: отчасти; потому что описанія этихъ событій мы заимствуемъ изъ „Виленскаго Вѣстника" тогда только, когда ихъ больше не откуда заимствовать; въ противномъ случаѣ, мы перепечатываемъ такія описанія изъ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, какъ изъ органовъ болѣе компетентныхъ, менѣе способныхъ къ искаженію фактовъ. Изъ этихъ же вѣдомостей и «Виленскій Вѣстникъ» черпаетъ обѣими руками, полными ушатами и рѣдко имѣетъ привычку исполнять то правило, которое такъ безцеремонно и ревниво внушаетъ своему «тезкѣ-собрату». И въ настоящей книжкѣ «Вѣстника» мы перепечатываемъ два описанія освященія церквей, заимствованныя и нами, и «Виленскимъ Вѣстникомъ» изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ: освященіе церкви въ Оникштахъ 24 сентября, заимствованное изъ 82 № Ковенскихъ губернскихъ вѣдомостей, и освященіе 8 ноября Вознесенской церкви въ Минскѣ, перепечатанное изъ 46 № Минскихъ губ. вѣдомостей. Первое,—очень крупное, имѣющее, пожалуй, нѣкоторе право на названіе статьи, перепечатано «Виленскимъ Вѣстникомъ» безъ всякаго указанія на источникъ, откуда оно почерпнуто, а предъ вторымъ поставлена заголовка: «Кор. Вил. Вѣстника»,—далеко менѣе извиняющая умолчаніе о Ковен. губ. вѣдомостяхъ, изъ которыхъ оно заимствовано, чѣмъ сколько извиняетъ, вопреки фразѣ «Виленскаго Вѣстника»,—наши перепечатки оглавленіе ихъ: «извлеченіе изъ газетъ и журналовъ». Такое оглавленіе ясно показываетъ, что мы печатаемъ чужое и, смотря по мѣстности описываемаго событія, ясно показываетъ, откуда могло быть заимствовано описаніе; заголовка же нашего «собра-

та—тезки» оставляетъ мѣсто сомнѣнію и возбуждаетъ кучу вопросовъ, извѣстныхъ безъ выраженія ихъ словами. Такимъ умолчаніямъ и такимъ qui pro quo «Виленскаго Вѣстника» имя—легіонъ. «Что же, «тезка-собратъ», смотришь на спицу въ глазѣ брата твоего, а бревна въ своемъ глазѣ не чувствуешь»?...

Быть можетъ «Виленскій Вѣстникъ» не знаетъ того, что мы получаемъ всѣ почти газеты и всѣ губенскія вѣдомости девяти западныхъ губерній, а потому, въ простотѣ сердца, думаетъ, что все, перепечатываемое имъ и нами изъ губерн. вѣдом. и другихъ газетъ, перепечатывается изъ Виленскаго Вѣстника? Очевидное заблужденіе! Если есть возможность почерпнуть извѣстныя свѣденія изъ подлинника, отъ очевидцевъ, получить товаръ изъ первыхъ рукъ, то къ чему почерпать тѣ же свѣденія изъ копій, не всегда вѣрныхъ, нерѣдко искаженныхъ своеобразными урывками и наростами,—получать товаръ залежалый, примятый? «Виленскій Вѣстникъ,» «не распространяясь (не церемоньтесь) о другихъ (,) менѣе крупныхъ заимствованіяхъ», словно тычетъ пальцемъ на описаніе «пребыванія въ Вильнѣ Государя Императора», помѣщенное назадъ тому *около 7 мѣсяцевъ* въ «Вѣстникѣ западной Россіи». «Виленскій Вѣстникъ» называетъ это описаніе «большою статьею, напечатанною на 3½ (менѣе) страницахъ, съ умолчаніемъ (,) откуда оно заимствовано». Мы не станемъ спорить съ нашимъ «собратомъ-тезкой» на счетъ того-статья ли это, большая ли (какъ-для кого), на трехъ ли или менѣе страницахъ она напечатапа; но можемъ поспорить съ нимъ на счетъ желанія нашего пользоваться его добромъ, безъ вѣдома хозяина. Развертываемъ 4-го книжку «Вѣстника западной Россіи», отыскиваемъ 70-ю страницу IV отдѣла и читаемъ: «Извлеченія изъ газетъ и журналовъ.» Рядомъ съ этой видовою, стоитъ частная заголовка: «Пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ». Теперь спрашиваемъ у всякаго, умѣющаго читать: насколько перепечаткой поцитованнаго сей часъ описанія, мы дали поводъ къ обвиненію насъ въ усвоеніи себѣ чужаго произведенія? Вы, скажетъ «Виленскій Вѣстникъ», этимъ доказали только вообще, что описаніе не ваше, но еще не ска-

зали, что оно заимствовано изъ «Вилен. Вѣстника» вчастности. И это почти сказали. Говоримъ: почти, потому что мы не прописали буквами названія газеты, изъ которой заимствовано описаніе, и которая извѣстна безъ названія. Мы допустили это умолчаніе для того, чтобъ избѣжать безпричиннаго и, можно сказать, нелѣпаго плеоназма. Дѣло идетъ о пребываніи Государя Императора въ Вильнѣ. Это крупное явленіе, какъ и должно быть, прежде всего описано въ мѣстномъ оффиціозномъ органѣ; изъ него были заимствованы подробности этого явленія и всѣми «собратами» «Виленскаго Вѣстника,» какъ «тезками,» такъ и не тезками. Это описаніе и мы считали себя обязанными перепечатать—въ томъ убѣжденіи, что вѣрность подробностей событія гарантирована властью, что въ описаніи нѣтъ ни сочиненій, ни пробѣловъ. «Виленскій Вѣстникъ» можетъ сдѣлать еще слѣдующее возраженіе: незнающій дѣла можетъ подумать, что описаніе «пребыванія Государя Императора въ Вильнѣ» перепечатано изъ мѣстныхъ губ. вѣдомостей; но это возраженіе, по причинамъ, извѣстнымъ и намъ и нашему «тезкѣ», мы считаемъ не нуждающимся въ опроверженіи. Такъ ли или иначе, только очевидно до наглядности, до излишества называть по имени источникъ заимствованія, что «пребываніе Государя Императора въ Вильнѣ» перепечатано нами изъ «Вилен. Вѣстника», *хотя могло быть перепечатано и изъ другихъ газетъ*.

Что мы не имѣемъ желанія пользоваться инкогнито произведеніями «собратій» нашихъ, это, между прочимъ, подтверждается перепечаткой въ тойже книжкѣ и въ томъ же отдѣлѣ. На страницѣ 82 читаемъ: «Окружное посланіе холмской уніятской консисторіи къ духовенству холмской епархіи», и далѣе: «*Корреспонд. Вилен. Вѣстника*«. Точно ли «Виленскій Вѣстникъ» имѣетъ въ Холмѣ своего корреспондента, точно ли получилъ отъ него, или изъ самой консисторіи посланіе ея къ духовенству, или перепечаталъ его изъ «Варшавскаго Дневника«, изъ котораго перепечатали этотъ важный документъ всѣ газеты, — этого мы не знаемъ; знаемъ только, что, по случаю поздняго полученія № «Варшав. Дневника» съ этимъ документомъ, мы

первый разъ познакомились съ нимъ изъ «Вилен. Вѣстника» и оттуда же, для ускоренія дѣла, перенесли на страницы нашего изданія, и потому назвали газету, изъ которой онъ перепечатанъ, хотя весьма могли бы избавить себя отъ этой честности, *по примѣру другихъ нашихъ «собратій»*. А если бы наборщикъ, корректоръ, или редакція промахнули какъ нибудь столь вожделѣнныя для нѣкоторыхъ слова: «Вилен. Вѣст.», ужели стоитъ изъ-за того хвататься за ножи? Есть еще въ направленной противъ насъ реляціи «Виленскаго Вѣстника»: «вотъ, Кіевлянинъ, Телеграфъ, поклоны и чувствія, съ какими слѣдуетъ входить въ студіи виленскихъ ученыхъ»; но мы ихъ оставляемъ въ сторонѣ, потому что іероглифовъ не читаемъ. Кажется только, что «тезка» сердится на насъ, мститъ намъ за что-то, но выбираетъ для заявленія своихъ «чувствій», для пораженія насъ, оружіе и тупое, и картонное. Сопоставленіе себя съ «Кіевляниномъ», а насъ съ «Телеграфомъ» сдѣлано «Виленскимъ Вѣстникомъ» довольно не удачно: оно дѣлаетъ слишкомъ много чести и ему, *и намъ*.

Мы здѣсь могли бы покончить бесѣду нашу съ «Виленскимъ Вѣстникомъ», еслибъ онъ не вызвалъ насъ на минутное продолженіе ея поднятіемъ вопроса, который мы считали давно рѣшеннымъ. Въ 133 №, «Виленскій Вѣстникъ» говоритъ: «намъ положительно извѣстно, что *главное управленіе края выдаетъ субсидіи намъ* (т. е. Вилен. Вѣстнику) *и «Вѣстнику западной Россіи»*. »Виленскій Вѣстникъ» усвоилъ намъ уже однажды эту честь, на которую мы и не разсчитывали; мы уже отвѣчали ему однажды, *на столбцахъ «Виленскаго» же «Вѣстника»*; казалось бы, можно и остановиться, хоть изъ уваженія къ логикѣ; такъ нѣтъ же!.... Не знаемъ, право, на какомъ языкѣ и объясняться съ «тезкой», какіе приводить ему резоны, чтобъ онъ, наконецъ, понялъ, чтобъ онъ убѣдился, что мы никакой субсидіи,—ни денежной, ни въ видѣ обязательной подписки,—*отъ главнаго управленія края* не получаемъ; что *министерство внутреннихъ дѣлъ*, признавая пользу нашего изданія и сознавая скудость средствъ присутственныхъ мѣстъ сѣверозападнаго края, только выписы-

ваетъ для нихъ 200 экземпляровъ «Вѣстника западной Россіи»; но что такой мѣны продукта на деньги мы не считаемъ «субсидіей» — по той же причинѣ, по которой купецъ не считаетъ подаркомъ денегъ, полученныхъ за купленный у него товаръ. Если такъ вѣрно въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» то, что ему «положительно извѣстно», что сколько же вѣроятія въ томъ, что ему извѣстно *отрицательно?*

IV.

ОЧЕРКИ БѢЛОРУССКАГО ПОЛѢСЬЯ. (1)

(Продолженіе) (2).

Не смотря на энергичную ревность бѣлорусскихъ архипастырей объ уничтоженіи всего неправославнаго въ ихъ паствѣ, все еще и доселѣ коегдѣ на Полѣсьи поражаютъ вниманіе наблюдателя нѣкоторыя прибавленія къ обрядности церковной и богослуженію. Наросты эти, въ большинствѣ, носятъ на себѣ печать уніатскаго происхожденія и существованіе ихъ не столько объясняется и поддерживается подражаніемъ ничтожной практикѣ сосѣднихъ давно со сцены уніатскихъ священниковъ, сколько богослужебными книгами изданія львовскаго, луцкаго и почаевскаго, эпохи уніи. Употребленіе подобныхъ книгъ строго воспрещается епархіяльнымъ начальствомъ, — при всемъ томъ онѣ еще пользуются индѣ нѣкоторымъ авторитетомъ и доселѣ — тѣмъ болѣе, что нѣкоторые требники уніатскіе нетолько предлагаютъ обрядъ „на всяку потребу житейску", но и приспособлены къ суевѣрію простолюдина. Не малымъ подспорьемъ живучести такихъ требниковъ служитъ и то обстоятельство, что они имѣются уже въ наличности, тогда какъ пріобрѣтеніе книгъ богослужебныхъ кіевской и московской печати, при ихъ ненормально—высокой цѣнѣ и при невообразимой бѣдности большинства полѣскихъ церквей, слишкомъ превышаетъ средства сихъ послѣднихъ. Оттого эти

(1) Полѣсьемъ я называю лѣсную часть Минской губерніи и прилегающіе къ ней уѣзды Кіевской, Волынской, Черниговской, Могилевской и Гродненской губерній.

(2) См. 8 и 9 кн. „Вѣст. Зап. Россіи"

книги въ ходу почти только въ тѣхъ бѣдныхъ, прежде уніатскихъ приходахъ, которые затеряны между лѣсами и болотами, въ которые не скоро проникаетъ благое нововведеніе, и въ которыхъ долго и упорно живетъ всякая старина, какъ бы негодна она ни была. Трудно и почти невозможно блюстителямъ православія видѣть и искорнять тутъ все пришедшее къ нему отъ нечистыхъ источниковъ. А еслибъ они что либо замѣтили въ этомъ родѣ и передали свое замѣчаніе священнику, онъ — волей неволей — долженъ принять его только къ свѣденію, но не исполненію. Выбрось онъ только изъ извѣстной обрядности что — либо рельефное, къ чему такъ присмотрѣлись передовые его прихожане, что такъ сильно дѣйствуетъ на ихъ чувства и воображеніе, считается ими такою существенною частью обряда или таинства, — и его сочтутъ неправославнымъ. Не помяни только онъ во время сугубой эктеніи на литургіи двунадесятыхъ праздниковъ, именъ хозяевъ села, и онъ навлечетъ на себя ихъ негодованіе (1). Не соверши онъ послѣ литургіи въ храмовой праздникъ троекратнаго обхожденія вокругъ церкви, и для полѣшука праздникъ будетъ— не праздникъ. Запрети онъ положить соль въ уши крещаемаго младенца, погрузи его въ воду при крещеніи, а не облей водою, не прорѣжь собственноручно отверстія на голову младенца въ кускѣ полотна, которое, послѣ облитія водой, надѣвается на крещеннаго вмѣсто рубашки, и не спрячь отрѣзаннаго клочка полотна въ ящикъ, въ которомъ, вмѣстѣ съ другими такими же клочками хранятся: св. муро, елей, волоса младенца и ножницы,—и иной простолюдинъ будутъ считать свое дитя неокрещеннымъ. Не свяжи онъ рукъ брачущихся платкомъ, не заставь ихъ произнести клятву въ супружеской вѣрности „ажъ до смерти“, и полѣшукъ почтетъ бракъ недѣйствительнымъ. Не благословляй онъ освящаемой воды зажженною свѣчкой, не дуй на нее крестообразно при словахъ: „освяти воду сію Духомъ Твоимъ Святымъ,“— и вода, по мнѣнію его, не будетъ освящена. Не позволь онъ въ иномъ приходѣ, послѣ заутрени въ великій четвергъ, пропѣть своимъ прихожанамъ канту, въ которой описываются страданія Спа-

(1) Въ нѣкоторыхъ полѣскихъ приходахъ въ это время производится на лѣвомъ клиросѣ продажа просфоръ. Что то похожее происходило при богослуженіи въ первыхъ вѣкахъ христіанства.

спели (1),—и они произведутъ ропотъ. Замѣть онъ и вели выбросить изъ гроба покойника штофъ водки, трубку (ее курятъ на Полѣсьи дѣти даже и бабы) и другіе предметы, любимые имъ при жизни, прикажи положить его безъ шапки,—на столѣ а не на лавкѣ,—(2) и онъ потеряетъ довѣріе родныхъ покойника, и въ селѣ назовутъ его жестокимъ, безпокойнымъ нарушителемъ старины и своевольнымъ нововводителемъ чуждыхъ народу обычаевъ. Не *запечатлѣй* священникъ могилы,—не положи, то есть, по четыремъ краямъ ея четырехъ крестовъ заступомъ, и народъ тутъ же закричитъ; „что ты дѣлаешь! вѣдь покойникъ станетъ выходить ночью изъ могилы“! Явись онъ къ больному (особенно ночью) со святыми Дарами безъ колокольчика, — и его встрѣтятъ вопросомъ: „што ты, панотче, вкравъ Бога?“ Не звони онъ въ такой же колокольчикъ при совершеніи преждеосвященной литургіи, и народъ не станетъ, въ извѣстные моменты богослуженія, колѣнопреклониться, многіе начнутъ перешептываться. Не освяти онъ на свѣтлый праздникъ, вмѣстѣ съ яствами, вяленой щуки, которыми бабы думаютъ лѣчить самыя упорныя лихорадки,—пули и пороху, которыми охотникъ намѣренъ застрѣлить дьявола,—и его назовутъ вольнодумцемъ. Не позволь онъ пролазить подъ обносимой храмовой иконой, во время троекратнаго обхожденія вокругъ

(1) Изъ этой канты память моя сберегла лишь слѣдующіе стихи:

Въ четвертокъ вечеру бывшу
Совѣтъ жидомъ сотворившу.
. . . .
Што мнѣ дасце (дадите, говоритъ іуда) продамъ іого,
Бо (потому что) я есмь ученикъ іого,
Мовили (сказали—евреи) сребники дамо,
Туольки (только) ты намъ продай іого и проч.

(2) Обрадованная смертью злаго мужа, жена, вмѣсто обычныхъ причитаній, такъ пѣла и подплясывала:

„Живъ бывъ не любила
И умеръ не тужила
Ина на *лавиць* лежиць
Я не буду тужиць“

церкви, больших, и его сочтут, главною причиною продолженія болѣзней человѣческихъ (1) и проч. . .

Въ нѣкоторыхъ селахъ полѣсскихъ священники не ходятъ предъ Рождествомъ и Воскресеньемъ Христовымъ по домамъ прихожанъ для политвословія, а читаютъ обычную покаянную молитву у себя дома. Для выслушанія этой молитвы, являются къ нему въ послѣдній день поста отъ всякаго дома представители, или точнѣе — представительницы, такъ какъ за молитвою посылаются старушки, или несовершеннолѣтнія дѣвушки, какъ менѣе занятыя домашнею работой вообще и предпраздничной суетой въ частности. Когда соберутся всѣ *пришедшіе за молитвой* (принятое выраженіе), священникъ начинаетъ обычную молитву и когда скажетъ: „рабовъ твоихъ сихъ“ (2), ближайшая къ священнику выступаетъ изъ толпы на одинъ шагъ впередъ и перечисляетъ имена жильцовъ дома, котораго она представительница,—переходя по порядку отъ старшаго къ меньшему, и по большей части забывая себя, а священникъ повторяетъ эти имена, на половину искажаемыя своеобразными передѣлками и сокращеніями (3), принадлежащему. На смѣну первой, получившей молитву, выступаетъ вторая и такъ далѣе — до послѣдней. Когда всѣ прихожане будутъ помянуты, священникъ оканчиваетъ молитву, дѣлаетъ обычный отпустъ, посланныя за молитвой прилагаются ко кресту, по-

---

(1) Нѣкоторые изъ этихъ наростовъ и суевѣрій, благодаря просвѣщенной и энергичной ревности молодыхъ пастырей сельскихъ, начинаютъ стушевываться. Дай Богъ!

(2) Въ нѣкоторыхъ требникахъ уніатскихъ стоитъ тутъ выраженіе: „имя рекъ,“ положившее, быть можетъ, инціативу этого страннаго обряда.

(3) При подобномъ исчисленіи именъ священникъ бываетъ поставляемъ въ затруднительное положеніе тѣми qui pro quo, которыя онъ слышитъ. Кромѣ обыкновенныхъ искаженій именъ (напримѣръ, *Хвесько*, вмѣсто Θеодосій, *Васько*, вмѣсто Василій и мн. др.), дѣвочки называютъ своихъ родныхъ тѣми прозваніями, которыя выражаютъ родственныя ихъ отношенія: *бацько, маци, дзядзько. швагеръ* и проч. Онѣ иногда рѣшительно не знаютъ, какъ называются ихъ родные, и не помоги имъ и священнику въ настоящемъ затрудненіи чужія старушки, не знай священникъ самъ, какъ зовутъ этихъ: отца, мать, дядю, свояка, и проч., онъ долженъ или справляться по клировой вѣдомости или послать за болѣе свѣдущимъ представителемъ или же прекратить исчисленіе именъ.

лучають благословеніе священника и, отблагодаривъ его за молитву миской какой-либо муки, разносятъ молитву по домамъ. Кто побогаче и многосемейнѣе, тотъ кладетъ поверхъ муки кусокъ свинаго сала или колбасу,—10 яицъ—предъ Пасхой.

Странный способъ полученія заочной молитвы, посредствомъ уполномоченія на то другихъ, установился, вѣроятно, отъ того, что народъ считаетъ эту молитву разрѣшающею отъ поста и думаетъ, что только послѣ нея можно ѣсть скоромное и, не находя болѣе удобнаго способа для выслушанія ея вдругъ всѣмъ (особенно находящимся въ отлучкѣ или занятымъ работой), въ послѣдній день поста, хочетъ выслушать ее хоть посредствомъ уполномоченныхъ,—думая замѣнить отсутствующихъ поминаніемъ именъ ихъ при молитвѣ. Есть основаніе думать, что подобное толкованіе этой молитвы, легкій и странный способъ преподанія ея вдругъ всѣмъ прихожанамъ и благодарность за *полученіе* молитвы, обязаны своимъ бытіемъ лѣни и корыстолюбію нѣкоторыхъ уніатскихъ священниковъ. По уніатскимъ требникамъ, молитва эта должна быть читаема „исповѣдавшимъ согрѣшенія своя и къ причастію божественныхъ таинъ готовящимся"— и, конечно, въ церкви. Но въ церкви не совсѣмъ было удобно взимать такое приношеніе, какимъ обложено чтеніе покаянной молитвы,—и вотъ придуманъ способъ разсылки и разноски молитвы по домамъ, удовлетворяющій въ одно и тоже время и лѣни, и корыстолюбію, хоть и нисколько не соотвѣтствующій назначенію молитвы.

Во многихъ полѣскимъ приходахъ доселѣ уцѣлѣли остатки или признаки церковныхъ братствъ. Я назвалъ ихъ остатками потому, что въ нихъ осталась одна тѣнь тѣхъ братствъ, которыя составляли нѣкогда такой крѣпкій оплотъ противъ напора враждебной нашей вѣрѣ и народности пропаганды, такую важную поддержку внутренней и внѣшней стороны православія. Теперь обязанности *братчиковъ* до того сократились, что ограничиваются почти однимъ устройствомъ церемоніала храмовыхъ праздниковъ,—приготовленіемъ къ этимъ днямъ питнаго меду, продаваемаго въ пользу церкви, издѣліемъ громадной свѣчи къ храмовой иконѣ и стояніемъ въ два ряда посерединѣ церкви, съ зажженными свѣчами и обращенными другъ къ другу лицами братчикавъ, во время поліелея, чтенія евангелія на утрени и литургіи. Вновь открываемыя, въ послѣднее время, братства нѣсколько расширили про-

границу своихъ дѣйствій: онѣ имѣютъ въ виду поддержку благосостоянія церковнаго, поднятіе нравственности и уничтоженія пролетаріата въ приходѣ.—

Стоитъ обратить вниманіе и на тѣ увеселенія, кушанья и пиршества, которыя полѣшукъ считаетъ едва-ли не существенными принадлежностями извѣстныхъ дней и праздниковъ.

Во время рождественскихъ святокъ, полѣское простолюдье чрезвычайно любитъ разнообразить свои забавы. Тогда какъ въ иныхъ мѣстахъ простолюдинъ проводитъ эти святки въ питейныхъ домахъ, въ отвратительныхъ оргіяхъ и пьянствѣ, полѣшукъ предается удовольствіямъ невиннымъ, порою не чуждымъ религіознаго направленія. Самое популярное изъ такихъ удовольствій есть *колядованье*. Собираются партіями мальчики, дѣвушки, женщины, парни, а иногда пожилые люди—и каждая партія порознь подходитъ подъ окна священника, или такъ себѣ именитаго или близкаго по родственнымъ, къ нѣкоторымъ колядующимъ, отношеніямъ селянина и поетъ пѣсню. Пѣсни эти часто приспособлены къ событію, воспоминаемому церковью. Но еще чаще слышатся такія пѣсни, содержаніемъ которыхъ бываетъ какое нибудь благожеланіе хозяевамъ дома, лесть сынку ихъ или дочери, называемыхъ обыкновенно по имени. Либретто такихъ пѣсенъ весьма разнообразно и по большей части заимствуется отъ подобія или примѣра. Въ нѣкоторыхъ старинныхъ пѣсняхъ попадаются слова: *коляда*, *колядки*, *колядую* (1), отъ чего, безъ сомнѣнія, и самое распѣваніе пѣсень получило названіе *колядованья*.—Пѣвцамъ, по своей молодости незаслуживающимъ особеннаго уваженія, хозяинъ закричитъ только сквозь ото двинутую по стѣнѣ оконную раму: *„дзяковаць вамъ“* (благодаримъ васъ), подастъ какую-нибудь мѣдную монету; или пять—шесть горячихъ, пекущихся въ это время, блинковъ, или *паленичку* (небольшой ситный хлѣбецъ), и пѣвцы, гурьбой, смѣясь и крича, убѣгаютъ и чрезъ нѣсколько минутъ рѣзкіе голоса ихъ раздаются уже подъ окнами другаго дома. Если же хоръ будетъ состоять изъ людей пожилыхъ, хозяинъ проситъ ихъ *до господы* (въ избу), приглашаетъ садиться и угощаетъ ихъ водкой, колбасой, блинами, а иногда и холоднымъ изъ свиной головы и ногъ. Въ прекрасный зимній вечеръ, по всему селу, чуть не до по-

(1) Въ одной, напр., колядкѣ поется: Я колядкую,—
Ковбасу чую и проч. Есть цѣлыя пѣсни, оканчивающіяся припѣвомъ: Коляда.

лучочи, раздаются то близкіе, то едва долетающіе до васъ звуки этихъ пѣсень. Онѣ сообщаютъ своего рода жизнь и движеніе тихому захолустью и нѣкоторую торжественность и усладу самому празднику; онѣ пріятно поражаютъ вниманіе непривычнаго къ нимъ гостя, а для тузенцевъ составляютъ такую эпоху веселья и счастья, которыми они предназлаждаются нѣсколько недѣль и сладко потомъ вспоминаютъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ городахъ, мѣстечкахъ и даже селахъ побогаче и многолюднѣе не всегда довольствуются въ рождественскія святки этими вокальными наслажденіями. Тамъ вкусъ уже визыскавнѣе, идея праздничныхъ удовольствій разнообразнѣй и прихотливѣе, тамъ ищутъ въ святочномъ развлеченіи чего то болѣе сценическаго, эффектнаго. Этому желанію удовлетворяетъ такъ называемый *вертепъ*. Это—что то въ родѣ небольшаго подвижнаго балагана кукольныхъ комедій, или большой ящикъ, который несутъ, въ сопровожденіи хозяина, два человѣка. Какъ только входъ вертепу дозволенъ, компаньонъ хозяина вертепа, или самъ хозяинъ начинаетъ играть на самодѣлковой скрипкѣ пьесу, приспособленную къ представленію. Свѣтъ въ вертепъ падаетъ на сцену сверху. На днѣ вертепа, покрытомъ мѣхомъ кошки или зайца, подѣланы сквозныя дорожки, для появленія на сценѣ и приведенія въ движеніе дѣйствующихъ куколъ, посредствомъ придѣланныхъ къ ногамъ ихъ или туловищу проволокъ. Вотъ отворились дверцы вертепа. Вотъ головки дѣтей прильнули къ его отверстію; вотъ онѣ въ ужасѣ отпрянули назадъ; по сценѣ, шипя и изгибаясь, промчался страшный змѣй. Вотъ, послѣ минутнаго антракта, выбѣгаетъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ еврейская чета и начинаетъ кружиться и ломаться въ пляскѣ, подъ звуки и либретто, приспособленные ко вкусу, или точнѣе—безвкусію хозяина вертепа и публики; послѣдняя въ неописанномъ восторгѣ, выражаемомъ дружнымъ хохотомъ. Новый антрактъ—и новое явленіе. На какомъ—то четвероногомъ животномъ ѣдетъ женщина съ младенцемъ на рукахъ, позади идетъ старый человѣкъ. Вѣроятно, это олицетворено бѣгство въ Египетъ Божіей Матери съ младенцемъ Іисусомъ и обручникомъ Іосифомъ, отъ жестокости Ирода. А вотъ и самъ дѣтоубійца—Иродъ. Едва только святая группа сокрылась изъ виду, какъ на картонномъ престолѣ возсѣло какое—то чучело, и—ну важничать, стучать ногами, размахивать руками. Это Иродъ. Начинается избіеніе младенцевъ, напрасныя мольбы и

плачъ Рахили. Сцена покрыта грудами окровавленныхъ малютокъ Но не долго извергъ злоупотреблялъ своею властью: на сцену выбѣжала смерть съ косою. Тиранъ затрясся, умоляетъ о пощадѣ. Но тутъ—то было! Не даромъ артистъ прошипѣлъ: *„отъ смерци не уцекци“* (отъ смерти неуйдешь),—махнула коса, и голова Ирода покатилась на полъ. Откуда—ни возмись пара бѣсовъ, съ хвостами, рогами, когтями,—какъ слѣдуетъ быть истымъ бѣсамъ,—и потащили одинъ голову, другой туловище Ирода крючьями во адъ. Публика притаила дыханіе отъ ужаса. Чтобы разсѣять тяжелое впечатлѣніе зрителей, изобрѣтательный артистъ потѣшаетъ ихъ чѣмъ нибудь игривымъ, иногда даже вульгарнымъ и дверца въ вертепъ захлопывается. Впрочемъ, репертуаръ вертепный, чаще всего вращаясь около указанныхъ мною сюжетовъ, разнообразится, смотря по вкусу и познаніямъ дирекціи. На сценѣ его являются и танцующіе крестьяне, и тщеславный евангельскій богачъ, котораго постигаетъ участь Ирода, и танцующій медвѣдь, съ неизмѣннымъ своимъ дядькою цыганомъ и проч.

Съ хозяиномъ вертепа нельзя уже такъ дешево разсчитаться, какъ съ уличными пѣвцами: онъ брезгаетъ гривенникомъ и мѣтитъ на четвертакъ и даже полтинникъ. Онъ столько израсходовалъ разнаго уличнаго тряпья на костюмировку куколъ, таланта и познаній на постановку піесъ, столько потратилъ досуга на издѣліе ящика, на репетиціи, онъ долженъ еще подѣлиться выручкой съ своими сотрудниками.

Кромѣ вертепа, часто еще по улицамъ полѣсскимъ ходитъ и звѣзда. Къ длинному (около 6 аршинъ) шесту прикрѣпляется огромная подвижная звѣзда изъ промасленной бумаги. Посрединѣ ея нарисовано солнце, въ видѣ человѣческой физіономіи, на каждомъ изъ угловъ звѣзды изображена головка ангела, окаймленная двумя или болѣе крылышками. Посредствомъ блока и бичевки, звѣзда приводится въ движеніе около своей оси, такъ впрочемъ, чтобы горящая внутри ея свѣча оставалась неподвижною. Такая звѣзда есть символъ звѣзды, путеводившей восточныхъ волхвовъ къ вертепу предвѣчнаго Младенца виѳлеемскаго. На это ея символическое значеніе наводитъ и тотъ гимнъ, пѣніе котораго почти постоянно сопровождаетъ движенія звѣзды.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого гимна:

Видитъ Богъ, видитъ Творецъ, же (потому что) міръ погибаетъ.
Архангела Гавріила въ Назаретъ посылаетъ.

Благавѣствуй Назарете,
Слава стала во вертенѣ.
Отъ Персиды шедше тріе цари,
Принесоша Христу дары.
. . . .
. . . .
Звѣзда ясна возсіяла,
Тремъ царемъ путь показала и проч.

По содержанію и довольно-чистому славянскому языку, видно, что гимнъ этотъ обязанъ бытіемъ своимъ какому нибудь толковому дьячку, а можетъ быть даже и піитѣ старой кіевской академіи. И теперь чаще всего звѣзда выходитъ со двора причетническаго, считается какъ бы церковнымъ предметомъ и по большей части является подъ окнами жителей того прихода, къ которому принадлежитъ хозяинъ звѣзды. Встрѣча звѣзды со звѣздой въ чужомъ приходѣ невсегда проходитъ благополучно, какъ для звѣзды, такъ и для ея вожатыхъ: первая иногда выходитъ изъ этого столкновенія безъ одного—двухъ угловъ, а послѣдніе съ ушибами. Особенно это возможно, когда звѣзду устрояютъ братчики извѣстной церкви, угощаемые отъ болѣе зажиточныхъ хозяевъ, путешествующіе въ значительной массѣ, а иногда и въ веселомъ расположеніи духа. Когда звѣзда устрояется братствомъ, выручка отъ хожденія со звѣздой цѣликомъ поступаетъ въ *скриню* (сундукъ) братскую.

Кромѣ вокальныхъ и сценическихъ наслажденій, на Полѣсьи забавляются во время святокъ и чѣмъ-то похожимъ на маскарадныя представленія. Впрочемъ, эта маскировка не простираетъ своей интриги и затѣи далѣе бѣднаго сходства съ нѣкоторыми животными. Козелъ, медвѣдь, изрѣдка журавль,—вотъ исключительные счастливцы, на подражаніи которымъ истощается маскарадное искусство полѣшука. И эти бѣдныя роли выполняются весьма незатѣйливо: вывернутый на изнанку тулубъ,—вотъ и весь маскарадный костюмъ для копировки всякаго животнаго; нехитрый речитативъ, къ которому приспособлены прыжки и кувырканье животнаго,—вотъ и все исполненіе. Сюжетъ речитатива,—особенно въ козлиномъ, самомъ популярномъ маскарадномъ представленіи,—приспособленъ къ земледѣлію и, такъ какъ онъ не имѣетъ прямаго отношенія къ празднику Рождества Христова, то чаще забавляетъ публику на новый годъ или точнѣе—наканунѣ его, въ такъ называемую *богатую кутью* или *щодрый вечоръ*.

Нѣкоторые относятся слишкомъ ригористически ко всѣмъ этимъ святочнымъ забавамъ бѣлорусскаго простолюдья, но, по моему мнѣнію, ригоризмъ этотъ достоинъ лучшей участи. Правда, въ этихъ забавахъ проглядываетъ кое-что не совсѣмъ православное, даже не христіянское: вертепъ, а можетъ быть и звѣзда (1) сочинены латинянами, любящими религіозную аффектацію; *колядованье*, во время котораго слышится въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ часто повторяемое слово *коляда*, конечно, есть глухое эхо *календъ январскихъ* (2), не заглушенное ни пространствомъ, ни временемъ; но такой иниціятивы народъ рѣшительно и не подозрѣваетъ, а наводить его на историческій смыслъ и происхожденіе этихъ забавъ, по меньшей мѣрѣ было бы не благоразумно, а сокращать и безъ того рѣдкія радости убитаго доселѣ горемъ бѣлорусскаго простолюдья — было бы по меньшей мѣрѣ безжалостно. Пусть ихъ лучше поютъ подъ окномъ пѣсни, ходятъ съ вертепомъ, особенно со звѣздой, копируютъ журавля, чѣмъ затѣваютъ разныя оргіи возлѣ распивочныхъ заведеній, въ которыхъ многіе любители трехпробнаго подготовляются, въ буквальномъ смыслѣ, „*на выносъ.*“ Желалось бы только, чтобы въ вертепѣ было меньше смѣси библейскаго съ вульгарнымъ, да въ колядованьи больше религіознаго элемента. Ходящимъ со звѣздой можно только посовѣтовать, чтобъ они не заходили въ дома для угощенія, а угостились бы лучше у кого-либо изъ участвующихъ въ хожденіи со звѣздой лицъ, по окончаніи его.

Не только увеселенія, но и нѣкоторыя яства считаются на Полѣсьи принадлежностью извѣстныхъ праздниковъ. Колбаса въ рождественскія святки, поросенокъ на свѣтлый праздникъ, сорокъ печеныхъ лепешекъ или жаворонковъ въ день сорока мучениковъ, кутья въ сочельники Рождества Христова, новаго года и Крещенія Господня, составляютъ неизбѣжныя и какъ бы священныя блюда полѣскаго простолюдья.

---

(1) Въ Литвѣ и на Жмуди звѣзда не имѣетъ подобія звѣзды, а похожа болѣе на фонарь, въ которомъ, сквозь стекло, виднѣется изображеніе трехъ волхвовъ, покланяющихся и приносящихъ свои дары Младенцу виѳлеемскому. Оттого тамъ и ходятъ со звѣздой на «*тшехъ крули*», въ праздникъ, то есть, Крещенія Господня, а съ вертепомъ—въ праздникъ Рождества Христова.

(2) Истор. Карамз. Т. 1, стр. 104. С. П. Б. изд. 1830 г.

Я не берусь объяснять причины пріурочиванья этихъ кушаньевъ къ названнымъ выше днямъ. Быть-можетъ, однѣ изъ нихъ объясняются просто складомъ и принятыми простолюдьемъ хозяйственными отправленіями, другія имѣютъ историческое значеніе; но я увольняю и себя, и читателей моихъ какъ отъ произвольнаго толкованія первыхъ, такъ и отъ слишкомъ громоздкаго для моихъ *очерковъ* и слишкомъ шаткаго для исторической правды изслѣдованія послѣднихъ. Для одной только кутьи я обязанъ сдѣлать исключеніе, по исключительности ея значенія и употребленія.

Кутья есть самое, такъ сказать, священное для полѣшука и необходимое, въ извѣстные дни и случаи, кушанье. Она составляетъ для полѣшука предметъ религіознаго почтенія. Наканунѣ Рождества Христова, кутью ставятъ на сѣнѣ, покрытомъ чистымъ полотенцемъ, въ куту (отъ чего, вѣроятно, и получила она свое названіе), подъ образами, по большей части съ горящею, прилѣпленною къ горшку съ кутьей, восковою свѣчею. Хозяинъ самъ набираетъ, съ особенною важностью и даже благоговѣніемъ, кутью въ миску, приправляетъ ее сытой и предлагаетъ домочадцамъ, съ пожеланіемъ имъ здоровымъ и счастливымъ дождаться слѣдующей кутьи, а умершимъ сродникамъ царствія небеснаго. Столъ также покрытъ сѣномъ, въ воспоминаніе Рожденнаго въ ясляхъ, а поверхъ его—чистою скатертью, изъ-подъ которой женщины и дѣвушки, съ закрытыми глазами, выдергиваютъ стебельки сѣна, вѣря отъ полноты души, что длина ихъ будетъ равняться длинѣ льна, который выростетъ для нихъ лѣтомъ. Съ такимъ же благоговѣніемъ кушаютъ кутью и наканунѣ новаго года и Крещенія Господня. Отъ употребленія—во всѣ эти сочельники кутьи и сами они получили ея названіе,—съ тою лишь разницей, что кутья передъ новымъ годомъ называется богатою, предъ Крещеніемъ—голодною, а предъ Рождествомъ Христовымъ—просто кутьею. Первая отъ того называется богатою, что во время ея приготовляется скоромный, возможно-богатый и разнообразный, ужинъ, и самую кутью ѣдятъ съ молокомъ или свинымъ саломъ. Другая потому получила названіе голодной, что на канунѣ Богоявленія церковь установила строгій постъ, который въ иныхъ (немногихъ, впрочемъ) мѣстахъ Полѣсья такъ строго соблюдается, что, кромѣ кутьи съ сытой, да какого-нибудь печенья, или компота изъ сушеныхъ плодовъ и ягодъ, ничего не подаютъ на столъ. Послѣ голодной кутьи, сѣно, лежавшее на столѣ въ теченіи двухъ

недѣль, снимаютъ со стола и относятъ на пищу коровамъ, дума тѣмъ приспорить и улучшить ихъ молоко, а отчасти и защитит ихъ отъ порчи вѣдьмой.

Безъ кутьи не бываетъ на Полѣсьи ни похоронъ, ни помин нокъ. Вотъ почему, кушая ее и въ другіе дни, вспоминают умершихъ сродниковъ и желаютъ имъ царствія небеснаго, как это всегда дѣлаютъ, крестясь и кушая кутью (коливо), при похоронахъ и поминкахъ. Но такъ какъ въ числѣ близкихъ к намъ покойниковъ чаще всего бываютъ наши дѣды, то и кутья,— особенно предъ Рождествомъ Христовымъ,—вездѣ почти на Полѣсьи называется *дзѣдами* (дѣдами). Ихъ-то особенно и приглашаютъ на кутью, — они кричатъ сквозь окно: *„дзѣды, дзѣды! хадзице куцью ѣсци„* (дѣды, дѣды! пожалуйте кушать кутью) и сердечно убѣждены, что кутья, поставленная на печи, или на подоконникѣ, съѣдена ими, а не кѣмъ-либо другимъ. Убѣжденіе это, быть можетъ, заимствовано когда-то изъ напускной идеи о чистилищѣ, своеобразно приспособленной полѣскимъ простолюдьемъ къ своимъ понятіямъ (1). Полѣшукъ думаетъ, что странствующіе по свѣту души его предковъ особенно теперь витаютъ среди нихъ, когда все потомство ихъ собралось, по случаю торжества, возлѣ одного стола, за роскошнымъ ужиномъ. Полѣшукъ полагаетъ, что предки его крѣпко голодаютъ во время своей кочевой жизни, и съ полнымъ увлеченіемъ своего воображенія и славянскаго гостепріимства, запросто приглашаетъ ихъ отвѣдать хоть заупокойной пищи — кутьи, которую они когда-то кушали за этимъ столомъ, на мѣстахъ, занятыхъ уже другими. Легенда эта довольно раскрыта въ извѣстной поэмѣ А. Мицкевича: «Дзяды».

Кромѣ дѣдовъ, полѣшуки еще приглашаютъ на кутью и морозъ. Они дѣлаютъ къ нему такое же воззваніе, какъ и къ дѣдамъ. Тѣ, у кого есть огнестрѣльное оружіе, стрѣляютъ въ это время сквозь окно холостымъ зарядомъ. Послѣдній обычай простолюдинъ объясняетъ подражаніемъ треску льда и земли отъ

---

(1) Впрочемъ, это можетъ быть и остатокъ самаго древняго миѳа славянскаго о «Родѣ и Рожаницѣ» (души умершихъ родоначальниковъ, заботящихся о благѣ извѣстнаго рода), въ жертву которымъ приносилась каша (Сборн. Румянц. музея, стр. 374). Изъ этого миѳа, въ теченіи вѣковъ измѣнявшагося, разнообразившагося отъ различныхъ коментаріевъ и своеобразныхъ примѣненій къ личному пониманію его тѣмъ, либо другимъ племенемъ славянъ,

мороза или желаніемъ, чтобъ и онъ трещалъ такъ же сильно, какъ выстрѣлъ изъ ружья; но точнаго объясненія этого обычая чуть ли не нужно искать гораздо дальше и глубже. Едва ли онъ не есть остатокъ одного изъ пріемовъ карнавала январскихъ календъ, во время котораго язычники любили стращать другъ друга нечаянными и сильными звуками, производившимися разнаго устройства хлопушками. Какъ бы то ни было, только обычай стрѣлять въ навечеріе Рождества Христова перешелъ изъ Полѣсья и къ сосѣдямъ, такъ что даже въ самомъ Кіевѣ, особенно Плоской и отчасти Подольской его части, какъ населенныхъ стариннымъ мѣщанствомъ и гражданствомъ кіевскимъ, идетъ въ это время непрерывная канонада, довольно напугавшая въ 1863 году незнакомыхъ съ ея причиной великороссовъ.

Нельзя пройдти здѣсь молчаніемъ и тѣхъ увеселеній, которымъ предаются на Полѣсьи въ день великомученика Георгія, ночью предъ рождествомъ Іоанна Предтечи и на Ѳоминой недѣли.

Въ день великомученика Георгія, многіе изъ простолюдья,— а въ городахъ и люди средняго класса, — съ семьями, иногда и гостями, выходятъ въ поле съ разными питьями и закусками, располагаются на межѣ своей (иногда и чужой) нивы и пируютъ до поздней ночи. Обычай этотъ называется *„выходомъ на росу"*. Онъ болѣе распространенъ въ мѣстностяхъ, граничащихъ съ Литвою.

Праздникъ на канунѣ рожденія Іоанна Предтечи называется въ Полѣсьи Иваномъ Купалою. Ночью, съ 23 на 24-ое іюня, дѣвушки и парни, запасшись водкой и закусками, собираются въ условленномъ заранѣе мѣстѣ сосѣдняго лѣса и, поставивъ шестъ, убѣшанный вѣнками изъ цвѣтовъ, пляшутъ вокругъ шеста и разложеннаго костра, подъ звуки малопонятныхъ старинныхъ пѣсенъ и, съ увлеченіемъ молодости, ускользнувшей изъ подъ контроля родителей, предаются разнымъ забавамъ, не совсѣмъ безопаснымъ для нравственности при подобной обстановкѣ и обстоятельствахъ.

сложились всѣ почти суевѣрія ихъ о домовыхъ, русалкахъ, лѣшихъ, водяныхъ и всякомъ другомъ *«навьѣ»* (души умершихъ), со всѣми повѣрьями, легендами, обрядами, празднествами и проч. Во всѣхъ этихъ частностяхъ, изыскателю славянской старины не трудно подмѣтить единство общей идеи, солидарность иниціативы идущей отъ одного вышесказаннаго миѳа.

Въ этой оргіи все, начиная отъ названія до исполненія, — языческое. Известно, что Купало былъ у славянъ богъ плодородія, котораго особенно чествовали наши предки-язычники, и что оргія въ честь его совершалась въ туже ночь и въ томъ же почти видѣ, какъ и теперь, съ примѣсью только публичнаго непотребства (1). И ликованье въ день великомученика Георгія не вполнѣ безукоризненно,—и оно совпадаетъ съ временемъ и характеромъ одного языческаго праздника. Впрочемъ, пиршества въ полѣ могутъ быть нѣсколько извиняемы радостью земледѣльца, послучаю хорошаго всхода посѣвовъ, желаніемъ подышать свѣжимъ воздухомъ и повеселиться въ полѣ съ родными и знакомыми. Но оргія въ честь Купалы есть праздникъ прямо языческій. И часто повторяемое въ пѣсняхъ и разговорахъ его названіе, и неистовый, уединенный, странный характеръ оргіи, не объясняемый обстоятельствами ни религіозными, ни житейскими,—все тутъ носитъ на себѣ печать идолослуженія. Благо еще, что ликующая на Купалу молодежь не сознаетъ своего преступленія, не понимаетъ значенія и происхожденія оргіи; но и помимо этого, значительно ослабляющаго вину молодежи, обстоятельства, въ праздникѣ Купалы есть много такого, что должно обратить на себя серьозное вниманіе тѣхъ сельскихъ пастырей, въ приходахъ которыхъ совершается этотъ нечестивый, оскорбляющій память „большаго въ рожденныхъ женами,“ великаго подвижника и пророка, праздникъ.

Въ первые дни Ѳоминой недѣли простолюдье полѣское также предается неумѣстному, и даже и нетрезвому, ликованью на кладбищахъ. Характеръ этихъ пиршествъ нѣсколько отличенъ отъ подобныхъ же пирушекъ Малороссіи. Въ послѣдней, покрайней мѣрѣ, предлогъ ликованья—религіозный,—поминовеніе умершихъ. По просьбѣ родныхъ, на могилѣ умершаго сперва совершается, послѣ общей панникиды въ церкви, заупокойная литія приходскимъ или кладбищенскимъ священникомъ, потомъ уже начинается пиршество. На Полѣсьи же это выходитъ чѣмъ-то въ родѣ тризнъ языческихъ, а въ смѣшеніи съ идеями христіанскими, какимъ-то страннымъ способомъ *христосованья* съ умершими. Сказавъ имъ: Христосъ воскресе, живые,—чаще всего безъ молитвы священника,—располагаются на могилахъ умершихъ сродниковъ и начинаютъ пить и закусывать. Уходя съ кладбища, кладутъ на могилы покой-

(1) Истор. Карамз. Т 1, стран. 134,105.

никовъ красныя яица и другія яства и сердечно убѣждены, что мертвые выйдутъ изъ могилъ и начнутъ разговляться оставленными для нихъ яствами (1). Полѣшуки называютъ Ѳомину недѣлю: „*навскій великъ дзень*“ (праздникъ Воскресенія Христова у мертвыхъ) (2). Отправляясь на кладбище, нѣкоторые изъ нихъ и говорятъ: пойдемъ христосоваться съ покойниками. Послѣдствія такого христосованья часто бываютъ таковы, что живые не многимъ отличаются отъ мертвыхъ. Запрещать подобныя пиршества есть прямая обязанность церковныхъ пастырей. Въ этихъ пиршествахъ много не христіанскаго, кощунственнаго. Выборъ для нихъ мѣста и времени возмущаетъ душу (3).

Къ той же категоріи излишествъ относится нѣкоторымъ образомъ и роскошь полѣскаго ужина въ великій четвертокъ. Ужинъ этотъ бываетъ предъ заутреней, во время которой воспоминаются страданія Спасителя, отчего и самая утреня начинается нѣсколько позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. На подобный ужинъ, равно какъ и на ужинъ предъ Рождествомъ Христовымъ,—полѣскіе хозяева истощаютъ всѣ свои средства, хозяйки—все свое поваренное искусство. Къ этой, довольно неумѣстной, прихоти подала невинный поводъ послѣдняя *вечеря* небеснаго Учителя съ учениками. По тому и ужинъ этотъ на Полѣсьи называется также *тайною ве-*

---

(1) Вѣроятно, это тоже остатокъ весенняго языческаго праздника славянъ, извѣстнаго подъ именемъ «*Радуницы*» (Истор. Кар. Т. VI), примѣч. 23). Названіе этого праздника и теперь слышится въ Литвѣ и Бѣлоруси.

(2) Не есть ли это остатокъ языческаго праздника «на могилахъ удавленниковъ»,—совершенно похожаго на «навскій великдзень» полѣшуковъ? (Бытъ русск. Нар. Терещен: л. VI, стр. 134).

(3) То, что нѣкоторыя повѣрья, суевѣрія, обряды, и обычаи, усвоенныя здѣсь бѣлорусскому полѣшуку, встрѣчаются и въ другихъ племенахъ славянскихъ, въ другихъ мѣстахъ Россіи, ни чуть не доказываетъ ихъ неумѣстности въ настоящихъ «Очеркахъ», а только лишь подтверждаетъ общность этихъ повѣрій, суевѣрій и проч. у всѣхъ или у нѣкоторыхъ славянскихъ народовъ. Я тогда только былъ бы не правъ, еслибы то, что найдено и подмѣчено мною на Полѣсьи, не могло быть тамъ отыскано. Да почему не предположить и того, что размноженіе народонаселенія въ лѣсахъ бѣлорусскихъ, совершавшееся болѣе безпрепятственно, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ и заставлявшее жителей Полѣсья искать въ сосѣдствѣ мѣстъ болѣе хлѣбородныхъ, не занесло вмѣстѣ съ ними въ эти мѣста и ихъ повѣрій, суевѣрій, легендъ, обрядовъ и проч?

черею, хотя къ ней ни въ какомъ случаѣ не идетъ этотъ эпитетъ. Роскоши подобнаго ужина не мало способствуетъ и то обстоятельство, что на Полѣсьи (какъ уже было мною замѣчено) многіе, послѣ этого ужина, ничего не ѣдятъ до самыхъ розговинъ и думаютъ во время его, такъ сказать, запастись пищею почти на три дня.

Я здѣсь прохожу молчаніемъ разные обряды, суевѣрія и проч., какія можно подмѣтить между полѣскимъ простолюдьемъ при совершеніи погребенія,—свадьбы и при нѣкоторыхъ другихъ явленіяхъ народной жизни. Я вполнѣ сознаю важность этого пробѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ извиняю себя въ допущеніи его тѣмъ, что эти обряды, суевѣрія и проч., слишкомъ многочислены для того, чтобы свободно умѣститься въ настоящихъ, и безъ того довольно громоздкихъ для настоящаго мѣста „Очеркахъ"; что большинство этихъ обрядовъ и суевѣрій можно наблюдать и въ другихъ, особенно сосѣднихъ съ бѣлорусскимъ Полѣсьемъ, племенахъ русскаго народа и, что, наконецъ, любопытный можетъ изучить этотъ предметъ въ тѣхъ монографіяхъ, сборникахъ, изысканіяхъ, которыя спеціально ими занимались. Особенно разработанъ въ послѣднее время отдѣлъ народныхъ славянорусскихъ обрядовъ и пѣсень свадебныхъ. Изъ нихъ многія чрезвычайно характерны и оригинальны. Характернѣе, по моему мнѣнію, тѣ, которыя поются на Полѣсьи дѣвушками и женщинами, когда мѣсятъ, сажаютъ въ печку, вынимаютъ изъ нея, рѣжутъ на куски и разносятъ гостямъ свадебный *коровай* (куличъ), пользующійся, можно сказать, религіознымъ уваженіемъ полѣскаго простолюдья и служащій поводомъ къ обзаведенію новобрачныхъ довольно иногда значительнымъ хозяйствомъ и достаткомъ. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что *дружки* (почти тоже что шаферы) обносятъ ломти коровая собравшимся на свадьбу роднымъ и гостямъ и получаютъ для новобрачныхъ отъ каждаго изъ нихъ какую нибудь монету, или обязательство (конечно, словесное, но никогда не нарушаемое) подарить *князю* или *княгинѣ* (молодымъ) корову, вола, лошадь, или какое нибудь, менѣе цѣнное животное. Такой подарокъ называется „*перепоемъ*" вола, коня и проч., такъ какъ вмѣстѣ съ короваемъ *дружко* подноситъ гостю и рюмку водки, или *варенухи*, то есть свареной съ медомъ и разными пряностями *горѣлки*. Лишь только гость назоветъ даримое животное и выпьетъ рюмку водки, забавникъ—дружко нерѣдко подражаетъ голосомъ или

ухватками названному животному. Когда я жилъ на Полѣсьи, этотъ обычай, со всѣми его варіантами, наблюдался даже между тѣмъ сельскимъ духовенствомъ, которое недалеко ушло отъ пріемовъ народной жизни и не успѣло еще познакомиться съ нановымъ прогрессомъ.

Особенное уваженіе, какимъ пользуется свадебный коровай на Полѣсьи, видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго отрывка одной, сохранившейся въ моей памяти и, кажется, нигдѣ еще не помѣщенной, коровайно-свадебной пѣсни:

«Самъ Буогъ коровай мѣсиць,
Причистая свѣцяць,
Анголи воду носяць,
Да насъ на весѣлье (сва тьбу) просяць».

Послѣ всякаго куплета, вся, собравшаяся въ домѣ невѣсты, публика громко кричитъ: гу!

Я думаю, мои читатели будутъ настолько снисходительны, что не сдѣлаютъ мнѣ упрека за небольшое нарушеніе моего умолчанія или пробѣла, допущенное въ пользу полѣскаго коровая.

Почти такъ—же характерны пѣсни, которыя поются, когда молодые отправляются спать въ *клѣць* и когда дружко ходитъ вокругъ нея и хлещетъ по стѣнѣ клети кнутомъ. Жаль только, что въ этихъ пѣсняхъ попадается довольно неуклюжихъ остротъ и недвусмысленныхъ намековъ, сравненій и каламбуровъ.

Изъ этого очерка психической стороны полѣскаго простолюдья видна въ немъ странная смѣсь убѣжденій, вѣрованій и обычаевъ здравыхъ, чистыхъ, благодѣтельныхъ съ повѣрьями, обрядами и обычаями, питающими суевѣріе и обличающими самое узкое и невѣжественное міросозерцаніе. Душа бѣлорусскаго полѣшука—это руда, въ которой золото смѣшано съ грязью и разными другими ничтожными веществами, но изъ которой можно добыть много драгоцѣннаго металла, если только взяться за дѣло съ умѣньемъ и усердіемъ. Одинъ и тотъ же безотчетный консерватизмъ сберегъ и закрѣпилъ въ душѣ полѣшука рядомъ съ прекрасными нравственно-религіозными началами завѣщанныя предками нелѣпости и бредни, дающія ложное направленіе дѣятельности духа, отравляющія спокойствіе душевное, заставляющія невѣжду поминутно дрожать и озираться съ ужасомъ вокругъ себя, изъ боязни нападенія со стороны созданнаго воображеніемъ страшилища. Такой консерватизмъ естественно повелъ къ дуализму,—

къ раздвоенію мыслей, желаній и дѣйствій между истиной и фальшью, началомъ добрымъ и злымъ. Самая популярная пословица полѣская: „Бога люби и чорта не гнѣви“—какъ нельзя лучше выражаетъ характеръ этого дуализма, складъ міросозерцанія и отношенія къ міру духовъ полѣскаго простолюдья: полѣшукъ, точно, любитъ Бога крѣпко, но почти столко же боится чорта и людей, будто-бы дѣйствующихъ подъ его командой, надѣленныхъ его могуществомъ. Едва ли есть на Полѣсьи повѣрье, суевѣріе, обрядъ, къ которымъ, такъ или иначе, въ теоріи или на практикѣ, не была-бы припутана нечистая сила, требующая огражденія, умилостивленія, разныхъ предосторожностей и жертвоприношеній. Эта сила и портитъ, и пугаетъ, и даетъ богатство, и стережетъ клады, и причиняетъ болѣзнь, увѣчье, смерть, и человѣку, и скотинѣ и проч. Отъ всѣхъ этихъ бѣдъ и страховъ нужно защититься разными волшебными и неволшебными секретами и обрядами.

Полѣшукъ имѣетъ такое одностроннее и своеобразное понятіе о благости Божіей, что въ головѣ его никакъ не можетъ умѣститься идея зла физическаго рядомъ съ промышленіемъ Божіимъ о мірѣ, что это зло, по его мнѣнію, должно имѣть свою особую, личную, дѣйствующую, враждебную человѣку, причину, въ дѣла которой Богъ не мѣшается. Тѣ только немногіе изъ полѣшуковъ, въ которыхъ нравственно-религіозная истина начинаетъ вытѣснять бредни напуганнаго воображенія, и которые находятся въ болѣе частомъ и тѣсномъ общеніи съ церковью,—ищутъ у нея защиты отъ бѣдъ, будто-бы насылаемыхъ дьяволомъ, или его сотрудниками—знахарями.

На сельскихъ пастыряхъ, на сельской школѣ лежитъ священный и неотложный долгъ разсѣять тотъ туманъ нравственный, который заслоняетъ отъ нашего простолюдья вообще и полѣскаго въ особенности, красоту, поучительность, нормальный обликъ и значеніе предметовъ и явленія міра Божія и рисуетъ ихъ въ извращенномъ, фантастическомъ, чудовищномъ видѣ. Исполненіе этого важнаго долга даже не такъ трудно, какъ это представляется съ перваго взгляда. Стоитъ только внести свѣтъ въ темную комнату, и невидимые предметы сдѣлаются видимыми, а тѣ, которыхъ силуэты представлялись въ неопредѣленныхъ и фантастическихъ очеркахъ, примутъ нормальный обликъ и форму. Стоитъ только въ душу простолюдья внести свѣточъ истины, чтобы мракъ суевѣрныхъ бредней и страховъ разсѣялся, и темную дотолѣ душу

старило положительное знаніе. Современные намъ пастыри сельскіе вполнѣ владѣютъ нужными для этого *просвѣщенія* научными средствами и пріемами и пользуются, безграничнымъ, можно сказать, довѣріемъ прихожанъ, безъ котораго немыслима побѣда надъ упорствомъ укоренявшагося вѣками суевѣрія и невѣжества. Эти пастыри знаютъ, что вѣра пасомыхъ будетъ мутна, малоплодна, пока она не очистится отъ тѣхъ предметовъ вѣрованія, въ которые вѣрить грѣшно и стыдно. Они не будутъ, подобно вышедшимъ изъ школъ нигилизма учителямъ, подрывать вмѣстѣ съ суевѣріемъ и самую вѣру, и проведутъ между ними надлежащую черту, отдѣляющую ихъ другъ отъ друга. Они не станутъ подтрунивать надъ вѣрой въ бытіе злыхъ духовъ, но и не усвоятъ имъ той силы, власти и вліянія, какія усвояетъ невѣжественное и пугливое воображеніе простолюдья, и укажутъ для борьбы съ дьяволомъ на оружіе болѣе дѣйствительное, нежели то, какое предлагаетъ ему корыстолюбіе шарлатана-невѣжды знахаря. Эти пастыри не станутъ даже слишкомъ неосторожно посвящать своихъ учениковъ въ тайны славянской миѳологіи, а просто укажутъ и докажутъ преступный характеръ извѣстнаго обряда, нелѣпость извѣстнаго суевѣрія, неумѣстность, несвоевременность извѣстной оргіи. Къ чему, напр., пастырю знакомить учениковъ своихъ съ Купалою, праздникомъ удавленниковъ, и проч., когда и безъ этого опаснаго щегольства излишней эрудиціей можно доказать ученикамъ, что для христіанина тяжкій грѣхъ, а для Іоанна Предтечи и Крестителя Господня великое оскорбленіе—проводить ночь предъ рожденіемъ этого величайшаго подвижника христіанства въ пьянствѣ и плясках; что пьянство на могилахъ родныхъ печалитъ умершихъ, сквернитъ живыхъ и даже мѣсто, на которомъ оно производится. Нетрудно доказать, что человѣкъ можетъ заболѣть и умереть отъ разныхъ причинъ, помимо порчи знахаремъ, что излишнее употребленіе хмѣльнаго, и безъ очарованной или отравленной колдуномъ водки, можетъ само собою разстроить здоровье и даже причинить смерть;что коровье молоко можетъ испортиться безъ всякаго участія вѣдьмы, что слишкомъ нелѣпо думать, будто вѣдьма не можетъ пройдти мимо той свѣчи, которую можетъ грызть зубами, и проч. Само собою разумѣется, что народный учитель не станетъ озабочивать себя и другихъ изложеніемъ полнаго трактата о всѣхъ извѣстныхъ ему суевѣріяхъ и нелѣпостяхъ, а будетъ преслѣдовать только

тѣ, которыя существуютъ въ извѣстной околицѣ. Можно съ этой цѣлью, въ сельской школѣ, или у себя дома назначить, въ свободное отъ хозяйственныхъ занятій зимнее время, нѣсколько нарочитыхъ бесѣдъ, пригласивъ на нихъ и взрослыхъ людей, желающихъ душевнаго прозрѣнія. Эта сторона просвѣщенія составляетъ одну изъ главныхъ задачъ народнаго учителя.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ЯГАЙЛО.

Историческій романъ

Въ 4-хъ частяхъ (*).

«Миленькая Летува»
«Дорогая Свобода»,
«Ты скрылась въ пространствѣ небесъ»
«Гдѣ жъ тебя искать»?
.... «И т. д.».....

(Начало литовской историческо-миѳологической пѣсни, переводъ П. Кукольника).

ЧАСТЬ 1-я.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1348 году, въ Вильнѣ, въ одну темную сентябрскую ночь, когда надъ городомъ царили тишина могильная, изрѣдка нарушаемая окликами дозорныхъ, да завываніемъ зеленой дубровы, и мракъ непроходный,—по тропинкѣ, ведущей изъ *нижняго* княжескаго замка въ *верхній*, почти ощупью пробирались нѣсколько человѣческихъ тѣней и слышался слабый крикъ ребенка.....

— А—а—а—а!.... а—а—а—!.... Нишкни, не плачь, мой свѣтикъ ясный; не время плакать, голубчикъ бѣленькій, ландышъ

(*) При составленіи романа, я руководствовался Нарбутомъ, Карамзинымъ, Крашевскимъ, Соловьевымъ, Кояловичемъ, Стрыйковскимъ—и другими историками,—этнографическими сборниками русскими лѣтописями и т. д...... Быть справедливымъ и беспристрастнымъ—вотъ задача, съ которой я приступилъ къ роману

Авторъ.

душистый,—полушепотом уговаривал ребенка женскій голосъ.... Но дитя не унималось, а все громче и громче слышался его вопль. Вѣтеръ тянулъ съ Антокольскихъ горъ и по этому плачь ребенка относило къ воротамъ *нижняго* замка. Дозорный латникъ, ходившій надъ ними по зубчатой стѣнѣ, услыхавъ какіе то неопредѣленные звуки, остановился и началъ внимательно прислушиваться....

— Что это—сова кричитъ, или ягненокъ? подумалъ онъ.

Но въ это время, ясно и отчетливо до него долетѣли звуки плачущаго ребенка. Изумленный стражъ весь превратился въ слухъ.... Плачь слышался еще нѣсколько мгновеній, потомъ, перекликаясь эхомъ въ *священной рощѣ*, примыкающей къ *кривъему граду*, смолкъ, вмѣстѣ съ шумомъ листьевъ вѣковыхъ священныхъ дубовъ.

„Упокой господи невинную душеньку!“, проворчалъ латникъ и, перекрестясь, громко закричалъ:—„Гой—да!—гой—да!“—

— Гой—да!—отвѣтилъ ему ближній дозорный,—„гой—да!, отдалось далѣе,—„гой—да! гой—да!“ —слышалось со всѣхъ башень—„гой—да! раскатилось эхомъ по *священной* и Антокольской рощамъ и замерло гдѣ то далеко, далеко.... Дозорный латникъ, пробормотавъ какое то ругательство и оплевываясь, пошелъ къ ближнему своему товарищу, который первымъ откликнулся на его „гой—да!“ и который, послѣ отвѣта на окликъ, оперся на тяжелую палицу, прислонился къ зубцу стѣны и намѣревался немножко вздремнуть. Но это ему не удалось, потому что, заслыхавъ приближающіеся человѣческіе шаги, онъ выпрямился и, всматриваясь въ ночную мглу, по направленію идущаго, спросилъ:

— Кто ходитъ тутъ?

— Все я же..... латникъ Иванъ..... Неужто неразспознал?, спросилъ первый латникъ.

— Какъ тутъ распознать, когда зги не видно?!!—отвѣчалъ второй латникъ.

— Что, братъ, ты ничего сейчасъ не слыхалъ?, таинственно спросилъ первый латникъ.

— Ни чего.... А развѣ ты что слышалъ? отвѣчалъ второй, въ свою очередь спрашивая перваго.

— Не слыхалъ ребячьяго голоса или воя?

— Нѣтъ.

— А я слышалъ. . . . Видно, братъ, опять душеньку загубили окоянные..... Нехристи проклятые.....!

— Да что такое?

— Да вотъ—хожу я по стѣнѣ—то, только вдругъ отъ рѣки Виліи прямо ко мнѣ послышалось не то ржанье коня, не то крикъ совы, не то ягненка крикъ; я затаилъ духъ и слушаю: голосъ—то больно пронзительный,—вслушиваюсь, явственно разпознаю, что это плачь ребенка..... Ну, думаю, это должно быть опять какая нибудь вайделотка грѣхъ сотворила, да въ немъ каяться не хочетъ предъ своимъ поганскимъ попомъ—криве-кривейтомъ. . . . Такъ, должно полагать, ребенка въ воду бросила, Вилія-то быстра, живьемъ умчитъ въ Нѣманъ.... И концы значитъ въ воду!...

— Вѣстимо концы въ воду..... А ты думалъ, что они какъ у насъ христіанъ, во грѣхахъ каются? Нѣтъ, братъ, у нихъ хоть покайся передъ криве-кривейтомъ, а за такой грѣхъ не простятъ: въ запрошлое лѣто за такое дѣло вайделотку, вмѣстѣ съ ребенкомъ, положили въ мѣшокъ, да кинули въ него четыре змѣи, каменьевъ навалили въ мѣшокъ, наглухо завязали его, да и бросили въ Вилію.....Вотъ какъ у нихъ расправляются..... Поневолѣ будешь концы хоронить, заключилъ второй латникъ.

— Душегубцы проклятые! сказалъ первый латникъ. Между тѣмъ, человѣческія тѣни, идущія по тропинкѣ въ *верхній* замокъ достигли воротъ, которыя были уже заранѣе отворены, и дозорный стражъ, ходившій возлѣ нихъ, не окликая идущихъ, спокойно пропустилъ ихъ на площадку *верхняго* замка, сейчасъ же затворилъ ворота и заперъ ихъ на ключь.

Вся группа идущихъ направилась по площадкѣ прямо къ большой деревянной, на каменномъ фундаментѣ, башнѣ. Въ срединѣ этой башни, занимала небольшое мѣсто придворная православная церковь, на порогѣ которой идущіе остановились на нѣсколько игновеній, обратились назадъ, оплюнулись всякій по три раза и, прошептавъ какую то молитву, чинно вошли въ церковь.... Церковный привратникъ заперъ желѣзную дверь на замокъ.....

Обильный свѣтъ, отъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей и лампадъ не проникалъ на улицу, потому что окна были закрыты желѣзными ставнями и завѣшены плотными парчевыми занавѣсами..... Посрединѣ церкви, передъ налоемъ, на которомъ лежали евангеліе, крестъ и миро для помазанія, — стояла купѣль, наполненная водою.....

Вошедшие были бояре и боярыни,—всѣ русскіе.

Одна изъ боярынь держала ребенка, обернутаго въ нѣсколько штофныхъ одѣялъ. Одинъ изъ бояръ держалъ серебренный крестъ *складень*, повѣшенный на бархатную розовую ленту, на которой былъ вышитъ золотомъ весь символъ вѣры: „Вѣрую во Единаго Бога!"....

— Кумъ! откуда ты досталъ такую повязку? спросила боярыня, держащая ребенка, обращаясь къ боярину, имѣвшему крестъ и вышепомянутую ленту.

— Изъ Торжка привезъ, кума..... Княгиня Ульянея просила меня объ этомъ, отвѣтилъ онъ.

Въ это время изъ алтаря вышелъ въ полномъ церковномъ облаченіи отецъ архимандритъ Давидъ, духовникъ великой княгини Іуліаніи и, благословивъ крестнымъ знаменіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, произнесъ: „Благословенъ Богъ нашъ.... и т. д."

Нѣсколько причетниковъ и діаконъ пропѣли: „аминь" и обрядъ оглашенія и потомъ святаго таинства крещенія начался.....

Но обратимся, читатель, къ нашимъ двумъ знакомымъ латникамъ, которыхъ мы оставили на заборѣ толкующими о вайделюткахъ.

Долго они говорили о нихъ, наконецъ смолкли и оба погрузились въ мечтаніе.

— Завтра вѣдь большой праздникъ,—Воздвиженіе святаго креста; надо будетъ прямо съ дозору къ заутрени въ Пятницкую церковь идти,—сказалъ первый латникъ, послѣ долгаго молчанія.

— Извѣстно надо!.... Спать грѣхъ на такой праздникъ, выспаться и днемъ успѣемъ, заключилъ второй.

— А что, братъ, неужто новорожденнаго князя не будутъ крестить въ нашу вѣру, спросилъ первый латникъ.

— Невѣдаю.....Какъ—чай не крестить!? И отъ первой жены князя, княгини Марьи, царство ей небесное,—и отъ той крестили-то, говорилъ второй.

— Я слыхалъ, что самъ князь Ольгердъ не хочетъ, чтобъ крестили. Пусть, говоритъ, моимъ богамъ покланяется, продолжалъ первый.

— Не должно этого быть..... Потому и самъ князь Ольгердъ крещенъ въ нашу вѣру....

— Крещенъ?!...

— Крещенъ.... Только кривичамъ не хочетъ онъ въ этомъ

признаться, потому что криве-кривейто еще власть большую надъ литовцами имѣетъ.... Ты, чай, слыхалъ о трехъ литовцахъ, принявшихъ крещеніе, десять лѣтъ тому назадъ, какъ ихъ замучили,—а?....

— Слыхалъ еще на родинѣ, въ Витебскѣ.....

— Князь Ольгердъ и помиловалъ бы, да криве-кривейто народъ весь поднялъ противъ нихъ; ну—князь видитъ, что народъ литовской въ ярости находится и велѣлъ выдать, ихъ выдали.... Ну и лишили жизни.... пострадали за вѣру Христову, мученики святые!

— Царствіе имъ небесное, со вздохомъ проговорилъ первый и перекрестился.

— Богъ дастъ молитвами ихъ возсіяетъ святой православный крестъ нашъ по всей Литвѣ и Жмуди..... Теперь ужъ не то, что было прежде: княгиня Ульянея власть большую имѣетъ надъ княземъ; то и дѣло монастыри да церкви строитъ....

Въ это время, съ Антокольскихъ горъ, дунулъ сильный вѣтеръ; зашумѣла зеленая дуброва, запахло падающими осенними листьями, въ воздухѣ сдѣлалось душно, на горизонтѣ засверкали молніи, слышались глухіе раскаты грома. Небо сдѣлалось еще темнѣе......

— Гроза будетъ, громъ гремитъ, заключилъ второй.

— На этотъ праздникъ у насъ въ Витебскѣ почитай всегда гроза бываетъ, сказалъ первый, и оба замолчали.

Гудитъ и шумитъ священная роща, воетъ и стонетъ антокольскій черный боръ, молніи учащаются, раскаты грома дѣлаются все слышнѣе и слышнѣе.... Съ воемъ и свистомъ вѣтра началъ сливаться какой—то ..... необъяснимый, хватающій за душу, звукъ, какъ будто женщина изнемогала въ своихъ рыданіяхъ.....

Наши латники вздрогнули и перекрестились.

— Съ нами крестная сила! сказалъ первый.

— Наше мѣсто свято! проговорилъ второй.

— Что это такое?....

— А Господь вѣдаетъ!....

— Кто это въ грозу задумалъ лихимъ голосомъ выть?!, продолжалъ первый.

— Вѣстимо не человѣкъ.... робко и послѣ короткаго молчанія, заключилъ второй.

— А то кто же?

— Вѣстимо кто!.... Кто гнѣва Божьяго боится, тотъ и грѣха боится.

— Такъ кто же по твоему?, нерѣшительно спросилъ первый.

— Вѣстимо, кому страшно приходится, тотъ и воетъ....Развѣ не знаешь что на *Лысой* (1) горѣ, за Вилейкой, вѣдьмы водятся?.... Ну онѣ и воютъ..... Гнѣвъ Божій чувствуютъ,—тоже нерѣшительно отвѣчалъ второй.

А гроза между тѣмъ дѣлалась все страшнѣе и страшнѣе. Огненные змѣйки, въ разныхъ мѣстахъ, бороздили темный плафонъ неба; раскаты грома превратились въ оглушительный грохотъ. ....

— Господи помилуй насъ! прошенталъ первый латникъ, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

— Пойдемъ въ крытую бойницу. Того и гляди дождикъ будетъ, сказалъ второй латникъ.

— Пойдемъ, согласился первый.

И оба латника отправились въ крытую бойницу, на самой верхушкѣ башни.

— Чу, какъ Илья пророкъ со святымъ Юрьемъ по небу катаются!.... Мать сыра земля и то содрогается!.... А ужъ *проклятому*—то, да вѣдьмамъ петля приходится, говорилъ второй латникъ, усаживаясь въ бойницѣ на самопалѣ.

— Въ грозу грѣхъ про окоянныхъ говорить, продолжалъ первый, приваливаясь къ стѣнѣ.

— Добрые люди въ грозу спать ложатся, что бы меньше грѣшить, а мы съ тобой на дозорѣ стоимъ.

А тутъ, ужъ извѣстно, не согрѣша согрѣшишь, заключилъ второй.

Но едва только онъ кончилъ, какъ снова до нихъ долетѣли какіе то неопредѣленные и унылые звуки.

— Слышишь? опять!.... дрожащимъ голосомъ обратился первый къ второму.

— Слышу, отвѣчалъ второй.

— Это вотъ оттуда..... говорилъ первый, показывая рукой по направленію къ Лысой горѣ.

— Я тебѣ говорилъ, что это вѣдьмы воютъ, ну оно такъ и.....

Въ это мгновеніе въ нѣсколькихъ мѣстахъ сразу, блеснула

(1) Нынѣ трехъ-крестовая. (Авторъ).

молнія, половина неба вспыхнула чуднымъ огнемъ. Антокольскіе горы такъ ярко и чисто были на нѣсколько мгновеній освѣщены небеснымъ огнемъ, что наши латники, къ своему ужасу, ясно увидѣли бѣлую человѣческую фигуру на площадкѣ Лысой горы. Неопредѣленные звуки неслись дѣйствительно съ этой зловѣщей горы. . . .

— Видѣлъ *ее*?, спросилъ второй.

— Ви—и—дѣлъ, заикаясь съ испугу, прошепталъ первый.

„Да воскреснетъ Богъ!“ начали читать оба молитву и креститься; первый латникъ даже закрылъ глаза.

Чрезъ нѣсколько минутъ послѣ описаннаго страннаго явленія, латникамъ представилось новое зрѣлище, все на той же заколдованной горѣ. На самой вершинѣ горы, изрѣдка освѣщаемой молніей,—показались блуждающіе огоньки, которые бѣгали по разнымъ направленіямъ зигзагами; потомъ погасли и, нѣсколько минутъ спустя, явились снова, снова исчезли и наконецъ на томъ мѣстѣ запылалъ небольшой костёръ, довольно явственно освѣтившій стоявшую близъ него человѣческую фигуру.

Оба латника закрыли глаза, перекрестились и, продолжая читать молитву, отвернулись въ другую сторону.

Теперь я попрошу читателя послѣдовать за мной на эту волшебную гору (*Лысую*), о которой въ литовскомъ народѣ осталось множество чудесныхъ легендъ и преданій.

Для этого маневра необходимо вернутся назадъ. Въ то самое время,—когда нашъ первый знакомецъ—латникъ,—крикнулъ дозорный кличь—„гой—да!“—и получилъ его въ отвѣтъ отъ своихъ товарищей,—въ то самое время—повторяю—за Вилейкой, по довольно узкой и извилистой тропѣ, хватаясь за кусты растеній и стволы деревъ, утомленной поступью подымалась на верхъ Лысой горы женщина, на груди которой была привязана какая то ноша, укутанная бѣлымъ холстомъ. Ношу эту она придерживала лѣвой рукой. . . . Трудно—или точнѣе—невозможно было бы угадать, что такое несла женщина въ бѣломъ холстѣ, на своей груди, еслибы по временамъ она не обращалась къ своей ношѣ съ слѣдующими словами:

— Спи, моя милая дочь,—моя бѣлая лилія. . . . Скоро тебѣ придется летѣть далеко, далеко. . . . На Калнасъ, къ отцу нашему Пражжинасу, путь дальній, путь орлиный; высыпайся пока на рукахъ матери, на груди несчастной твоей родительницы. . . . Когда

же ты прилетишь туда, гдѣ царствуетъ вѣчно лѣто, гдѣ солнце не меркнетъ въ облакахъ, и гдѣ святой отецъ Прамжу сидитъ на янтарной скамьѣ, въ золотыхъ палатахъ и видитъ дѣла людскія,—тамъ вспомни злополучную мать свою и не проклинай ее.... Она любила тебя.... говорила голосомъ полнымъ отчаянія невѣдомая женщина, цѣлуя свою дорогую ношу.

Надѣюсь, что послѣ этихъ словъ читатель, безъ дальнихъ поясненій, уже составилъ себѣ опредѣленное понятіе о томъ, что такое была за ноша на груди у женщины, и потому буду продолжать начатое.

Грудное дитя, несмотря на обильные поцѣлуи и ласки своей матери, безмолствовало.... Оно спало сладкимъ сномъ праведника, ни сколько не думая, что ему угрожаетъ бѣда отъ той, которая дала ему жизнь,—что чрезъ нѣсколько минутъ оно будетъ горѣть на огненномъ кострѣ, въ честь громовержца литовскаго Перкуна.... Дитя не знало, что оно должно сожженіемъ своимъ очистить и искупить грѣхъ своей матери.... А еслибъ и знало, то протестъ его противъ такого насилія былъ бы слышенъ не болѣе, какъ на десять шаговъ.... Бѣдное дитя!!....

Взойдя на площадку Лысой горы, злополучная и безчеловѣчная мать, въ тихихъ сдержанныхъ рыданіяхъ, опустилась на сырой дерновый покровъ. И снова поцѣлуи, снова ласки, слезы, мольбы, желанія посыпались на несчястнаго ребенка.

Въ это-то самое время послышались первые раскаты грома и заблестѣла молнія. Но женщина не обращала вниманія ни начто, исключая своего ребенка, который отъ сильныхъ объятій проснулся и плачемъ заявилъ о своемъ существованіи. Плачь его, такъ же какъ гулъ грома, свистъ и шумъ вѣтра, не былъ услышанъ матерью, хотя она слышала его.... Для ней теперь было все равно—плакалъ ли ребенокъ, или улыбался. Она была поглощена мыслью, что скоро должна разстаться со своей милой дочерью и потому, въ послѣдній разъ, судорожно сжимая ее въ своихъ объятіяхъ,—цѣловала и миловала.... Она была увѣрена, что ни крикъ, ни слезы ребенка, ни грохотъ неба, ни свистъ и вой вихра, ни даже самъ обитатель подземнаго царства страшный старикъ Пеклосъ, не могутъ помѣщать ей принесть своего ребенка въ очистительную жертву богамъ своимъ.... Долго она миловала свою жертву, не взирая на ея раздирающій крикъ, но наконецъ

раскрыла свою грудь и приложила его къ ней.... Ребенокъ въ последній разъ началъ сосать молоко своей матери....

Онъ это какъ будто сознавалъ, какъ будто чувствовалъ, потому что, какъ только прикоснулся къ сосцамъ, сей часъ же умолкъ и съ жадностью началъ питатвся молокомъ, изъ груди виновницы его бытія.

— Голубушка ты моя, лилія ты бѣлая, дорогой мой камень *измора́гдъ*!!... Не гнѣвись на свою злосчастную мать за то, что тебѣ не придется слышать воркованья милаго голубка, не придется распуститься пышнымъ цвѣтикомъ на вѣточкѣ, завянешь ты по суровой зимѣ, не разцвѣвъ еще.... Не выпьешь ты чары съ небесныкъ напиткомъ богини Мильды (1), не узнаешь какъ жгучъ огонь ея.... причитала неизвѣстная женщина надъ своимъ груднымъ ребенкомъ, сопровождая каждую фразу громкими рыданіями,—которыя относились вѣтромъ на Замковую гору....

— Чѣмъ лучше тебя *тотъ*, *кого* теперь крестятъ въ русскую вѣру, въ княжеской христіанской молельнѣ?... Что онъ сынъ самаго литовскаго кунигаса Ольгерда, такъ вѣдь и ты....— Но тутъ она остановилась, вздрогнула и какъ будто испугалась своихъ словъ....

Дитя, между тѣмъ, насытилось и снова заснуло крѣпкимъ сномъ. Мать его, послѣ обильныхъ слезъ и рыданій, тоже успокоилась. Приближающаяся гроза заставила ее выйдти на нѣсколько минутъ изъ горькой иллюзіи....

— Пора, прошептала она, смотря на бурное небо и, осторожно положивъ своего ребенка на землю, ощупью начала собирать обгорѣлыя дрова, во множествѣ остающіеся на Лысой горѣ, послѣ всякой знатной литовской тризны. Дрова эти она складывала въ костеръ, на срединѣ площадки горы. Когда же костеръ принялъ довольно большіе размѣры, она остановилась и тяжко вздохнула. Потомъ, приблизившись къ своей сложенной ношѣ, вынула изъ-подъ изголовья ребенка кремень, огниво и смолистую головню (2). Чрезъ нѣсколько минуръ добыла она огня и зажгла головню. Переломивъ ее на двое и воспламенивъ другую часть ея, женщина запѣла языческую обрядовую пѣсню, ублажающую непорочность Прауримы и чистоту божественнаго огня *Знича*. Пѣніе это сопро-

(1) Литовская богиня любви. (Авт.).

(2) Головня—родъ факела. (Авт.).

вождалось бѣганьемъ вокругъ костра и своей жертвы, а также маханіемъ пылающею головней.....

Наконецъ, пѣніе это кончилось; злосчастная мать,—какъ она себя сама назвала,—измученная бѣготней, тихо опустилась на колѣна передъ костромъ и не болѣе какъ черезъ минуту зажгла его. Постоянно увеличивающійся свѣтъ отъ яркаго пламени жертвеннаго костра даетъ возможность подробно описать таинственную женщину. Она была высокаго и мужественнаго росту; голова ея была картинно-правильная, чистое и строгое лицо было покрыто матовой блѣдностью; глаза ея, осѣняемые черными густыми бровями, были влажны и красны; на головкѣ ея былъ надѣтъ зеленый рутяной вѣнокъ, изъ—подъ котораго, въ художественномъ безпорядкѣ, спускались на бѣлую ея шею черные какъ смоль волоса, одѣта она была въ костюмъ вайделотки, за исключеніемъ передника, на которомъ вайделотки носили дѣвичьи колокольчики и бубенчики, звонъ которыхъ не позволялъ имъ укрываться тамъ, гдѣ не позволялъ имъ быть законъ Прауримы.... На ременномъ пояскѣ, охватившемъ всю талію, висѣлъ жертвенный ножъ, скорѣе похожій на серпъ; на рукахъ были надѣты бронзовыя браслеты, въ видѣ согнутой змѣи, — что означало эмблему вѣчности; на ногахъ были надѣты сандаліи.....

Теперь, читатель, снова попрошу васъ слѣдить за тѣмъ, что происходило на Лысой горѣ.

Когда костеръ воспламенился весь и когда молніи и раскаты грома приняли ужасающіе размѣры, заставляя все живущее на землѣ трепетать и содрагаться,—женщина эта подползла на колѣнахъ къ своей оставленной на землѣ ношѣ, подняла ее и, приблизившись къ горящему костру, открыла лицо спящаго ребенка. Яркое пламя костра и ослѣпительный блескъ молніи освѣтили улыбку спящаго дитяти, обреченнаго на жертву.... Долго, очень долго, мать впивалась взоромъ своимъ въ лицо своей невинной дочери, — желая навсегда сохранить въ своей памяти черты дорогія для ея сердца. Долго она хранила молчаніе, но наконецъ губы ее затряслись, глаза наполнились слезами и она снова зарыдала.....

— „Прощай!.... Прости безумство матери своей",—шептала она, рыдая и осыпая несчетными поцѣлуями свою жертву.

Въ это мгновеніе, съ страшнымъ трескомъ, упала на сосѣднюю

гору молнія, женщина вздрогнула и, упавъ на колѣна, обратила умоляющій взоръ свой на пылающее небо.

— О, грозный властитель неба и земли, богъ боговъ нашихъ, святой Перкунасъ! За чѣмъ ты такъ гнѣвно взираешь на меня— несчастную мать?!!... Умились и сжалься надо мной! . . . Въ честь тебя и непорочной дѣвы Прауримы сейчасъ прольется кровь человѣческая, упейся ею и умилостивись. . . . Грѣхъ мой великъ, но и велика жертва моя. . . . Плодъ моего грѣха я приношу тебѣ, тебѣ нашъ суровый и строгій Перкунасъ. . . . О, не взирай такъ грозно на мою дочь, она твоя теперь..... Она твоя теперь... Возьми ее и выведи меня изъ бездны позора. . . . О, Перкунасъ! Перкунасъ! Зачѣмъ въ вашемъ сонмѣ боговъ, на скалѣ блаженства и вѣчнаго счастія, живетъ богиня Мильда!?... Зачѣмъ она вѣчно не живетъ на землѣ, съ нами, а только временно бываетъ у людей, оставляя послѣ себя губительный огонь свой въ сердцахъ смертныхъ?! .. О, если бъ она постоянно была съ нами, то между людьми не было бы вражды, не было бы ни слезъ, ни страданій; взаимная любовь воцарилась бы на литовской землѣ,—говорила несчастная мать, простирая руки къ сверкающему небу. И долго бы она еще бесѣдовала съ небомъ, если бы первые капли дождя не заставили спѣшить покончить съ своей жертвой.

Снова она сложила свою милую ношу на землю и, вставъ на ноги, выпрямилаеь всѣмъ своимъ станомъ и снова подняла руки къ небу.

— О, лейтесь, лейтесь слезы небесныя, загорайтесь костры священные, содрагайся вся тварь дышущая на землѣ!!.... Человѣческой кровью упивается богъ Перкунасъ,—страшно и торжественно закричала она, стараясь подавить свое волненіе и заглушить словами свои рыданія.

Наступила минута жертвоприношенія. Глаза матери начали бѣгать и наливатся кровью; дрожащими руками сняла она съ ремня жертвенный ножъ и, поднявъ ребенка, замахнулась надъ его грудью. . . . .

Въ эту минуту на площадку Лысой горы вбѣжалъ вайделотъ.

Вармида, ступай скорѣй, тебя хватились,—торопливо и запыхавшись сказалъ онъ, подходя къ ней. . . . .

Но Вармида, какъ назвалъ ее вайделотъ, услыхавъ слова, опустила руку, выронила жертвенный ножъ и безъ чувствъ упала на руки къ вайделоту.

Скорѣе, Баринда, скорѣе!.... Время дорого,—говорилъ вайделотъ, но, убѣдившись, что Баринда въ обморокѣ, выхватилъ изъ ея объятій плачущаго ребенка, бросилъ его на пылающій костеръ, а самъ, взявъ на руки Баринду, поспѣшно началъ спускаться съ площадки горы.....

Но лишь только ночная мгла сокрыла вайделота и Баринду, какъ снова огненная струя упала на землю почти возлѣ самаго горящаго костра, на который былъ брошенъ ребенокъ..... Ударъ грома былъ такъ силенъ и могучъ, что, казалось, вся природа провалилась въ преисподнюю.... Часть Лысой горы, по направленію къ городу, дала трещину и съ шумомъ скатилась въ рѣку Вилейку, оставивъ послѣ себя большой уступъ.....

Вслѣдъ за этимъ ударомъ, обильный потокъ дождя хлынулъ на землю и въ одно мгновеніе залилъ пылающій костеръ, изъ пламени котораго неслись звуки плачущаго ребенка.....

Долго еще послѣ этого, тамъ и сямъ, вспыхивала молнія и гремѣлъ громъ, но, мало по малу, свѣтъ молніи дѣлался рѣже и блѣднѣе, а раскаты грома все—дальше—и тише.... Наконецъ, небо смолкло и только дождь не переставалъ лить какъ изъ ведра, почти всю ночь.....

Тутъ мы опустимъ на время занавѣсъ передъ Лысой горой и и обратимся къ двумъ латникамъ, которыхъ мы оставили въ крытой бойницѣ.

На Покровской, Пятницкой и Никольской православныхъ церквахъ зазвонили къ заутрени. Наши дозорные перекрестились.

— „Ну слава Богу! Сейчасъ смѣна придетъ, сказалъ первый.

Въ это время, изъ подъ воротъ башни, понеслась духовная пѣсня:—„Елицы во Христа крестистеся" и—т. д..... Голосъ поющаго дребезжалъ въ воздухѣ и обрывался на высокихъ нотахъ.....

— Кто это, тутъ поётъ?, спросилъ второй латникъ, высовываясь изъ бойницы.

— Я.... Грѣшный Божій рабъ..... отвѣтилъ изъ—подъ воротъ, старческій голосъ.

— Это Алеша, юродивый, сказалъ первый латникъ.

— Пропустите меня..... Мнѣ нужно..... пропустите—мнѣ нужно.... говорилъ юродивый Алеша.

— Куда тебя пропустить?, спросилъ первый латникъ.

— Въ ворота пропустите.... Я къ заутрени иду, въ цер-

ковь иду, пропустите.... Добрые люди, пропустите меня, окаяннаго, грѣшнаго.... Я иду молиться, за новорожденнаго и крещеннаго младенца Якова..... продолжалъ юродивый.

— За какого Якова?, спросилъ его второй латникъ.

— За Якова..... за Якова..... Пропустите,—твердилъ Алеша.

— Пропустимъ его,—обратился второй латникъ къ первому.

Первый латникъ, молча, спустился по лѣстницѣ къ юродивому.

— Ты развѣ въ замкѣ эту ночь ночевалъ?, спросилъ латникъ юродиваго.

Въ замкѣ..... въ замкѣ..... Нынче ночь великая.... великая ночь.... Только я не спалъ..... Нѣтъ не спалъ..... Нельзя было.... продолжалъ юродивый.

— Гдѣ же ты былъ?, спросилъ его латникъ, отпирая калитку.

— На крестинахъ былъ..... На крестинахъ..... Младенца крестили..... Яковомъ его нарекли.... Яковомъ..... Я иду молиться за него.... говорилъ Алеша.

Ну ступай, Господь съ тобою! Помолись и о насъ грѣшныхъ, заключилъ латникъ, пропуская Алешу и запирая за нимъ желѣзную калитку.

— Диковинное дѣло, братецъ ты мой! Юродивый твердитъ, что крестили младенца, Якова.... Кого же это?, возвратясь назадъ, говорилъ первый латникъ, обращаясь ко второму.

— Зря Алеша не скажетъ; на то онъ и Божій человѣкъ.... Ужъ коль крестили кого, такъ извѣстно больше не кого, какъ....

— Кого же?

— Новорожденнаго князя, сына Ольгердова.... Вотъ и выходитъ Яковъ-то,—Яковъ Ольгердовичъ..... заключилъ второй латникъ.

Но вотъ явились новые дозорные и смѣнили ночныхъ. Послѣ смѣны, у калитки, изъ которой вышелъ Алеша, собрались всѣ ночные дозорные съ верхняго и нижняго замковъ. По странному стеченію обстоятельствъ, ночные дозорные всѣ были русскіе, тогда какъ новая смѣна состояла вся изъ литовцевъ.

Русскіе латники, поговоривъ о видѣнной вѣдьмѣ на Лысой горѣ и объ ея крикахъ и воплях, слышанныхъ ночью, отправились къ заутрени въ Пятницкую церковь.

За ними отправились нѣсколько бояръ и бояринь—царедворцевъ тоже въ Пятницкую церковь, гдѣ для женщинъ было

отведено мѣсто на большой галлереѣ, за прозрачною тканью, чрезъ которую, по выраженію лѣтописца (1), не видно было лицъ женскихъ, а только тѣни ихъ..... *С. Калунинъ.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

МЕДВѢЖЬЯ УСЛУГА.

Разсказъ изъ еврейскаго быта.

Намъ ли въ диковину сцены тяжелыя?
Каждому трудно живется и дышется;
Чудо, что есть еще лица веселыя,
Чудо, что смѣхъ еще временемъ слышится.
Некрасовъ.

I.

Хаосъ или приготовленіе къ празднику.

День былъ чудный, истинно весенній. Ясное небо, безъ малѣйшаго пятнышка, обѣщало хорошую теплую погоду на долгое время, не смотря на то, что въ календарѣ на 186... годъ тотъ день считался только шестымъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Солнце ярко свѣтило на небѣ и, совершая каждодневный путь свой, безстрастно глядѣло свысока на землю и на копошащихся на ней муравьевъ, называемыхъ людьми, и въ награду за разныя лишенія и непріятности во время скучной зимы, съ ея неизмѣнными спутниками — русскими морозами, снѣжными хлопьями и вюгами, послало имъ на первый привѣтъ теплые, отрадные, живительные свои лучи. Легкій вѣтерокъ, не то теплый, не то прохладный, доносилъ до слуха щебетанье птичекъ изъ оконченныхъ постройкой вчера только гнѣздъ подъ карнизами двухъ и трехъ-этажныхъ каменныхъ домовъ.

Въ губернскомъ городѣ N., населенномъ побольшей части евреями, также все пробудилось, ожило, засуетилось и двигалось: дѣти Израиля приготовлялись къ наступающему празднику — пасхи. На улицахъ народъ кишилъ — кишмя. На узенькихъ, досчатыхъ тротуарахъ была неописанная толкотня; ходьба превратилась въ бѣготню: никто не шелъ мѣрнымъ, обыкновеннымъ ша-

(1) «Посольство братіи къ великому князю литовскому Ольгерду» около 1350 г. Оно составлено посланниками крестоносцевъ, на латинскомъ языкѣ. Хранится въ тайномъ Кенигсбергскомъ архивѣ. (Авторъ).

гомъ, а бѣжалъ въ попыхахъ сколько хватало силъ; никто не говорилъ какъ слѣдуетъ, а лепеталъ скороговоркой, мѣшая въ кучу слова: старонѣмецкія, русскія, французскія, латинскія, испанскія, италіанскія и Богъ вѣстъ какія и дѣлая непонятный и уродливый жаргонъ еще не понятнѣй и уродливѣе. Изъ оконъ домовъ, до которыхъ не дотрогивалась рука служанки уже цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ, т. е. съ самаго праздника кущей, теперь, то — и дѣло, брызгало и капало водой отъ мойки и очистки ихъ, и на головы внизу бѣжавшихъ летѣли лоскутки бумаги, корки хлѣба и лоскутки разной ветоши и всякая дрянь, которую берегли въ домѣ втеченіи цѣлаго года, но которую не прилично или строго запрещено оставить дома во время праздника — пасхи. Эта дрянь, падавшая изъ оконъ, какъ градъ, на проходящихъ, производила въ тотъ день пресмѣшные метаморфозы. Еврей, вышедшій изъ дому съ черною шапкою, возвращался домой съ желтою или бѣлою; сюртуки и брюки, покоившіеся не давно на ихъ владѣтелѣ въ сухомъ и чистомъ видѣ, послѣ прогулки по тротуарамъ, теряли прежнюю элегантность, и владѣтель ихъ, къ своему величайшему удивленію и крайнему сожалѣнію, находилъ ихъ запачканными, мокрыми и загрязненными, какъ будто только что вышелъ изъ помойной ямы. Для дополненія хаоса, по тротуарамъ и возлѣ нихъ сновали взадъ и впередъ портные мужескихъ, женскихъ и дѣтскихъ платьевъ, неся на лѣвой рукѣ готовое и полуготовое платье, завернутое въ бѣлые, только что вынутые изъ сундука или комода скатерти, спѣша съ обновкой къ заказщику еврею или заказщицѣ еврейкѣ, чтобы получить за свой тяжкій трудъ скудную плату и обзавестись, хоть въ миніатюрномъ видѣ, всѣмъ нужнымъ къ празднику. Шапочники выбивались изъ силъ, гоняясь за бѣжавшими и совали всѣмъ и каждому подъ самый носъ шапки, „сшитыя по послѣдней парижской модѣ,“ не разбирая у кого старая, у кого новая шапка на головѣ. Въ магазинахъ и колоніальныхъ еврейскихъ лавкахъ отбою не было отъ покупателей и покупательницъ: кто пришелъ за рафинадомъ и, противъ обыкновенія, потребовалъ заразъ цѣлыхъ шесть — семь фунтовъ, бормоча при этомъ про себя: на пасху пусть будетъ побольше, а лавочникъ или прикащикъ, также противъ обыкновенія, подавалъ чистый рафинадъ въ чистой, бѣлой или синей бумагѣ. Кто явился за китайскимъ чаемъ, кто за стеариновыми свѣчами и т. д. Изъ мучныхъ лавокъ кульки

и кулечки нейсашной муки тянулись непрерывной вереницей. Еврейки-лавочницы, не присядая съ ранняго утра до поздней ночи, отвѣшивали сообразное достаткамъ покупательницъ количество муки на мацэ (1), слыша при отвѣшиваніи отъ покупательницъ благословенія и доброжелательства на разные мотивы, въ родѣ слѣдующаго: чтобъ она, лавочница, дожила до будущей пасхи и также продавала муку на мацэ, за что Богъ, изведшій евреевъ изъ Египта, несомнѣнно наградитъ ее на томъ свѣтѣ. На городской площади, замѣняющей собой въ N. рынокъ, происходили другія сцены. На одной половинѣ площади рвали изъ рукъ крестьянъ и крестьянокъ всякаго рода зелень, яйца, птицъ и все то, что позволяется изъ производства христіанскихъ рукъ употреблять на нужды еврейской кухни. На другой половинѣ широко расположились торгаши-щепетильники, промышляющіе апельсинами, лимонами, орѣхами, миндалемъ en detail. Покупателей было что песку на берегу моря. Самые бѣдные евреи, нищенствующіе впродолженіи цѣлаго года, даже трубочисты, водовозы, дровосѣки, факторы и другіе пролетаріи, голодающіе съ своими семействами по цѣлымъ днямъ,— даже они не отказывались засвидѣтельствовать почтенье этимъ площаднымъ торгашамъ и возвращались домой съ корзинками и передниками, наполненными всякой сластью. Въ пекарняхъ мацепеченье шло своимъ порядкомъ, или правильнѣе, крайнимъ безпорядкомъ. Эта египетская работа, совершенствуемая съ каждымъ годомъ и каждымъ молодымъ ламденомъ (2), выступающимъ на поприще раввинизма, совершалась въ 186... году, какъ и всегда, въ особенныхъ, опредѣленныхъ для этой работы домахъ, въ которыхъ находятся огромныя печи, занимающія половину комнаты. Въ одной изъ такихъ комнатъ, отличающихся всегда миніатюрными окошечками, закопченными стѣнами и низенькимъ грязнымъ потолкомъ, работали до истомы, за самое ничтожное вознагражденіе, душъ двадцать и больше цѣлыхъ три недѣли предъ пасхой, отказываясь отъ всего интересующаго ихъ въ другое время и даже отъ сна и ѣды, какъ будто они и созданы только для того, чтобы заниматься этой изнуряющей тѣло и душу работой. Шестого апрѣля 186... года былъ мучительный день для этихъ тружниковъ-мацепековъ.

---

(1) Опрѣснокъ.

(2) Ученый.

До пасхи оставалось только два дня, а въ городѣ у многихъ еще не было мацэ. Пекарни были биткомъ набиты еврейками, которыя, то—и дѣло, кричали на измученныхъ тружениковъ, уже давно выбившихся изъ силъ и работавшихъ какъ то безсмысленно, словно по заведенной пружинѣ, какъ автоматы. Суетня въ пекарняхъ, смѣсь разныхъ звуковъ были невообразимы, еврейки ссорились то съ хозяйкою дома, то между собою.

— Да это просто грѣхъ, Риве, сказала одна, обращаясь къ хозяйкѣ дома,— ей Богу грѣхъ. Гдѣ это слыхано, гдѣ видано! обѣщала печь мое мацэ еще прошлую недѣлю, а мука все еще лежитъ да лежитъ! Кажется, я не изъ послѣднихъ хозяекъ; вы отъ меня еще ни разу не были въ убыткѣ; не такъ ли, Риве?

— Что же мнѣ дѣлать, любезная Хаіе, скажите сами! Вѣдь вы у меня не первый же годъ печете ваше мацэ; развѣ подобное когда нибудь случилось?

— Случилось или не случилось, это дѣло прошлое, прошедшаго не воротишь; но вѣдь не остаться же мнѣ на пасху безъ мацэ; скорѣе я въ гробъ пойду со всѣмъ моимъ семействомъ, чѣмъ праздновать безъ мацэ!

— А я васъ, добрая Риве, сего дня въ полицію отправлю, отозвалась другая, бойкая еврейка. Знаете моего мужа? онъ не изъ таковскихъ, онъ шутить не любитъ! Ааронъ мой знакомъ не только съ однимъ квартальнымъ, онъ и частнаго пристава знаетъ и многихъ другихъ; мой Ааронъ не потерпитъ, говорю я вамъ, такого надувательства... Мацэ чтобы было, а нѣтъ, такъ я запрю пекарню!...

Подобные крики и угрозы со стороны хозяекъ,, мольбы и ласкательства со стороны содержательницы пекарни, можно было слышать въ тотъ день едва ли не во всѣхъ мацэ-пекарняхъ. Работники тѣмъ временемъ, не замѣчая, что вокругъ нихъ дѣлается, суетились, что есть мочи, въ надеждѣ скоро избавиться отъ этой адской муки. За то въ богатыхъ еврейскихъ, какъ они любятъ называть, *аристократическихъ* домахъ, въ залахъ капиталистовъ, ворочающихъ сотнями такъ быстро, какъ наборщикъ гуттенберговскими буквами, все было уже въ порядкѣ, вездѣ было тихо, чисто, гладко: полы вымыты, стулья и кресла обтянуты бѣлыми, какъ снѣгъ, чехлами, зеркала на простѣнкахъ тянулись отъ самаго потолка до полу, вычищены и переполированы, кровати возвышались горами и покрыты дорогими шелковы-

ми одѣялами, канделабры также вычищены и отражали на себѣ сверкающіе лучи солнца; мацэ уже давно превращено въ муку для катунекъ и другихъ кухонныхъ затѣй, вино пейсашное приготовлено, вездѣ „тишь да гладь и Божья благодать", или все comme il faut, какъ говорятъ французы. И не приходило въ голову этимъ счастливцамъ, этимъ усерднымъ служителямъ мамонѣ, что рядомъ съ ними живутъ ихъ братья, можетъ быть, съ благороднѣйшими чѣмъ у нихъ сердцами, изнуренные, измученные, работаютъ въ пекарняхъ съ зачернѣвшими отъ жара и копоти лицами, съ пустыми желудками!... Ахъ! какъ часто мы видимъ голодъ, холодъ, наготу и бѣдность возлѣ самой изысканной роскоши, нѣги и мотовства!...

II.

Шабашовое платье.

Въ то время, когда почти всѣ сыны „избраннаго народа" города № были заняты приготовленіемъ къ празднику и каждый болѣе или менѣе уже запасся чѣмъ нужно: кто мацэ, кто виномъ, кто даже и платьемъ, а кто тѣмъ, другимъ и третьимъ вмѣстѣ, когда даже бѣдные работники пекарни были увѣрены, что тяжкій трудъ ихъ, покрайней мѣрѣ, доставитъ имъ сухое мацэ на весь праздникъ,—въ то время на „Еврейской" улицѣ, въ трехъэтажномъ домѣ, извѣстномъ въ № подъ именемъ „дома ребъ Аарона благотворителя," жило одно семейство, также изъ потомковъ Іакова, которое не сдѣлало еще никакихъ праздничныхъ приготовленій, ни чѣмъ еще не запаслось къ пасхѣ. Семейство это состояло изъ шести членовъ: главы семейства, молодой женщины, жены его, и четырехъ дѣтей, малъ-мала меньше. Въ небольшой и бѣдной комнатѣ царствовала гробовая тишина. Предъ маленькимъ письменнымъ столикомъ, на которомъ были навалены глыбы книгъ и кучи бумагъ, сидѣлъ молодой человѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, съ потухшими глазами, съ растрепаными волосами и держалъ въ рукѣ перо, нѣсколько поднятое отъ лежащей предъ нимъ бумаги. На бумагѣ было написано нѣсколько строкъ, но онѣ, видно, покоились въ одиночествѣ уже нѣсколько времени и съ любопытствомъ ожидали своихъ сестеръ, чтобы такимъ образомъ составилось что нибудь цѣлое и пошло по назначенію. Но молодой человѣкъ сидѣлъ, какъ окаменѣлый; перо висѣло по

прежнему въ воздухѣ. Не далеко отъ него сидѣла его жена, молодая женщина, и исхудалыми пальцами штопала дѣтскую рубашенку. Эта женщина, нѣкогда провинціальная первоклассная еврейская красавица, кружившая головы всѣхъ модныхъ еврейскихъ бахуровъ (1), могла привести теперь въ свидѣтели прежней красоты своей только: карые глаза, правильный греческій носикъ, антично—правильныя черты лица, длинные, черные волосы, осѣнявшіе собою словно мраморную шею. Румянецъ, нѣкогда игравшій на ея розовыхъ щекахъ, уступилъ мѣсто какой то смѣси изъ желто-зелено—бѣлаго цвѣта; живость, бодрость, веселость, составлявшія до свадьбы отличительныя черты ея характера, смѣнились истомой, апатіей, неподвижностью. Незнавшій ея прежде и увидѣвшій ее теперь въ первый разъ, безсомнѣнно приписалъ бы ей лѣтъ 35, если небольше, тогда какъ ей предстояло видѣть только 26-тую пасху въ своей жизни. Не даромъ плакали ея, нѣкогда богатые, родители, надѣявшіеся видѣть свою единую дочь счастливою и богатою. Да, не безъ причины проливали слезы обѣднѣвшіе на старости лѣтъ ея родители, смотря теперь на увядшее, блѣдное лицо ея! И было имъ отъ чего проливать слезы: выдали они дочь за образованнаго и умнаго человѣка, снабдили ее богатымъ приданнымъ: гардеробомъ, бриліантовыми сергами, тремя снурками крупныхъ орлеанскихъ перловъ, толстыми алмазными перстнями, 1000 р. наличными деньгами,—и вотъ, на восьмомъ году послѣ свадьбы, дочь ихъ занимала одну небольшую комнатку и жила самъ—шесть въ самой жалкой бѣдности. Скудное жалованье мужа—учителя, при страшной дороговизнѣ, далеко не гармонировало съ нуждами семейства. Вотъ и теперь не начто было обзавестись рубашенкой для новорожденнаго сына, не было за что запастись мацэ на пасху. Дѣти всѣ, за исключеніемъ покоившагося въ колыбели, рѣзвились на дворѣ и пользовались посвоему хорошею погодой. Долго сидѣла бѣдная чета, не сказавъ ни слова другъ другу. Мужъ смотрѣлъ самъ не зная куда, жена ломала голову, какъ создать почти изъ ничего рукавчикъ къ рубашенкѣ и пригнать первый къ послѣдней по—удобнѣй, поглаже, такъ, чтобы шевъ не теръ ручки дитяти. Ей казалось, что мужъ пишетъ. Поднявъ голову и, увидя неподвижно—висящею надъ бумагой руку мужа, она прервала молчаніе.

---

(1) Парней.

— Григорій, сказала жена, произнося каждое слово какимъ то плачевнымъ и отчаяннымъ тономъ, почему не пишешь? Развѣ ты забылъ, что завтра первый *седеръ* (1)? Два часа, кажется, тому назадъ я уже видѣла эти строки. Пиши лучше, къ чему думать; живое слово всегда лучше натужной мысли.

— Дорогая моя Анна, торопливо отвѣчалъ Григорій, бросивъ перо на бумагу и подошедъ къ женѣ,—у меня нѣтъ ни словъ ни мыслей, въ головѣ моей какая то ерунда, хаосъ, никакъ не могу высказать того, что хотѣлось бы сказать моему лучшему другу, какъ впечатлительнѣй описать ему мое теперешнее безотрадное положеніе.

— Твое *теперешнее* положеніе? Ахъ! почему не сказать *всегдашнее*?! Уже два года, какъ мы мучимся. Съ того времени какъ кончилось мое приданное и ты выступилъ на учительское поприще, мы еще не имѣли ни одного радостнаго дня. Я не говорю уже о насъ, мы люди взрослые, мы можемъ стерпѣть нужду и горе; но дѣти, дѣти наши, за что они страдаютъ?!... Ты забылъ, что ли, прошлую и нынѣшнюю зимы, когда морозы продергивали и наши члены, а дѣти ходили почти такими, какими я рождала ихъ: одному недоставало рубашки, другому обуви... ты забылъ это, скажи, любезный Григорій?... Охъ! не такъ я думала жить, когда выходила за тебя!... не такую будущность рисовало мнѣ воображеніе мое, не такіе замки строила моя фантазія!... Увы! невинныя дѣти мои! чѣмъ вы согрѣшили, за что Богъ Израилевъ васъ такъ тяжко наказываетъ?...

— Ma chere, оставь этотъ разговоръ!

— О, дѣти мои, дѣти! Что я приготовлю для васъ на пасху?! Ничего нѣтъ еще въ нашемъ домѣ, даже мацэ, которое припасъ уже послѣдній нищій, послѣдній еврей, и этого еще нѣтъ, и нѣтъ даже надежды имѣть его!.. Намъ вѣдь никто не дастъ въ займы; въ нашемъ домѣ говорятъ порусски, всякій это знаетъ, всѣ объ этомъ толкуютъ и почти всѣ насъ за это ненавидятъ... Нѣтъ, не будутъ сочувствовать намъ отсталые единовѣрцы, не помогутъ фанатическіе соплеменники наши евреямъ, говорящимъ порусски и воспитывающимъ дѣтей своихъ въ русскомъ духѣ!... Пиши лучше, Григорій, къ Борису, нашему другу. Если

(1) Буквальный переводъ слова есть порядокъ, но подъ нимъ евреи подразумѣваютъ первый вечеръ пасхи!

не хочешь идти къ нему, напиши письмо и я отправлю чрезъ кого нибудь; онъ намъ поможетъ, онъ изъ нашихъ; ему не страшно руское образованіе, и его дѣти не знаютъ жаргона... Пиши скорѣе, Григорій, а то намъ придется!...

Бѣдная жена бѣднаго учителя зарыдала и не могла досказать, вѣроятно, того, что придется цѣлому семейству голодать всю пасху. Долго она плакала, прерывая плачь тяжкими вздохами и раздирающими сердце и душу стонами. Бѣдный учитель стоялъ возлѣ нея, какъ статуя, не шевеля ни однимъ членомъ. Дѣти, вошедшія не давно въ комнату и услыхавъ вопль матери, бросились къ ней на грудь и, пріютившись у ней, построили сперва большія губы, потомъ захлипали и наконецъ разразились крѣпкимъ воплемъ. Даже самый закоренѣлый фанатикъ—еврей, ратующій за невѣжество и отсталость своего народа, долженъ былъ бы заплакать при видѣ такой трогательной сцены. Старшій сынокъ, семи лѣтъ, схватилъ руку матери и осыпалъ ее горячими поцѣлуями. Матушка, закричалъ онъ самымъ трогательнымъ голосомъ, произнося при томъ русскія слова чистымъ діалектомъ, матушка, чтожъ вамъ, что у васъ болитъ? Я пойду за Борисомъ, онъ сей часъ придетъ, ему ничего не нужно дать. Помнишъ, когда Марія наша была больна, онъ ничего не взялъ и даже давалъ лѣкарства безъ денегъ; ты сама же это разсказывала бабушкѣ.

— Не нужно, дитя мое, не нужно, сказала она и снова залилась горькими слезами.

— Дорогая моя Анна, сказалъ Григорій, какъ бы очнувшійся отъ тяжкаго сна и увидѣвшій во второй разъ слезы на ея лицѣ,—знаешь что? я къ Барису писать не буду.

— Какъ?!!

— Да такъ. Я не долженъ еще просить милостыни, пока могу бороться своими силами, я не долженъ прибѣгать къ сторонней помощи.

— Да развѣ есть еще у насъ силы? все, кажется, уже продано.

— Нѣтъ, не все: у меня есть еще одно драгоцѣнное сокровище, которое я началъ собирать будучи еще мальчикомъ,—сокровище, которое я лелѣялъ больше моихъ глазъ, и съ которымъ я никогда не думалъ разстаться,—сокровище это есть моя библіотека. Я выберу изъ нея лучшія книги: сочиненія Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Бѣлинскаго, Маймонида, Мендельсона, Гёте, Ши-

зера, пойду съ ними къ хозяину дома и попрошу за нихъ нѣсколько рублей; онъ вѣдь слыветъ первымъ благотворителемъ въ нашемъ городѣ, онъ даетъ всѣмъ и каждому деньги въ займы за самый ничтожный процентъ, онъ и мнѣ дастъ, я вѣдь живу въ его домѣ.... Я возьму только по первое число, лишь только получу жалованье, тотчасъ выкуплю книги.

— Книги твои къ закладчику! завопила бѣдная учительша страшнымъ голосомъ. О! книги къ заккадчику? повторила она, какъ будто обдумывая эти страшныя слова. Нѣтъ, Григорій, этого не будетъ!.... Книги—это единственное утѣшеніе наше въ часы голода, горя и безсонницы... Нѣтъ, не допущу!.. Лучше возьми мое шабашовое платье; къ чему оно теперь мнѣ, я и такъ не пойду въ синагогу, чтобы тамъ не тыкали пальцами, указывая на мое блѣдное лицо. Не нужно мнѣ больше щелковыхъ платьевъ, пусть дѣти мои щеголяютъ, если Богъ имъ поможетъ, мое щегольство—кончено!!....

Сказавъ это, она подошла къ сундуку, вынула оттуда ея, дѣйствительно, прекрасное платье, которое надѣвала во время оно, въ первые счастливые годы послѣ супружества, въ субботу и въ праздничные дни, когда она ходила въ синагоу, завязала платье въ узелокъ и подала мужу. Не смотря на упорное сопротивленіе, Григорій долженъ былъ согласиться съ женой и, взявъ узелокъ, отправился къ ребъ Аарону, хозяину дома, который слыветъ первымъ благотворителемъ въ городѣ N.

III.

Благотворительность ребъ Аарона.

Ребъ Ааронъ благотворитель, какъ хозяинъ трехэтажнаго дома, занималъ квартиру первостатейную. Кромѣ своего кабинета, въ который никто не имѣлъ права входить, не исключая даже и жены его, ребъ Ааронъ занималъ еще шесть большихъ комнатъ. Увѣряютъ, что пятнадцать лѣтъ тому назадъ ребъ Ааронъ, съ своимъ тогда уже многочисленнымъ семействомъ, жилъ въ одной только комнатѣ, для которой приличнѣе было бы названіе погреба; а только съ того времени, какъ сдѣлался благотворителемъ, или точнѣе—ростовщикомъ, онъ пошелъ, какъ говорится, въ гору и, познакомившись съ не-евреями, выучился жить по ихнему. Въ

то время, когда учитель вышелъ изъ квартиры съ узелкомъ подъ полой, р. Ааронъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и занимался весьма важными и серьозными дѣлами. Онъ сортировалъ кредитные билеты: красненькіе складывалъ съ красненькими, голубые съ голубыми, имѣющіе по бокамъ колонны съ подобными имъ,—словомъ соблюдалъ величайшую осторожность, чтобы не смѣшать одинъ цвѣтъ съ другимъ. Когда р. Ааронъ сидѣлъ за работой, никто не долженъ былъ мѣшать ему; всѣ въ домѣ ходили тогда на цыпочкахъ и вели между собой разговоръ шопотомъ; только въ случаѣ появленія *трехъ* просителей,—трехъ не меньше,— дозволено было женѣ постучаться въ дверь, что служило сигналомъ прибытія не менѣе трехъ жертвъ р. Аарона—благотворителя. Войдя въ пріемную, учитель нашелъ уже двухъ просителей, и потому не пришлось ему ждать полнаго ихъ комплекта. Въ этомъ отношеніи учитель могъ считаться счастливцемъ, потому что часто приходилось просителямъ, не составлявшимъ полнаго числа, простоять два три часа, въ ожиданіи третьято. Когда вошелъ учитель, бойкая жена р. Аарона (та самая, которая не задолго предъ тѣмъ грозила бѣдной Ривѣ, содержательницѣ пекарни, запереть мацэ—фабрику) подошла къ нему и спросила: цо потсебуе? Онъ показалъ ей на узелокъ. Осмотрѣвъ всѣхъ трехъ, она приблизилась къ двери мужняго кабинета и постучала три раза. Чрезъ нѣсколько минутъ отворилась дверь и въ ней появилось сперва круглое и широкое брюхо, а потомъ вслѣдъ за брюхомъ и самъ хозяинъ его-ребъ Ааронъ благотворитель. Увидавъ просителей, р. Ааронъ принялъ, вмѣсто прежняго спокойнаго и веселаго, какой то мрачный и сердитый видъ, сѣлъ въ кресло и сталъ барабанить пальцами по столу. Здѣсь я долженъ указать на одну важную черту въ характерѣ р. Аарона; онъ былъ весьма скроменъ,—это онъ показывалъ между прочимъ тѣмъ, что онъ никогда не начиналъ первый говорить съ просителями, а всегда ожидалъ изложенія ихъ просьбы. Знавшіе скромность его, прямо, входя въ домъ, приступали къ дѣлу, т. е. показывали вещи и просили оказать имъ благодѣяніе; но тѣ счастливцы, которые, говоря языкомъ поэтовъ, всегда жили съ фортуною рука объ руку, а только, вслѣдствіе особенной случайности, должны были прибѣгнуть въ первый разъ къ благотворительности р. Аарона, имѣли случай простоять еще битый часъ, въ ожиданіи его спроса. На этотъ разъ между просителями нашлась одна бывалая птица, старый-служивый

бѣднята, который зналъ уже р. Аарона съ его скромностью, и потому какъ только р. Ааронъ усѣлся въ кресло, онъ подошелъ къ нему безцеремонно, вынулъ изъ кармана два снурка перловъ и золотой перстень и положилъ ихъ на столъ.

— А сколько? спросилъ р. Ааронъ.

— Хоть пятнадцать.

— Пять, что ли, думаешь? (р. Ааронъ ни кому изъ своихъ кліентовъ не говорилъ: вы).

— Пятнадцать, добрый р. Ааронъ.

Ребъ Ааронъ добылъ засаленный бумажникъ, отсчиталъ семь рублей и подалъ бѣднягѣ. На мѣсяцъ, сказалъ онъ ему; шестого мая явись, а если нѣтъ, то продамъ перлы и перстень, какъ я продалъ шубу!

— Служивый бѣдняга, знавшій *честность* и устойку на словѣ р. Аарона, знавшій и то, что отъ него, послѣ того, какъ спрятанъ бумажникъ, можно ожидать столько добра, сколько воды изъ камня, взялъ деньги, поклонился и вышелъ. По уходѣ его, подошелъ къ столу второй проситель. Онъ былъ порядочно одѣтъ и на лицѣ его еще виднѣлись кое-какіе остатки добрыхъ дней. Видно, птица только что изъ гнѣзда, сказалъ про себя р. Ааронъ, взглянувъ на подошедшаго и скорчилъ еще болѣе серьозную рожу. Проситель поставилъ на столъ пару серебрянныхъ подсвѣчниковъ отличной отдѣлки. Вещи, видимо, понравились благотворителю.

— Тебѣ сколько?

— Двадцать пять.

— Десять, если хочешь, я тебѣ дамъ.

— Почему же только десять? они вѣдь стоятъ мнѣ 70 рублей.

— Мало что тебѣ стоятъ, я больше дать не могу; скорѣй, у меня времени нѣтъ.

Слезы навернулись на глазахъ просителя. Дайте хоть двадцать, сказалъ онъ, жена у меня больна. Ребъ Ааронъ снова вынулъ бумажникъ и, взявъ оттуда пукъ ассигнацій, отсчиталъ просителю пятнадцать рублей.

— А процентовъ сколько берете?

— Объ этомъ послѣ поговоримъ. Проситель поклонился и хотѣлъ уже выйдти, но благотворитель остановилъ его. Чрезъ мѣсяцъ явись, сказалъ онъ ему, а то я... Я сей часъ послѣ пасхи приду, прервалъ его проситель и вышелъ. Во все время этихъ благотвореній, бѣдный учитель стоялъ при двери, словно нищій,

просящій милостыни, и дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. „Чтожъ" говорилъ онъ про себя, „да развѣ это благотворительность? развѣ это услуга? Давать меньше четверти стоимости вещей, и то только на мѣсяцъ, а тамъ въ перспективѣ продажа вещей!... А процентъ, Богъ вѣсть какой еще будетъ! Нѣтъ, подобная услуга скорѣе похожа на *медвѣжью*".. Кромѣ того, молодаго, воспитаннаго человѣка крайне мучило грубое обращеніе благотворителя. Уничтожать личность человѣка, *тыкать* съ незнакомыми людьми развѣ только потому, что они бѣдны; это крайняя грубость, подумалъ онъ, крайнее невѣжество!... Неуваженіе къ личности бѣднаго до того оскорбило учителя, что онъ хотѣлъ—было уже отречься отъ благотворителности р. Аарона и возвратиться домой съ узелкомъ, но бѣдность одержала верхъ надъ оскорбленіемъ и онъ остался. По окончаніи второй сцены, онъ поднесъ свой узелокъ къ роковому столу. Увидавъ учителя, благотворитель отшатнулся. А что, началъ онъ, ваше благородіе, и ты къ намъ?! Хо! хо! хо! кто бы это подумалъ?! А?!!

— Я бѣденъ, р. Ааронъ.

— Ты бѣденъ, я это знаю, ты и за квартиру, кажется, не заплатилъ еще вполнѣ. Да, хорошо, что припомнилъ; я давно уже хотѣлъ тебѣ сказать, что если не заплатишь къ концу полугодія, то прошу покорно убираться вонъ изъ моего дома. Далѣе, что угодно?

— Я желаю получить у васъ десять рублей на эти вещи.

— Что?! деньги на процентъ!? Что я слышу! Вѣдь *вы* постоянно противъ насъ: говорятъ, что *вы* даже и въ газетахъ пишете объ насъ; какъ же ты посмѣлъ ко мнѣ явиться?! Нѣтъ, не получишь у меня ни гроша мѣднаго! Своимъ людямъ я готовъ оказать услугу во всякое время, но не такимъ, какъ ваши братья.... Шма израиль (1)! что это за евреи! стыдятся уже именъ своихъ отцовъ; не прилично, говорятъ, называтся Гиршемъ, а нужно Григоріемъ; Хану нужно величать Анной! Отреклись отъ языка, на которомъ говорили предки наши, и стали говорить на языкѣ чужаго народа. Охъ, вы умники! Напрасно вы мечтаете насъ передѣлать! Мы сильнѣе васъ, насъ много, васъ десятки; мы въ васъ никогда не нуждаемся, а вы въ насъ всегда... Ступайте, Григорій; *вы* денегъ у меня не получите. Бѣдный учитель, стоявшій до сихъ поръ,

(1) Слушай израиль. Молитва, къ которой прибѣгаетъ еврей въ критическое время.

словно пораженный эпилепсіей, вздрогнулъ, очнулся, услыхавъ свое имя и, судорожно схвативъ свой узелокъ, выпрыгнулъ, какъ уязвленный кинжаломъ, изъ дома ребъ Аарона благотворителя.

Л. П—нъ.

УСПѢХИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ СѢВЕРО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

Освященіе православной церкви въ м. Оникштахъ, Вилкомирскаго уѣзда.

24 сентября, вилкомирскаго уѣзда, въ м. Оникштахъ, совершено преосвященнымъ Александромъ, епископомъ ковенскимъ, въ присутствіи прибывшихъ туда по этому случаю командира 28 артиллерійской бригады, Г. М. Лемтюжникова, мировыхъ посредниковъ, чиновъ и другихъ лицъ уѣзда, при стеченіи нѣсколькихъ сотъ православныхъ крестьянъ, освященіе новоустроенной деревянной церкви во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

Слѣдуетъ пояснить, что еще въ 1863 году состоялось предположеніе возвести въ деревушкѣ Семенишкахъ, въ полуверстѣ отъ Оникштъ, за рѣкою Святою (Свента), на казенный счетъ, каменную церковь для православнюхъ, живущихъ разбросанно на большомъ пространствѣ, нуждавшихся въ ней и неприписанныхъ еще ни къ какой церкви; но какъ то дѣло о возведеніи этой церкви тянулось, а потому мѣстный мировой посредникъ В. К. Масальскій, сочувствуя нуждѣ православныхъ, возъимѣлъ благую мысль устроить церковь, не теряя времени, хотя деревянную, но не въ д. Семенишкахъ, а вблизи отъ нея, въ торговомъ м. Оникштахъ, такъ какъ церковь, построенная въ многолюдномъ мѣстечкѣ и около волостнаго правленія, болѣе обезпечена отъ всякихъ случайностей— пожара, святотатства и т. п., да и жить здѣсь священнику съ причтомъ удобнѣе, чѣмъ въ деревушкѣ, за рѣкой. Средствъ на постройку церкви не было, но за то была полная вѣра въ помощь Божію и надежда на посильное участіе такихъ лицъ, которыя всегда откликнутся на доброе дѣло. Посредникъ, получивъ въ началѣ текущаго года разрѣшеніе начальства на постройку въ Оникштахъ деревянной церкви, испросилъ благослове-

ніе преосвященнаго на сборъ по книгѣ отъ доброхотныхъ православныхъ дателей и обратился съ воззваніемъ къ частнымъ лицамъ и редакціямъ нѣкоторыхъ газетъ, а между тѣмъ, въ маѣ мѣсяцѣ, имѣя собранныхъ денегъ только 150 руб., приступилъ къ дѣлу. Вскорѣ сумма денежныхъ пожертвованій стала быстро увеличиваться, и вотъ въ двадцатыхъ числахъ сентября, церковь, строившаяся подъ личнымъ наблюденіемъ строителя, не только была окончена, но имѣла и необходимыя принадлежности.

По приглашенію строителя, преосвященный Александръ прибылъ 23 сентября въ 3 ч. пополудни въ Оникшты изъ Вильны, (чрезъ Вилкомиръ) для освященія новаго храма; въ то же время прибыла архіерейская свита и пѣвчіе. Изъ Вилкомира съѣхались туда всѣ тѣ изъ православныхъ, которымъ была возможность отлучиться за 35 верстъ отъ города. Еще верстъ за 10 до м. Оникштъ встрѣтила преосвященнаго, сопровождаемаго начальникомъ уѣзда и многими жителями Вилкомира, масса православныхъ крестьянъ, верхами. Великолѣпная картина представилась глазамъ жителей м. Оникштъ, которые, въ ожиданіи никогда невиданнаго ими православнаго архіерея, усѣяли живописные, крутые берега рѣки Святой. Въ разстояніи двухъ верстъ отъ Оникштъ, по склону горы, обозначился величавый быстроскачущій поѣздъ; нѣсколько десятковъ всадниковъ, окруживъ карету дорогаго гостя, неслись по направленію къ мѣстечку; за ними, на разстояніи полуверсты, едва поспѣвали другіе экипажи; не прошло и десяти минутъ, какъ путешественники были около парома и въ тоже время, съ противуположнаго берега, впервые раздались звуки колоколовъ новоустроенной православной церкви. При переѣздѣ черезъ паромъ, оникштынское еврейское общество встрѣтило преосвященнаго хлѣбомъ-солью, а около церкви ожидало православное духовенство и прихожане. Чрезъ нѣсколько часовъ раздался вновь призывный благовѣстъ новой церкви ко всенощной, которая была совершена преосвященнымъ, въ сослуженіи протоіереевъ: ковенскаго собора Захарія Суханова, вилкомирской церкви Евфимія Приневскаго и двухъ священниковъ ушпольскаго и антолепскаго православныхъ приходовъ, съ полнымъ причтомъ и архіерейскими пѣвчими. Церковь, вмѣщающая до 300 ч., была почти полна народомъ; всѣ получили отъ преосвященнаго помазаніе благословеннымъ елеемъ и, по отпустѣ, архипастырское благословеніе; но на другой день, на освященіе

прибыло еще больше православныхъ, и тогда нѣкоторымъ уже пришлось стоять на паперти.

24 числа, это было въ воскресенье, въ 10 ч. утра, преосвященный, съ сослужащимъ духовенствомъ, приступилъ къ освященію, по чину православной церкви, новаго храма во имя св. благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго (въ память событій 4 апрѣля 1866 и 25 мая 1867 г.). По освященіи, совершенъ былъ вокругъ церкви крестный ходъ; за симъ послѣдовала литургія, а потомъ молебствіе, окончившееся уже въ 2 часа. Въ концѣ обѣдни, преосвященный сказалъ слѣдующее назидательное слово: (1).

„Аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи." (Пс. С. XXVI. С. I.).

Такъ, братіе христіане, при всякомъ созданіи необходимо содѣйствіе Божіе; тѣмъ болѣе необходимы благоволеніе и особенная помощь Божія при созиданіи дома Божія. Въ построеніи сего св. храма не можемъ не видѣть явнаго благоволенія и милости Божіей. Исторія нынѣ освящаемаго храма Божія кратка и немногосложна. Храмъ сей построенъ въ продолженіи немногихъ мѣсяцевъ. Приступлено было къ строенію безъ всякихъ средствъ съ одною вѣрою и крѣпкою надеждою на Божію помощь, съ горячимъ усердіемъ и ревностію къ осуществленію предпринятаго св. дѣла. Твердая надежда на помощь Божію не посрамила уповающихъ; ревность къ вѣрѣ православной не осталась тщетною. Явились пособія къ постройкѣ, присланы были неожиданныя пожертвованія издалека, изъ родной намъ русскимъ Москвы. Благочестивые жертвователи позаботились снабдить новостроющуюся церковь приличною св. утварью и облаченіями; позаботились, чтобы все въ новомъ храмѣ было благообразно и по чину. Все это могло ли быть безъ внушенія свыше, безъ содѣйствія, безъ особенной помощи Всеблагаго Творца и Промыслителя? Такъ, не обинуясь скажемъ, самъ Господь возбудилъ въ сердцѣ православно-вѣрующемъ доброе намѣреніе и усердное желаніе построить храмъ сей; святую ревность строителей поощрялъ неожиданными жертвами и пособіями; благое начало увѣнчалъ вожделѣннымъ

---

(1) «Виленскій Вѣстникъ» почему то исключилъ изъ описанія это прекрасное слово и кое что другое. Если онъ хотѣлъ быть краткимъ, то могъ бы сдѣлать извлеченіе изъ описанія. *Ред.*

успѣхомъ, Благодать Божія восполнила недостающее, освятила нынѣ храмъ сей и уготовила оный въ жилище себѣ. Не всуе значитъ, трудишася зиждущіи. Господь благословилъ ихъ святое начинаніе и благопоспѣшилъ окончанію. Въ созданномъ семъ храмѣ отнынѣ всегда будутъ возноситься молитвы о строителяхъ и благотворителяхъ онаго; молитва церкви будетъ привлекать на нихъ благоволеніе Божіе, сопутствующее въ земной жизни и руководящее къ жизни небесной. Да ниспослется и чрезъ насъ недостойныхъ служителей алтаря Христова благословеніе Господне ревностному строителю храма сего и всѣмъ благотворителямъ и участникамъ въ семъ святомъ дѣлѣ! Да вознаградитъ ихъ Господь сугубо, даруя вмѣсто тлѣнныхъ благъ—нетлѣнныя, вмѣсто временныхъ—вѣчныя! Радостно для насъ православныхъ торжество сіе, и радость наша священная, радость о Господѣ. Въ ней выражается сила наша, сила истины, сила вѣчнаго права. Такъ, рано-ли, поздно-ли, правда возьметъ свое; истинность православной вѣры восторжествуетъ надъ человѣческими ухищреніями. Судьбы Божіи чудны и неисповѣдимы. И нынѣ по истинѣ Господь удивилъ на насъ милость Свою, всегда благодѣющую православной Россіи. Давно ли въ здѣшней сторонѣ и въ мѣстѣ семъ возбуждалась и проявлялась ненависть къ православной церкви, къ помазаннику Божію Благочестивѣйшему Государю нашему и ко всему русскому? Слѣпая злоба поляковъ старалась уничтожить все, родное намъ, отечественное; думала истребить самое имя русское, православное. И что же? Тамъ, гдѣ недавно царствовалъ мятежъ и свирѣпствовало буйное своеволіе,— тамъ нынѣ тихо, мирно водворяются порядокъ и подчиненіе законной власти. Вмѣсто злодѣевъ—мятежниковъ поселяются мирные крестьяне, послушные царю и св. православной церкви, вполнѣ русскіе по духу и происхожденію. Вблизи латинскихъ костеловъ, въ которыхъ разливались съ церковнаго амвона хулы и проклятія на православную церковь и ея послѣдователей,—воздвигаются съ Божіею помощью православные храмы, гдѣ будутъ возноситься молитвы о мирѣ, любви и соединеніи въ вѣрѣ всѣхъ христіанъ,— изрекаться благословенія и благожеланія всѣмъ ближнимъ. Православные храмы въ окатоличенной странѣ сей— это свѣтозарные лучи возсіявающаго солнца правды, разгоняющіе тьму невѣжества и заблужденія. Къ вамъ теперь обращаюсь, православные прихожане храма сего! Ваши сердца нынѣ должны

быть преисполнены особенной радости. Осуществились наконецъ ваши завѣтныя думы и сердечныя желанія. По благости Божіей и по милости Благочестивѣйшаго Государя, имѣете вы нынѣ не только пріютъ собственный и землю въ постоянномъ владѣніи, но пріобрѣли пристанище и для души; имѣете теперь мѣсто, гдѣ можете въ радости и скорби найти полное, истинное удовлетвореніе своему благочестивому чувству, гдѣ отъ полноты сердца можете возблагодарить Господа за низпосылаемыя вамъ радости и блага, гдѣ свободно и съ надеждою на облегченіе скорби и утѣшеніе можете высказать Господу свою горесть въ молитвѣ. Прежде вы были разсѣяны между иновѣрцами, удалены отъ храма Божія на цѣлые десятки верстъ, не имѣли постояннаго пристанища, скитались съ одного мѣста на другое и, переходя такимъ образомъ отъ одного владѣльца къ другому, поставлены были въ полную зависимость отъ произвола иновѣрца—помѣщика, на землѣ котораго поселялись. Теперь каждый изъ васъ имѣетъ свою землю, хотя небольшую, но на всегда надѣленную; соединены вы теперь вмѣстѣ, какъ русскіе и православные, въ значительномъ числѣ. Да сохраняется же между вами единеніе духа, союзъ вѣры православной, единой истинной; да пребываетъ миръ, любовь и братское общеніе, какое необходимо должно быть между православными христіанами! За всѣ эти блага должны вы непрестанно благодарить премилосерднаго Господа, благодарить молитвою, усерднымъ посѣщеніемъ храма Божія и исполненіемъ христіанскихъ обязанностей. Должны благодарить и Благочестивѣйшаго Государя—отца нашего, неусыпно пекущагося о васъ, о вашемъ благоустроеніи и благоденствіи, благодарить и молиться о здравіи и спасеніи его, да хранитъ его Господь многая лѣта и избавитъ отъ всѣхъ враговъ и опасностей. Храмъ да будетъ для васъ мѣстомъ прибѣжища, мѣстомъ молитвеннаго общенія и единодушія. И чѣмъ чаще будете посѣщать оный, тѣмъ большую получите пользу и назиданіе для души. Приходите только всегда сюда съ вѣрою, и любовію. «За Богомъ молитва, за царемъ служба не пропадаетъ,» говоритъ русская пословица. Правда эта на васъ исполнилась. Не оставили, не забывали вы вѣры православной, живя такъ долго между иновѣрцами,— и Богъ не оставилъ васъ безъ своей помощи. Не оставитъ васъ Господь и напредь, если только сами не станете забывать его. Пребыли вы вѣрны Царю нашему—Божію пома-

занику, и онъ позаботился устроить вашъ бытъ. Православные! помните, что вы живете среди иновѣрцевъ. На васъ лжитъ священная обязанность вести себя во всемъ какъ можлучше, жить въ мирѣ, согласіи и братской любви между собоі Вы должны служить примѣромъ въ исполненіи лежащихъ на вас обязанностей; должны показать своею доброю жизнію, что православная вѣра дѣйствительно лучше другихъ вѣръ, что она-т и дѣлаетъ исповѣдающихъ ее настоящими истинными христіянам и вѣрными подданными отъ Бога поставленному Царю нашему Благодать Господа нашего Іисуса Христа да будетъ со всѣми вами! Аминь.

Болѣе получаса шествовалъ преосвященный отъ алтаря до паперти, раздавая крестики (роздано до 1000) и благословля каждаго, между тѣмъ какъ православные съ благоговѣніемъ и любовію лобызали святительскую десницу, а сойдя на церковную площадь и подойдя къ приготовленнымъ для народа столамъ с виномъ и закусками, преосвященный, благословя хлѣбъ и вино и обратясь къ народу, возгласилъ: „За здоровье Государя Императора,“ на что народъ отвѣтилъ радостнымъ кликомъ „ура!“ бросалъ на воздухъ шапки и пилъ за здоровье Государя. Эти радостные клики повторялись каждый разъ, когда преосвященный снова обращался съ словоми къ ароду, внушая ему святой долгъ вѣрноподданничества, любви къ православію и отечеству. Посредникъ предложилъ народу: „за здоровье преосвященнаго, потрудившагося прибыть для освященія храма“ и повторилось тоже. Бездождный ясный день благопріятствовалъ народу быть на открытомъ воздухѣ.

Между тѣмъ заботливымъ строителемъ для преосвященнаго, духовныхъ лицъ и всѣхъ гостей (въ числѣ ихъ было нѣсколько дамъ), съѣхавшихся на это торжество изъ Вилкомира и другихъ мѣстъ, приготовлена была трапеза, въ очень приличномъ домѣ, занимаемомъ волостнымъ правленіемъ и училищемъ. (Въ этомъ же домѣ преосвященный благоволилъ помѣститься со свитою). Всѣ собрались на радушнопредложенный обѣдъ, и темою бесѣды гостей конечно было одно: о неожиданно и такъ-скоро устроенной въ Оникштахъ православной церкви. При тостѣ за здоровье великаго преобразователя Россіи--Государя Императора, архіерейскіе пѣвчіе исполнили народный гимнъ, — и громкое, радостное „ура“ повторилось троекратно, послѣ чего мѣстный уѣздный исправникъ

(онъ же и за военнаго начальника) И. А. Шишмаревъ, испросивъ благословеніе преосвященнаго, сказалъ слѣдующее: „Высокія впечатлѣнія минувшаго и настоящаго дня, по случаю освященія здѣсь въ мѣстечкѣ Оникштахъ, населенномъ иновѣрцами, православнаго храма, наполнили душу каждаго изъ насъ всѣ высказываютъ радость свою по случаю этого торжества православія; позвольте и мнѣ сказать нѣсколько словъ... Всѣмъ намъ хорошо извѣстно, что созиданіе церкви въ данномъ мѣстѣ вызывается потребностью населенія имѣть вблизи свою церковь. Правда, въ старинное время, въ первопрестольной столицѣ и другихъ городахъ нашихъ, храмы Божіи нерѣдко воздвигались по желанію и обѣтамъ князей, тамъ княжившихъ, богатыхъ бояръ и купечества, вслѣдствіе радостныхъ или горестныхъ общественныхъ и семейныхъ событій, но это исключенія. У нашего ревнителя православія, устроившаго здѣсь церковь, кромѣ ревностнаго желанія прославленія имени Творца вселенной, было ясное и вѣрное сознаніе дѣйствительной необходимости этого святаго дѣла, и заслуга его въ этомъ, по моему мнѣнію, неоцѣнима,—тѣмъ болѣе, что онъ, усмотрѣвъ эту дѣйствительную потребность тамъ, гдѣ, какъ многимъ казалось, не было ея, съумѣлъ выполнить начатое безъ средствъ дѣло съ полнымъ успѣхомъ. Вчера и сегодня мы уже видѣли притекшихъ въ новый храмъ чадъ православія, сохранившихъ завѣщанную имъ отъ предковъ вѣру,среди враднаго для него иновѣрнаго господства, неимѣвшихъ ни церкви, ни пастыря, а это развѣ не доказываетъ дѣйствительной надобности устройства здѣсь православной церкви? Я подкрѣплю это собранными мною здѣсь на мѣстѣ свѣдѣніями: въ окрестностяхъ м. Оникшты, на пространствѣ 20 верстъ въ разныя отъ него стороны, находится 74 православныхъ семействъ крестьянъ и поселенцевъ, всего 350 душъ. (1) И эта масса православныхъ вовсе не имѣла церкви! Но кто же можетъ отрицать быстрое умноженіе числа прихожанъ новой церкви, когда обрусеніе этого края дѣло рѣшенное? Наконецъ, если въ этой мѣстности живутъ православные, то конечно имъ нуженъ не костелъ, а православный храмъ. Довольно, слишкомъ довольно для насъ уроковъ минувшаго; скажите, гдѣ теперь древніе пра-

(1) Вотъ число православныхъ, живущихъ въ четырехъ католическихъ приходахъ: оникштынскомъ с. 42 д. 190 Скемянскомъ с. 22. д. 119. Свядоцкомъ с. 5 д. 12., Курклевскомъ с. 5. д. 29, всего с. 74 д. 350.

вославные храмы: уцянскій, (1) коварскій и прочіе. Они дав исчезли съ лица земли, отъ нихъ чуть сохранились преданія. Бл годареніе Богу за то, что еще осталось здѣсь хотя не много пр вославныхъ людей...

Но незначительность числа прихожанъ новой церкви не до жна смущать насъ. Мы горячо вѣруемъ, что это малое число, і благодати Божіей, скоро превратится въ большее.

„Ваше Преосвященство! вы приняли на себя трудъ прибы сюда, вы въ настоящій день совершили освященіе новаго право лавнаго храма, вы призывали благодать насъ: позвольте же мнѣ отъ имени искренно-уважаемаго строителя церкви, всѣхъ присут ствующихъ здѣсь и всѣхъ притекшихъ сюда въ оникшты чад православія благодарить васъ за все и просить принять искрен нее наше желаніе, чтобы ваше преосвященство, въ самомъ не отда ленномъ будущемъ, имѣли возможность сказать новымъ алексан дровскимъ прихожанамъ тоже, что сказалъ нѣкогда одинъ изъ пер вовеликихъ вселенскихъ святителей, св. Григорій Богословъ, свое константинопольской паствѣ: Нѣкогда паства эта," говорилъ великій святитель, „была малочисленна даже, по видимому, это была не паства, а малые слѣды и останки паствы; безъ надзора, безъ точныхъ предѣловъ, она не имѣла ни свободной пажити, ни огражденнаго двора, разсѣянная и разбросанная тамъ и здѣсь; всякій, помышляя о своемъ спасеніи, находилъ себѣ, по произволу, руководителя и пастыря, она была подобна стаду, которое львове изнуриша (іер.) погубила буря или разсѣялъ мракъ. Такова была нѣкогда паства сія, а нынѣ сдѣлалась благоустроенною и разширенною. Смотрите, языки противниковъ стали кротки и вооружившіеся противъ Божества безмолствуютъ предо мною!"

И такъ, да устраиваются православные храмы везде, гдѣ только есть православные люди, и да процвѣтаетъ и разширяется здѣсь и во всемъ этомъ краѣ, какъ и вездѣ, наша православная церковь и наша русская народность! Дружное „ура!" было отвѣтомъ на эти слова г. Шишмарева. Послѣ этого были провозглашены тосты за высокопреосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго и виленскаго, за преосвященнаго Александра, епис-

---

(1) Близъ м. Уцяны *) родился литовскій князь Александръ Довмонтъ, извѣстный ревнитель православія.

*) «Вил. Вѣст. печатаетъ: Уцянъ; не знаемъ, кто правъ Ред.

кона ковенскаго, за процвѣтаніе въ здѣшнемъ краѣ православія и русской народности, за начальника края и начальника губерніи, а потомъ преосвященнымъ Александромъ за тѣхъ дѣятелей края, которые въ дѣлѣ его обрусенія, не раздѣляютъ этой идеи отъ идеи о православіи, такъ какъ одно безъ другаго немыслимо, и В. К. Масальскимъ за возсоединенныхъ и принявшихъ православіе во всемъ западномъ краѣ. Дружное „ура" вторилось за каждымъ тостомъ. Вставъ изъ за этой, памятной всѣмъ участвовавшимъ въ ней, трапезы, надобно было собираться въ обратный путь. Было уже 6-ть часовъ вечера. Преосвященный Александръ также торжественно, какъ и прибылъ сюда, провожаемый народомъ, отправился въ обратный путь, совершивъ въ теченіи двухъ лѣтъ освященіе 35-й православной церкви въ литовской эпархіи, а за нимъ стали возвращаться восвояси и прочіе оникштынскіе гости. Такъ окончилось торжество освященія церкви въ Оникштахъ. Кстати скажемъ нѣсколько словъ о самой церкви. Она на каменномъ фундаментѣ, лѣсъ употребленъ сосновый; строена по проекту, изданному мин. гос. имущ. въ 1853 году для сельскихъ церквей и имѣетъ видъ креста, съ куполомъ надъ предалтарною частью и колокольней при входѣ, надъ которыми высятся мѣдные вызолоченные кресты. Высота до оконечности крестовъ 12 саж.; въ церкви вмѣщается до 300 чел. Иконостасъ писанъ въ вилкомирѣ, учителемъ живописи и рисованія, Г. Довнаромъ, и исполненъ добросовѣстно. На все устройство церкви, включая и лѣсной матеріалъ, употреблено деньгами до 1200 р. Сумма эта составилась, какъ выше объяснено, чрезъ сборъ и пожертвованія: такъ напримѣръ С. А. Масловъ, въ память командира Клястицкаго гусарскаго полка, полковника Дмитріева—Мамонова и супруги его, жившихъ въ вилкомирѣ съ 1823 по 1830 годъ, прислалъ деньгами 305 руб. и прекрасный образъ Св. благ. вел. кн Александра невскаго и св. муч. Софіи. В. Д. Левшинъ доставилъ разныхъ вещей на 300 руб.; мѣстные православные поселенцы собрали по $3^1/_2$ руб. съ дому и проч. Внутреннее украшеніе было поддержано въ особенности многими рукодѣльями православныхъ дамъ гг. Ковны и Вилкомира. Такъ былъ вышитъ коверъ въ 6 арш. длиною и 1 шир. шерстями, разостланный на полу изъ алтаря чрезъ царскія врата до амвона включительно. Иконостасъ и алтарь, не смотря на позднее время года, были украшены живыми цвѣтами и проч. и проч.

Благоговѣя предъ промысломъ Божіимъ, никогда не оставляющимъ уповающихъ на него, скажемъ искреннее русское „спасибо" строителю этой церкви В. К. Масальскому и всѣмъ поусердствовавшимъ посильными приношеніями на ея созиданіе и украшеніе (1).

И. Ш.

Вилкомиръ,
19 октября 1867 г.

(Ковен. губ. Вѣдом.)

Освященіе церкви во имя Вознесенія Господня въ Минскѣ.

Въ день Архистратига Михаила и день ангела мѣстнаго Архіепископа, 8-го ноября освящена его высокопреосвященствомъ каменная церковь во имя Вознесенія Господня, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ когда-то существовалъ православный монастырь. Церковь эта воздвигнута для училища дѣвицъ духовнаго вѣдомства, только что открытаго заботами того же архипастыря. Она очень не большая, не отличается блескомъ, но не лишена нѣкотораго изящества; зная цѣль, для какой она воздвигнута, мы въ самой ея простотѣ находимъ много привлекательнаго.

На освященіе этого храма народъ сталъ собираться съ ранняго утра, такъ что въ 10 часовъ церковь была уже полна. Тутъ были представители всѣхъ сословій; былъ начальникъ губерніи, начальникъ дивизіи, губернскій предводитель дворянства и всѣ высшіе сановники въ блестящихъ золотомъ мундирахъ, были и крестьяне въ сѣрыхъ кафтанахъ. Послѣ обычнаго обряда освященія церкви, совершена была литургія, на которой пѣли воспитанницы заведенія, на перемѣну съ хоромъ армейскихъ пѣвчихъ и для перваго раза—пѣніе это, было недурно. Проповѣдь говорилъ исправлющій должность ректора семинаріи іеромонахъ Анастасій и мы не обинуясь можемъ сказать, что такая проповѣдь выхо-

(1) Конечно нужды церкви еще значительны: слѣдуетъ дополнить ризницу и другія части церковнаго обзаведенія, а также устроить помѣщеніе священнику и причту и проч.; но нѣтъ сомнѣнія, что все это восполнится, при заботливости строителя церкви и сочувствіи православныхъ. Желающіе оказать посильную помощь могутъ адресовать въ вилкомиръ, на имя мироваго посредника Веніамина Константиновича Масальскаго.

дить изъ ряда обыкновенныхъ и потому сказать о ней несколько словъ будетъ не лишнимъ.

Взявъ за тему воспитаніе современной женщины вообще и необходимость воспитанія женщинъ духовнаго вѣдомства на другихъ совсѣмъ началахъ, отецъ Анастасій высказалъ такое глубокое и тонкое пониманіе этого дѣла, столько указалъ горькой и мѣткой правды въ современномъ направленіи женскаго воспитанія, что проповѣдь его всѣ слушали съ особеннымъ вниманіемъ, боясь проронить и единое слово. Проповѣдникъ говорилъ долго; но такъ увлекательно, умно и просто, что, кажется, еслибъ проповѣдь его продолжалась еще два часа, вниманіе слушателей было-бы къ ней приковано и никто-бы не вздумалъ заняться, какъ это на проповѣдяхъ случается,—разговорами. Проповѣдь эта напечатана въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и мы, что смѣемъ полагать слова наши о ней не покажутся преувеличенными.

Подъ конецъ обѣдни совершена была литія, на которой провозглашена вѣчная память „Болярину Михаилу“, ревностному поборнику православія въ здѣшнемъ краѣ, графу М. Н. Муравьеву, а на молебнѣ, послѣ обычнаго многолѣтія Государю Императору, Великимъ Князьямъ Михаилу Николаевичу, Михаилу Михайловичу, которыхъ тезоименитство въ этотъ день праздновалось, и всему царствующему Дому, провозглашено было многолѣтіе архіепископу Михаилу, учащимъ и учащимся и всѣмъ усердствовавшимъ при устройствѣ вновь открытаго учебнаго заведенія. По окончаніи божественной службы, которая продолжалась до 2 часовъ по полудни, выходя изъ алтаря высокопреосвященный архіепископъ Михаилъ сказалъ къ присутствующимъ краткое слово. Произнося его и дойдя до того мѣста, гдѣ онъ вспоминалъ, какъ православные жители г. Минска, въ неравной борьбѣ съ католицизмомъ, въ прежнее время, истощали всѣ нравственныя и матеріальныя силы, а православіе въ теченіе времени до того оскудѣло, что 13 оставшихся безъ прихожанъ храмовъ обратились въ развалины, а нива Божія засыпана была костьми православныхъ, страдавшихъ всю жизнь за вѣру и народность русскую и оставлена на поруганіе подъ застройку евреевъ—какъ и та мѣстность, на которой Господь сподобилъ нынѣ построить этотъ храмъ,—архипастырь заплакалъ и съ трудомъ могъ продолжать далѣе.

Изъ церкви его высокопреосвященство въ мантіи и въ сопровожденіи всѣхъ присутствовавшихъ сановниковъ высшихъ и

низшихъ, отправился въ зданіе училища, гдѣ, послѣ окропленія святой водой всѣхъ комнатъ, учитель словесности духовной семинаріи прочиталъ актъ объ открытіи училища. Изъ этого акта мы узнали, что въ 1863 году правительство, не смотря на существованіе подобнаго училища въ м. Паричахъ, отнесло минскую епархію къ числу такихъ, въ которыхъ предположено было дать духовенству средства къ приличному образованію его дочерей въ духѣ православія и русской народности, въ противодѣйствіе вліянію со стороны католицизма и польскаго направленія, и въ этихъ видахъ, по составленному и 18 ноября 1863 года Высочайше утвержденному уставу и штату училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, на минское училище ассигновано содержаніе 7140 руб. въ годъ, съ тѣмъ, чтобы на счетъ означенной суммы устроить со всѣми принадлежностями училищное зданіе въ трехъ-лѣтній срокъ. По разсмотрѣніи проектовъ, представленныхъ архіепископомъ Михаиломъ въ св. синодъ, согласно мысли архіепископа, разрѣшено устроить училище въ г. Минскѣ на Троицкой горѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ издревле находился православный монастырь во имя Вознесенія Господня, разрушенный вслѣдствіе польскаго вліянія. Живописное и довольно уединенное мѣсто, на которомъ предполагалась постройка училища, отдано было въ вѣчное чиншевое владѣніе; почему архіепископъ ходатайствовалъ предъ св. синодомъ объ отпускѣ суммы на пріобрѣтеніе означеннаго плаца и находящихся на немъ построекъ, и синодъ, уваживъ это ходатайство, отпустилъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ на указанный предметъ 2300 руб.; но по разсмотрѣніи смѣты оказалось, что наличныхъ средствъ для устройства училища недостаточно, такъ какъ по Высочайше-утвержденному проэкту и смѣтѣ на постройку училища требовалось 32873 руб., а между тѣмъ изъ суммъ училища, за отпускомъ денегъ въ вѣдѣніе Г-жи Пущиной на содержаніе 40 воспитанницъ училища въ м. Паричахъ, въ предположенный 3-хъ лѣтній срокъ, могло составиться только около 20000 р., и потому архіепископъ входилъ вновь съ ходатайствомъ объ усиленіи средствъ для скорѣйшаго возведенія училища и по его ходатайству отпущено было еще 4000; но и при этихъ средствахъ постройкга училища могла бы замедлиться, еслибъ ускоренію дѣла не помо ла благодѣтельная распорядительность покойнаго графа М. Н. Муравьева, который назначилъ, по ходатайству архіепископа Михаила, въ пособіе къ наличнымъ средствамъ училища

9000 р. и 18000 на возстановленіе православнаго храма во имя Вознесенія Господня,—и тогда постройка отдана была по контракту минскому купцу А. А. Свѣчникову. Наконецъ, для постройки при училищѣ службъ, найдено было необходимымъ присоединить сосѣдній, принадлежащій архіерейскому дому, плацъ, который и былъ отданъ архіепископомъ въ собственность училища, а находящіяся на томъ плацѣ строенія пріобрѣтены за 2500 руб., изъ которыхъ одна половина испрошена отъ св. синода, а другая пополнилась пожертвованіями духовенства.

Училище дѣвицъ духовнаго званія минской епархіи, находящееся, подобно другимъ женскимъ учебнымъ заведеніямъ, подъ высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, по программѣ ученія направлено къ тому, чтобы воспитанницы, усвоивъ правила благочестія по ученію православной церкви и воспитанныя при отсутствіи великой роскоши и излишества въ русскомъ народномъ духѣ, могли впослѣдствіи имѣть благотворное вліяніе на окружающую ихъ среду. По штату, при училищѣ полагается: начальница училища, законоучитель и необходимое число другихъ учителей, три наставницы одна помощница наставницъ, смотритель дома, докторъ и письмоводитель. Воспитанницъ полагается 45 казенныхъ, 15 пансіонерокъ, и 1 пансіеонерка Государыни Императрицы; всѣ воспитанницы раздѣляются на три класса: старшій, средній и младшій. Нынѣ всѣхъ воспитанницъ 60. Начальницей, по распоряженію г. оберъ-прокурора, назначена вдова, княгиня Варвара Яковлевна Гагарина, женщина, какъ говорятъ, высокообразованная и которая, въ преклонныхъ уже лѣтахъ, изъявила готовность посвятить свои труды на пользу здѣшняго края. Вообще наружный видъ училища скромный, но вполнѣ приличный. Мы забыли сказать, что въ залѣ училища, одна воспитанница изъ высшаго класса, дѣвица Минкевичъ, смѣло и бойко подошла къ преосвященному и отъ лица всѣхъ воспитанницъ поздравила его съ днемъ его ангела, пожелала ему долгихъ лѣтъ. Въ заключеніе этого, по истинѣ, умилительнаго торжества пропѣтъ былъ народный гимнъ, а потомъ архипастырь со всѣми присутствующими отправился на закуску къ строителю церкви городскому головѣ А. А. Свѣчникову, у котораго вечеромъ собрались и дамы. Говорить о громадныхъ въ будущемъ пользахъ отъ вновь открытаго въ Минскѣ училища для дѣвицъ духовнаго вѣдомства намъ не приходится, потому что дѣло говоритъ само за себя гром-

ко. Льстить сильнымъ міра сего также не въ нашихъ привычкахъ, но мы не можемъ не высказать нашего убѣжденія, что связанное съ открытіемъ этого заведенія имя архіепископа Михаила, въ средѣ здѣшняго духовенства, да и вообще православныхъ жителей здѣшняго края, должно перейти въ потомство, и онъ при жизни соорудилъ себѣ памятникъ, который не сокрушитъ и время (1).

Гольцъ-Миллеръ.

(Мин. Г. Вѣдом.)

Освященіе церкви въ слуцкомъ Св. Троицкомъ монастырѣ.

Въ воскресенье, 12 ноября, высокопреосвященный Михаилъ, архіепископъ минскій и бобруйскій, освящалъ вновь воздвигнутый храмъ слуцкаго Свято-Троицкаго монастыря, а въ среду, 15 числа, по единодушному желанію возвратившихся въ православіе прихожанъ замостьскаго прихода, освятилъ вновь устроенную, на ихъ пожертвованія, изъ бывшаго костела каменную церковь. Оба случая эти заслуживаютъ особаго вниманія.

Слуцкій Свято-Троицкій монастырь принадлежитъ къ числу тѣхъ святынь здѣшняго края, которыя, въ продолженіи двухъ вѣковъ, терпѣливо выдержали весь гнетъ католицизма и остались вѣрными православію. Монастырь этотъ основанъ былъ въ концѣ XVI столѣтія (въ 1585 году), прямымъ потомкомъ святаго князя Владиміра, Юріемъ Юрьевичемъ Олелько, родъ котораго пресѣкся выходомъ послѣдней княжны въ замужество за *православнаго* князя Радивила, которому достались, въ приданое отъ жены, обширныя имѣнія въ Мозырскомъ, Пинскомъ, Борисовскомъ и другихъ уѣздахъ, а равно и самый г. Слуцкъ, впослѣдствіи купленный нашимъ правительствомъ. Въ ризницѣ монастырской и до сего времени хранятся 62 рукописныя книги (и въ томъ числѣ полное Евангеліе съ виньетками), писанныя членами княжеской фамиліи Олельковъ и барма князя Юрія Юрьевича, т. е. родъ большой панагіи на толстой серебряной цѣпи.

(1) Жаль, что изъ этого прекраснаго описанія »Виленскій Вѣстникъ» забраковалъ едвали не лучшія тирады. *Ред.*

Назадъ тому два года, мнѣ довелось видѣть бѣдныя деревянныя келіи Троицкаго монастыря и начало работъ по возведенію новыхъ зданій. Теперь, при въѣздѣ въ монастырь, обнесенный новою каменною оградой, взору вашему представляется прежде всего церковь, воздвигнутая надъ вратами, на подобіе тѣхъ, которыя вы встрѣчаете, въѣзжая въ Троицко-Сергіевскую или Александро-Невскую лавры. Далѣе, въ глубинѣ монастырской площади, красуется длинное (52 саж.) двухъ-этажное изящной архитектуры зданіе, обращенное къ сѣверу. Въ немъ, кромѣ двухъ-ярусной церкви, прекрасно устроены и прилично меблированы помѣщенія для намѣстника (архіепископа), игумена, братіи, трапезы, кухни и проч.

Рѣшившись приступить къ постройкѣ монастыря, о. игуменъ Геронтій имѣлъ въ рукахъ смѣту слишкомъ на 47.000 р., а въ наличности 7 т. и имъ же устроенный кирпичный заводъ; впослѣдствіи покойный графъ М. Н. Муравьевъ прислалъ пособіе въ 3 т. руб. и съ этими, относительно ничтожными, средствами заботливый, неутомимый и всѣми уважаемый служитель церкви, съ изумительною быстротою, съумѣлъ начать и кончить всѣ эти капитальныя сооруженія.

Упомянувъ о монастырѣ и объ освященномъ 12 ноября храмѣ его во имя Благовѣщенія, несправедливо было бы умолчать о томъ, что внутреннему устройству и украшенію храма, ризницы и утвари, много содѣйствовали русскія дамы и въ особенности супруга мироваго посредника, Надежда Сергѣевна Тюфяева.

Во время священнодѣйствія, мнѣ довелось замѣтить стоявшаго въ алтарѣ и, какъ мнѣ сказали, приготовлявшагося къ принятію православія, католическаго священника, который внимательно слѣдилъ за обрядами освященія и крестное знаменіе дѣлалъ по русски. Обращаясь за тѣмъ къ другому храму, я долженъ сказать, что еще наканунѣ освященія замостьской церкви (въ 22 верстахъ отъ Слуцка), я нашелъ въ ней одинъ только вновь поставленный иконостасъ и основаніе алтаря. Каково же было мое удивленіе, когда на другое утро все необходимое было уже на мѣстѣ, а во время священнодѣйтсвія въ храмъ этотъ, за множествомъ народа, трудно было протиснуться? Это отрадное событіе и направлено, и окончено было заботами и пламеннымъ усердіемъ мѣстнаго мироваго посредника Владиміра Адріановича Захарова, который, съ разрѣшенія г. губернатора, умѣлъ изыскать домашнія средства на всѣ расхо-

ды, сопряженные съ приличнымъ устройствомъ новаго православнаго храма. Храмъ этотъ, во имя св. Владиміра, тѣмъ замѣчателенъ, что на этомъ самомъ мѣстѣ издревле стояла деревянная православная церковь, обращенная сперва въ уніятскую, а потомъ и въ костелъ. Самое устройство алтаря на востокъ, а не на западъ, свидѣтельствуютъ о его происхожденіи.

По окончаніи литургіи, высокопреосвященный Михаилъ благословилъ народъ и бывшихъ въ парадѣ гусаръ Митавскаго полка, явившихся на церковное торжество съ ихъ начальникомъ, полковникомъ Горскимъ, и нѣсколкими офицерами.

Во время завтрака, на который всѣ присутствовавшіе приглашены были супругою мироваго посредника, Фаиною Павловною Захаровой, я любовался пестрою толпой посѣтителей и, невольно припоминая былое и сравнивая его съ настоящимъ, пришелъ къ убѣжденію, что замѣчательная поговорка: *„плебана для пана, а попа для хлопа“* окончательно утратила свой смыслъ и значеніе. Теперь здѣшніе простолюдины православную вѣру не называютъ уже, какъ прежде, хлопскою вѣрою, но величаютъ ее царскою вѣрою. Лѣтъ 30 тому назадъ и даже менѣе, священнику, являвшемуся за своими нуждами къ помѣщику, приводилось по нѣскольку часовъ сидѣть въ передней, куда ему удостоивали высылать иногда рюмку водки и приказывали *донести* о дѣлѣ управляющему, который уже докладывалъ пану и объявлялъ словесную резелюцію! Ксендзъ, напротивъ того, имѣлъ полное право безцеремонно проводить время въ семьѣ первѣйшаго магната и не отказывался отъ удовольствій большаго свѣта.

Все это до очевидности понятно будетъ, если вспомнимъ, что въ ксендзы посвящались сыновья обѣднѣвшихъ аристократовъ, потому что никакое званіе не представляло столько шансовъ къ скорому обогащенію, какъ духовное. Такъ, напримѣръ, глубокскій кармелитскій монастырь (близъ г. Дисны), имѣвшій до 20 монаховъ, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ въ 4000 душъ. Мудрено-ли, что молодой человѣкъ, съ большими связями, бросался въ монашество, чтобы удобнѣе наслаждаться жизнію; въ уніатскіе же священники, обреченные по большей части невѣжеству и уничиженію, не рѣдко посвящались, по ходатайству помѣщиковъ-католиковъ, ихъ крѣпостные люди! Взвѣсивъ такія вопіющія противоположности между прежнимъ бытомъ католиковъ и уніатовъ (о православныхъ и говорить нечего), невольно удивляешься тѣмъ высо-

кимъ христіанскимъ доблестямъ, которыя удержали немногихъ изъ предковъ нашего православнаго духовенства и мирянъ отъ соблазна примкнуть къ латинству.

Кончу тѣмъ, что въ Полѣсьѣ и Слуцкомъ уѣздѣ сохранилась доселѣ пѣсня, начинающаяся такъ:

Ой, колыбъ, колыбъ Москали пришлы,
Москали пришлы, наши родные,
Наши родные, вѣры одные и т. д.

Мнѣ кажется, эти задушевныя слова говорятъ многое....

Л. Ломачевскій.

(Вил. Вѣстн.)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Циркуляръ г. главнаго начальника сѣверо-западнаго края гг. губернаторамъ.

Хотя по ст. 1,508 т. IX о сост. инород. въ городахъ, гдѣ евреи приписаны, они суть члены тамошнихъ обществъ и подчинены общему управленію, тѣмъ не менѣе они въ дѣйствительности повсюду составляютъ отдѣльныя общества отъ христіанъ. По ст. 483 т. III уст. о сл. по выбор. они образуютъ изъ себя для денежныхъ сборовъ особые участки, избираютъ особыхъ старостъ, имѣютъ особыхъ сборщиковъ податей, по ст. 821 т. II учрежд. инор., и отправляютъ рекрутскую повинность отдѣльно отъ христіанъ. Такое привилегированное положеніе евреевъ служитъ лишь къ большему укрѣпленію замкнутости евреевъ не только безъ всякой существенной пользы для правительства, но даже со вредомъ для онаго. Отдѣльность эта влечетъ множество злоупотребленій и тяжела для большинства самихъ евреевъ, такъ-какъ она способствуетъ сохраненію въ тайнѣ кагальнаго управленія евреевъ, отмѣненнаго правительствомъ.

Въ то же время отдѣльность эта, ставя еврея въ независимое положеніе отъ христіанскихъ обществъ, даетъ ему возможность злоупотреблять своими отношеніями къ христіанамъ, такъ-какъ каждый еврей хорошо знаетъ, что въ этомъ случаѣ всегда найдетъ себѣ поддержку и защиту въ своемъ общественномъ управленіи. Кромѣ городовъ, евреи проживаютъ въ мѣстечкахъ и селеніяхъ

оставаясь въ мѣщанскомъ званіи; эти-то послѣдніе болѣе другихъ эксплуатируютъ трудъ земледѣльца-христіанина, и противъ нихъ въ особенности возстаетъ общественное мнѣніе.

Эта отдѣльность еврейскихъ обществъ, по моему мнѣнію, необходимо должна быть уничтожена, и при этомъ евреи, проживающіе въ селеніяхъ христіанъ, а равно въ мѣстечкахъ, не имѣющихъ отдѣльнаго общественнаго управленія, должны быть приписаны къ составу тѣхъ сельскихъ обществъ, въ предѣлахъ коихъ они проживаютъ, за исключеніемъ разумѣется лицъ, принадлежащихъ купеческому сословію. Считаясь общественникомъ того сельскаго общества, среди коего онъ живетъ, еврей не будетъ уже полновластнымъ хозяиномъ, какимъ онъ является въ настоящее время; отбывая всѣ повинности, за исключеніемъ поземельной подати, съ однообщественниками, онъ будетъ связанъ съ ними общимъ интересомъ и подчиненъ одной и той же власти, и притомъ находящейся вблизи. Если не нравственное чувство, то общность интересовъ и страхъ силы мірской власти послужатъ къ обузданію страсти наживаться всѣми, часто непозволительными, средствами бѣдняка-земледѣльца. Правительство въ этомъ случаѣ будетъ въ выигрышѣ, получая съ нихъ подушную подать и другія повинности, возложенныя на сельскихъ обывателей.

Но при этомъ въ здѣшнемъ краѣ является возможность такого случая, что въ нѣкоторыхъ городахъ и мѣстечкахъ численность евреевъ будетъ превышать христіанъ, и тогда общественное управленіе послѣднихъ могло бы подпасть подъ власть евреевъ. Чтобъ устранить это неудобство, необходимо установить, независимо отъ обязательнаго числа голосовъ для постановленія общественныхъ приговоровъ, чтобъ въ постановленіи оныхъ участвовало не менѣе $2/3$ наличнаго числа христіанъ, и притомъ чтобъ большинство изъ нихъ было согласно съ постановленіемъ общества: напримѣръ, въ обществѣ, состоящемъ изъ 30 христіанъ и 60 евреевъ, общественный приговоръ могъ бы считаться состоявшимся только тогда, если въ составленіи онаго участвовало не менѣе 20 христіанъ, и 11 изъ нихъ были согласны съ мнѣніемъ большинства.

Предположеніе это составляетъ предметъ особой важности, ибо оно должно лечь краеугольнымъ камнемъ въ преобразованіи управленія евреями, и потому предположеніе это требуетъ всесторонняго, основательнаго обсужденія.

Посему, сообщая о вышеизложенномъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу представить мнѣ по означенному предмету ваше заключеніе.

При этомъ, принимая во вниманіе, что еврейскія общества имѣютъ нѣкоторыя благотворительныя заведенія, содержимыя насчетъ общественныхъ суммъ, что нѣкоторыя изъ нихъ владѣютъ капиталами и недвижимыми имуществами, а другія сами состоятъ въ долгу и на многихъ обществахъ числятся недоимки, какъ дене-

женія такъ и рекрутскія, а потому, для окончательнаго и всесторонняго обсужденія вопроса о возможности слиянія еврейскихъ обществъ съ христіанами, необходимо собрать подробныя о семъ свѣдѣнія, покорнѣйше прошу нынѣ же донести мнѣ:

1. О числѣ жителей въ городахъ и мѣстечкахъ, какъ христіанъ такъ и евреевъ, по каждому городу и мѣстечку особо.

2. О числѣ домовъ, принадлежащихъ какъ тѣмъ такъ и другимъ въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ и о числѣ домохозяевъ изъ нихъ.

NB. Въ показаніяхъ о мѣстечкахъ должно быть объяснено, имѣютъ ли они законное право на такое названіе.

3. О всѣхъ благотворительныхъ заведеніяхъ евреевъ, какъ-то: талмудторахъ, госпиталяхъ, богадѣльняхъ и т. п., съ объясненіемъ, гдѣ они находятся и на какой счетъ содержатся.

4. О всѣхъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ, принадлежащихъ еврейскимъ обществамъ и о доходахъ, съ нихъ получаемыхъ.

5. О состояніи коробочныхъ сборовъ и о запасныхъ капиталахъ этого сбора, а также копій съ дѣйствующихъ нынѣ смѣтъ.

6. О деньгахъ и недоимкахъ, числящихся на еврейскихъ обществахъ, въ томъ числѣ и о рекрутской недоимкѣ.

(*Вил. Губ. Вѣдом.*).

Какимъ образомъ положено было начало непосредственнымъ сношеніямъ холмскихъ уніатскихъ епископовъ съ римскимъ престоломъ.

Епископъ холмской греко-уніатской епархіи Цѣхановскій, 29 марта 1819 г., препроводилъ къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, для представленія на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе, всеподданнѣйшую просьбу отъ себя и отъ всего русскаго духовенства холмской епархіи о дозволеніи холмскому епископу сноситься по духовнымъ дѣламъ его епархіи съ греко-уніатскимъ митрополитомъ въ Россіи, Булгакомъ.

Правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, 15 апрѣля 1819 г., отвѣчала епископу, что просьбы его. какъ запечатанной, Его Императорскому Величеству она представить не можетъ.

Къ сему правительственная коммиссія присовокупила, во 1-хъ, что она не только не находитъ необходимымъ, дабы холмскій греко-уніатскій епископъ по духовнымъ дѣламъ зависѣлъ отъ митрополита, проживающаго въ Россіи, но даже признаетъ это неудобнымъ для епископа, ибо на основаніи существующихъ узаконеній,

переписка между духовными властями, находящимися внѣ Царства, можетъ производиться только посредствомъ правительства, а потому самому, переписка между нимъ и митрополитомъ подвергалась бы остановкамъ и замедленіямъ; во 2-хъ, что бывали примѣры непосредственной зависимости нѣкоторыхъ латинскихъ епархій отъ римскаго двора по духовнымъ дѣламъ, а потому и холмская епархія можетъ получить это преимущество, и въ 3-хъ, наконецъ, что если епископъ возъимѣлъ намѣреніе подчиниться власти митрополита въ Россіи съ тою цѣлью, чтобы воспользоваться духовными милостями, которыя тотъ получилъ отъ папы, то правительственная коммиссія полагаетъ, что подобныя милости могли бы быть исходатайствованы и для него, холмскаго епископа.

Епископъ Цѣхановскій отвѣчалъ на это, что не было дотолѣ ни одного примѣра, чтобы русская епархія по духовнымъ дѣламъ находилась когда нибудь въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ римскимъ дворомъ, ибо на основаніи папскихъ постановленій и правъ, предоставленныхъ русскимъ митрополитамъ, со времени существованія уніи, сношенія сіи дѣлались не иначе, какъ посредствомъ митрополита, и что такъ какъ на основаніи существующихъ въ Царствѣ Польскомъ узаконеній епископъ можетъ сноситься съ римскимъ дворомъ или съ находящимся въ Россіи митрополитомъ только посредствомъ правительства, то онъ, епископъ Цѣхановскій, находитъ болѣе соотвѣтственнымъ сноситься по церковнымъ дѣламъ съ русскимъ митрополитомъ Булгакомъ, нежели съ римскимъ дворомъ; митрополитъ, проживая въ предѣлахъ имперіи, принадлежащей, какъ и Царство Польское, одному и тому же Государю, безпрепятственно можетъ принимать участіе въ духовныхъ дѣлахъ холмской епархіи. Это тѣмъ желательнѣе, что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1818 г., митрополитъ Булкакъ получилъ отъ папы всѣ тѣ права, преимущества и власть, какими съ давнихъ временъ пользовались русскіе митрополиты.

Къ сему епископъ Цѣхановскій присовокупилъ, что на основаніи вообще правилъ восточной церкви, онъ можетъ имѣть право сноситься по духовнымъ дѣламъ съ греко-уніатскимъ митрополитомъ въ Россіи, и просилъ правительственную коммиссію о представленіи на высочайшее благоусмотрѣніе вышеупомянутой всеподданнѣйшей просьбы его, которую на этотъ разъ представилъ не запечатанною.

Содержаніе этой просьбы было слѣдующее:

«Вседержавнѣйшій, Всеавгустѣйшій, Всемилостивѣйшій Го-
«сударь»!

«Всякое вѣроисповѣданіе, всякое религіозное общество имѣетъ, «на основаніи церковныхъ законовъ, непосредственное надъ собою «начальство; одинъ только холмскій греко-уніатскій епископъ «въ Царствѣ Польскомъ, подъ всемилостивѣйшимъ скипетромъ Ва-«шего Величества состоящій, не подчиненъ никакому митропо-

«литу, какъ подлежащему духовному своему начальству. Не можетъ онъ, епископъ, имѣть никакихъ сношеній по духовнымъ «дѣламъ съ галицкимъ митрополитомъ, хотя имъ былъ посвященъ «въ епископы, ибо тотъ находится внѣ предѣловъ владѣній Ва«шего Императорскаго Величества.»

«Посему холмскій греко-уніатскій епископъ могъ бы сноситься «по церковнымъ дѣламъ только съ проживающимъ въ Россійской «Имперіи, подъ всемилостивѣйшимъ скипетромъ Вашего Величества, «греко-уніатскимъ митрополитомъ.»

«Въ неусыпномъ попеченіи о цѣлости и благѣ вѣры Христо«вой, Ваше Величество первенствуете предъ другими монархами, «и народы Европы взираютъ на сіе съ благоговѣніемъ».

«Побуждаемый заботою и попеченіемъ о благѣ духовенства «и вѣрнаго народа холмской епархіи, епископъ осмѣливается, отъ «имени холмскаго русскаго духовенства, всеподданнѣйше просить «о всемилостивѣйшемъ дозволеніи сноситься ему по духовнымъ «дѣламъ съ упомянутымъ греко-уніатскимъ митрополитомъ, по ми«лости Вашего Императорскаго Величества, не задолго предъ симъ «въ этомъ званіи постановленнымъ.»

«Всемилостивѣйшее удовлетвореніе сей всепокорнѣйшей прось«бы епископа побудитъ какъ его самаго, такъ и подвѣдомствен«ное ему духовенство усугубить теплыя молитвы предъ алтаремъ «Господнимъ о продолженіи царствованія Вашего Величества, и «о постоянномъ благоденствіи всего Августѣйшаго Дома Вашего «Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Государя моего».

«Сію всепокорнѣйшую просьбу епископъ, съ цѣлымъ своимъ «духовенствомъ, какъ изліяніе чувствъ глубочайшаго благоговѣнія «къ своему Монарху, считаетъ обязанностію и честію повергнуть «къ подножію престола Вашего Императорскаго Величества, Все«милостивѣйшаго Государя моего. Вѣрный подданный и посто«янный богомолецъ».

Правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не поднесла однако же сей просьбы на Высочайшее благоусмотрѣніе, и отъ 18 мая 1818 г., увѣдомила епископа Цѣхановскаго, что такъ какъ холмская епархія прекратила съ давняго времени свои сношенія съ уніатскимъ митрополитомъ въ Россіи, а послѣ того зависѣла отъ львовскаго архіепископа, и неизвѣстно, отчуждена ли она отъ подчиненія ему рѣшеніемъ высшей духовной власти, то правительственная коммиссія, полагая нужнымъ въ столь важномъ дѣлѣ соблюсти всѣ приличія и законы, находитъ соотвѣтственнымъ пріостановить дальнѣйшій ходъ дѣла насчетъ сношеній холмскаго епископа съ уніатскимъ митрополитомъ въ Россіи до того времени, пока правительственная коммиссія, во время бытности епископа въ Варшавѣ, не войдетъ съ нимъ въ ближайшіе переговоры по сему предмету,

Какой дальнѣйшій ходъ сему дѣлу дала правительственная ком-

миссія духовныхъ дѣлъ—неизвѣстно. Неизвѣстно также, вслѣдствіе чего и когда епископъ Цѣхановскій перемѣнилъ свое намѣреніе подчиниться греко-уніатскому митрополиту въ Россіи.

Впрочемъ, въ письмѣ епископа Цѣхановскаго, отъ 27 февраля 1822 г., къ министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ Царствѣ, оставленіе своего намѣренія сноситься съ митрополитомъ, находящимся въ Россіи, епископъ объясняетъ слѣдующими затрудненіями:

а) получить на это именное соизволеніе Его Императорско-Царскаго Величества.

б) получить свѣдѣнія, будетъ ли это согласно съ волею римскаго двора.

в) имѣть переписку съ отдаленнымъ отъ Холма С.-Петербургомъ, гдѣ проживаетъ греко-уніатскій митрополитъ.

Вскорѣ послѣ этого, на ходатайство холмскаго епископа объ учрежденіи при холмской каѳедрѣ капитула, правительственная коммиссія отвѣчала слѣдующее:

1. Такъ какъ въ Россіи и Австріи при каѳедрахъ греко-уніатскихъ епископовъ состоятъ капитулы, и такъ какъ было бы соотвѣтственнымъ и въ Царствѣ Польскомъ учредить подобный капитулъ; и

2. Такъ какъ епископу долженъ быть извѣстенъ путь къ сношенію съ римскимъ дворомъ, у коего чрезъ посредство правительства должна быть исходатайствована учредительная грамота (Erekcia) для капитула, то правительственная коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, соглашаясь на учрежденіе при холмской греко-уніатской каѳедрѣ капитула, съ назначеніемъ на содержаніе онаго по 18,000 злотыхъ въ годъ, предлагаетъ епископу, для испрошенія нужной утвердительной грамоты, обратиться къ римскому двору, и надлежащее по сему предмету прошеніе представить въ правительственную коммиссію.

Епископъ Цѣхановскій, отъ 1-го іюля 1822 года, возразилъ на это, что онъ не находитъ никакой необходимости обращаться по сему предмету къ римскому двору, и такъ какъ галицкій митрополитъ получилъ отъ папы власть, необходимую для учрежденія капитула, то остается лишь правительственной коммиссіи утвердить полученную въ Холмѣ отъ сего митрополита грамоту на это учрежденіе.

Правительственная коммиссія не удовлетворила однако же таковой просьбы епископа, и 25 іюня 1822 года увѣдомила его, что данная галицкому митрополиту папская булла Пія VII, на которую епископъ ссылается, не упоминаетъ ничего о холмскомъ капитулѣ, и потому если епископъ желаетъ, чтобы учрежденію холмскаго капитула данъ былъ успѣшный ходъ, то онъ долженъ обратиться по сему предмету установленнымъ порядкомъ къ римскому двору.

Епископъ Цѣхановскій, послѣ всего вышеозначеннаго, рѣшился наконецъ 10-го сентября 1822 г. представить правительственной коммиссіи требуемое письмо къ римскому двору, и просилъ о пересылкѣ его установленнымъ порядкомъ къ папѣ.

Правительственная коммиссія, представляя письмо епископа Цѣхановскаго намѣстнику Царства для отсылки его въ Римъ, не упомянула ничего о томъ, что холмскій греко-уніатскій епископъ ходатайствовалъ прежде о подчиненіи его власти греко-уніатскаго митрополита въ Россіи, и что подавалъ даже на Высочайшее имя всеподданнѣйшую просьбу по сему предмету отъ себя и всего своего духовенства, что эта просьба не была доведена до Высочайшаго свѣдѣнія, и что по настояніямъ лишь правительственной коммиссіи, онъ, епископъ, рѣшился наконецъ обратиться къ папѣ.

(*Варшав. Дневн.*).

Русское населеніе въ царствѣ Польскомъ (*).

Русское населеніе распространено было не только на всемъ пространствѣ между Вислою и Бугомъ, но и за Вислой. О древнихъ границахъ Руси, доходящихъ до Кракова, свидѣтельсвуетъ грамота, относящаяся къ концу X-го вѣка, которою дарится папѣ Іоанну XV Княжество Польское съ столицею Гнѣзно; въ ней сказано: usque in locum, qui dicitur Russe, et fines Russe extendente usque in Cracoa (Antiquitates Italiae V 831). На сѣверѣ граница эта доходила до Опатова. Въ 1236 году, князь вратиславскій Генрихъ Бородатый учредилъ опатовскую епископію «для Руси надвислянской», живущей «по обѣимъ сторонамъ Вислы между Люблиномъ и Опатовымъ». Народонаселеніе этихъ странъ ознакомилось впервые съ христіанскою вѣрою, во времена первыхъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, которые, въ бытность свою въ Моравіи, разсылали проповѣдниковъ христіанства въ страны по обоимъ берегамъ Вислы, и на всемъ этомъ пространствѣ принятъ былъ восточный славянскій обрядъ. Но уже въ половинѣ, а особенно въ концѣ X вѣка, начались дѣйствія латинской пропаганды, стремившейся уничтожить восточный обрядъ, и замѣнить его латинствомъ. Въ тоже время прагскій епископъ *Войтехъ* (Адаль-

(1) Заимствуемъ эту статью изъ № 2 циркуляра по управленію варшавскимъ учебнымъ округомъ, за октябрь 1867 г. Самая же статья взята изъ записки, читанной, при открытіи въ Замостьѣ русской прогимназіи, инспекторомъ оной А. С. *Худзинскимъ*, который въ исторической части этой записки пользовался слѣдующими источниками: 1) изданнымъ въ Львовѣ сочиненіемъ *Петрушевича*, — „Холмская Епархія“; 2) грамотами польскихъ королей, пожалованными Іоанну и другимъ Замойскимъ и г. Замостью; 3) дѣлами замостскаго магистрата, хранящимися въ бывшемъ крѣпостномъ архивѣ; 4) холмскими календарями «annales Ecclesiae Ruthenae;» 5) исторіей церкви Балудянскаго, издан. въ Вѣнѣ, и нѣкоторыми другими.

бертъ) былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ гонителей русскаго народа и грековосточнаго обряда. Въ одномъ изъ сказаній о Кириллѣ и Меѳодіѣ говорится о немъ такъ: пришедъ Войтехъ Моравскій «въ Мораву и въ Чехи и въ Ляхи, разрушиша вѣру право-«вѣрну и русскую грамоту отверже, и латинскую грамоту и вѣру «постави. правыя иконы пожьже. а епископы посече, а другая разгнавъ».... далѣе говорится: «иде въ прускую землю и тамо убіенъ бысть».—Около того же времени (995 г,) славянорусскіе епископы были изгнаны изъ Панноніи и Польши. Подобному же изгнанію подверглись славянорусскіе монахи по смерти Болеслава Храбраго (1025 г.). Въ Польшѣ употреблялись еще славянскія письмена при Болеславѣ Великомъ, какъ видно изъ найденныхъ около города Пинчова (радом. губ.) монетъ, на которыхъ находится славянская надпись «Болеславъ».—Наконецъ, самъ отецъ Болеслава, Мечиславъ, былъ крещенъ по восточному обряду, и потомъ уже перешелъ въ латинство. На всемъ этомъ пространствѣ находились русскія церкви. Такъ, въ г. Судомирѣ (измѣнившемся подъ польскимъ вліяніемъ въ Сандоміръ) въ 1261 г. совершалось богослуженіе по восточному обряду: «придоша же (Татары) къ «Сандомирю.... церква же бяше въ городѣ камена, велика и пре-«дивна». Тамъ же, въ церкви св. Іакова, находятся гробы славянскихъ епископовъ, а у Сейковскаго, въ его сочиненіи: „Dni roczne ś. zakonu Kaznodziejskiego" прямо говорится, что костелъ св. Іакова „pierwszy i najdawniejszy w Sandomierzu był przed oddaniem Do-„minikanom russkiej religii, w ktorém odprawiała Ruś swoje nabo-„żeństwo". Также точно была церковь въ г. Лисцѣ (Łysa góra): „потомъ же пойдоша къ Лисцю городу...городъ же бяше въ лѣсѣ „на горѣ, церква же бяше въ немъ каменна Святой Тройцѣ". Въ г. Казимірѣ, еще въ XV вѣкѣ, была русская церковь Сошествія Святаго Духа; даже и въ настоящее время на одномъ изъ старинныхъ зданій этого города, гдѣ помѣщается ратуша, находятся слѣды древней иконописи въ византійскомъ стилѣ. По всей вѣроятности, русскія церкви находились также въ *Вислицѣ* и *Тынцѣ*, ибо были греческой архитектуры. О вислицкой Длугошъ говоритъ: „Fabricata erat Vislicensis ecclesia a primaeva sui fundatione quadro „lapide, anguste tamen et obscure, cum cripta subterranea in pris-„corum et praesertim Praecorum more". Даже въ Краковѣ на Клепарѣ находилась церковь Св. Креста, гдѣ около 1390 года еще совершалось богослуженіе на славянскомъ языкѣ. Сарницкій, одинъ изъ польскихъ анналистовъ, подъ 1492 годомъ помѣстилъ извѣстіе объ обновленіи этой церкви и даже приводитъ находившуюся въ ней русскую надпись. Въ Краковѣ же, еще во второй половинѣ XV вѣка, находилась одна изъ важнѣйшихъ типографій для печатанія славянорусскихъ книгъ. Изъ этихъ немногихъ данныхъ можно видѣть, что славянорусскій восточный обрядъ былъ распространенъ повсемѣстно; но пропаганда латинскихъ миссіонеровъ, сопровождаемая притѣснительными мѣрами со стороны королей, магна-

товъ и польскаго духовенства, произвела ополяченіе края. Такъ напр. одинъ изъ краковскихъ епископовъ Матѳей, между 1143 и 1144 годомъ, письменно убѣждалъ знаменитаго св. Бернарда Клерво отправиться къ берегамъ Вислы для искорененія безбожнаго русскаго обряда. Въ 1372 году папа Григорій XI приказывалъ краковскому епископу *лишить* святительскихъ престоловъ схизматическихъ епископовъ въ Галичѣ, Перемышлѣ, Владимірѣ и Холмѣ. Въ позднѣйшія времена унія стала главнымъ средствомъ въ рукахъ поляковъ, для *ополяченія* края и отторженія его отъ единокровной Руси. Польскіе дѣятели проникнуты были духомъ, выразившемся въ проэктѣ «na zniszczenie Rusi zjednoczonej», гдѣ говорится, что православные русскіе «unitôw w większej mają jak nas nienawiści», и за тѣмъ gdy ją (здѣшнюю Русь) przemieniemy na Rzymian, odbierzemy najprzód nadzieję Moskalom jej odzyskania, potem ściśle z nami złączoną uczyniemy Moskwie nieprzyjazną».—Даже сами уніятскіе епископы, сознательно ли, или въ простотѣ сердца, содѣйствовали этому духовно-нравственному порабощенію. Чрезмѣрная ихъ ревность къ уніи не только возбуждала неудовольствіе народа, и даже явныя волненія, нерѣдко оканчивавшіяся трагически, но заставляла даже самихъ королей польскихъ и ихъ вельможъ унимать подобное усердіе. Такъ король Станиславъ въ 1766 году, и великій канцлеръ Андрей Замойскій (4 февраля того-же года) предписывали холмскому епископу, Максимиліану Рыло, не преслѣдовать неуніятовъ, не заставлять ихъ угрозами и насиліями къ принятію уніи, и т. п. Но, не смотря на то, р. католики пользовались привилегіями, а православные и даже уніяты постоянно лишаемы были ихъ, что̀ болѣе чѣмъ очевидно въ грамотахъ, жалованныхъ г. Замостью; напр. по грамотѣ Сигизмунда III въ 1613 г. сборщиками доходовъ города могли быть *только римско-католики*. Въ г. Красноставѣ, во времена Сигизмунда I-го, были даже волненія за недопущеніе русскихъ мѣщанъ къ городскимъ должностямъ; тоже повторялось вездѣ въ Польшѣ, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Эти-то враждебныя дѣйствія и вліянія измѣнили не только названія городовъ, передѣлавъ ихъ на польскій ладъ, но и самый духъ народа, его вѣру и обычаи, — измѣнили, но не убили окончательно. И въ настоящее время этотъ ополяченный народъ все таки сохранилъ въ своихъ повѣрьяхъ, пѣсняхъ, одеждѣ и даже физіономіи очевидные признаки своего славянорусскаго происхожденія. Намъ остается радоваться, что настали лучшія времена, когда здѣшній русскій народъ можетъ свободно стряхнуть съ себя тлѣнъ многолѣтняго духовно-нравственнаго рабства, когда русская рѣчь не вызоветъ презрительныхъ насмѣшекъ, какъ было еще недавно, но свободно и громко прозвучитъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ господствовала одна польская рѣчь.

(*Варш. Днев.*).

Святотроицкая Подвальная церковь въ Варшавѣ.

Очень многимъ русскимъ, проживающимъ въ Варшавѣ, не извѣстно, что на Подвальной улицѣ существуетъ православная церковь во имя св. Живоначальныя Троицы. По взятіи Варшавы это была единственная церковь, въ которой совершалъ богослуженія извѣстный въ свое время архіепископъ Антоній, въ послѣдствіи с. петербургскій митрополитъ. Скрытая отъ взоровъ публики внутри двора, церковь эта замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Есть мѣстное преданіе, что церковь эта—одна изъ древнѣйшихъ православныхъ церквей въ Варшавѣ. До 1806 года она помѣщалась въ нынѣшнихъ Сапѣжинскихъ казармахъ, откуда ее вытѣснилъ Наполеонъ; еще ранѣе она помѣщалась въ зданіи погорѣвшей ратуши, за тѣмъ, одно время, пріютилась въ улицѣ Козьей—и вообще существованіе ея не было офиціально до 1815 года, время, когда православіе получило право законнаго существованія въ Польшѣ, и когда православные жители Варшавы позаботились объ устройствѣ не переносной, а постоянной церкви, на мѣстѣ нынѣ существующей подвальной. Изъ мѣстныхъ иконъ этой церкви замѣчателенъ образъ Богоматери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, находящійся на правой церковной стѣнѣ, о которомъ сохранилось преданіе: что образъ этотъ и другія драгоцѣнности означенной церкви были проданы въ 1793 году евреямъ за самую ничтожную плату, и что Суворовъ, взявъ Прагу, уплатилъ имъ деньги за образъ и ризы, которыя и возвратилъ обратно въ православную церковь; кромѣ того, во время мятежа, поляки, ворвавшись въ церковь, въ числѣ прочихъ неистовствъ, нанесли штыкомъ рану образу Богоматери; слѣдъ дѣйствія остраго орудія и до сихъ поръ остался на образѣ, хотя послѣдній и возобновленъ. Очень долгое время церковь эта оставалась безъ всякихъ поправокъ внутреннихъ и внѣшнихъ, и только въ настоящее время, заботливостью высокопреосвященнаго Іоанникія—совершенно возобновлена, и можно сказать, вновь создана. Освященіе новореставрированной церкви послѣдуетъ на дняхъ, о чемъ мы и не замедлимъ объявить. Какъ внѣшній признакъ, по которому можно узнать подвальную церковь, указываемъ на образъ, поставленный въ кіотѣ за стекломъ надъ воротами церковнаго дома. Это впрочемъ единственный православный образъ во всей Варшавѣ—выставленный на улицѣ.

(*Варш. Дневн.*).

КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ МИТРОПОЛИТА ФИЛАРЕТА.

Филаретъ (до постриженія въ монашество Василій Дроздовъ), митрополитъ московскій и коломенскій, священно-архимандритъ Троицко-Сергіевской лавры, членъ святѣйшаго сѵнода и академіи наукъ, почетный членъ московскаго и другихъ университетовъ и членъ человѣколюбиваго общества, родился въ городѣ Коломнѣ, 26 декабря 1782 г.; воспитывался въ семинаріяхъ: коломенской и троицко-сергіевской; по окончаніи курса, опредѣленъ въ послѣднюю учителемъ и особенными своими дарованіями обратилъ на себя вниманіе митрополита Платона. Въ 1808 году, по постриженіи въ монашество, посвященъ симъ митрополитомъ во іеродіакона; въ 1809 году, въ мартѣ назначенъ былъ инспекторомъ с.-петербургской семинаріи и профессоромъ философіи; въ томъ мѣсяцѣ, въ праздникъ Пасхи, рукоположенъ во іеромонаха; въ августѣ опредѣленъ ректоромъ въ новоучрежденное при семинаріи александровское уѣздное училище, съ сохраненіемъ прежней должности. Въ 1810 году опредѣленъ баккалавромъ церковной исторіи въ с.-петербургскую духовную академію; въ іюлѣ 1811 года возведенъ въ санъ архимандрита; въ мартѣ 1812 года опредѣленъ ректоромъ академіи, съ занятіемъ профессорской каѳедры догматическаго богословія, а въ слѣдующемъ году удостоенъ безпримѣрной въ то время награды, ордена св. Владиміра 2-й ст. За симъ, въ 1814 году комиссія духовныхъ училищъ возвела архимандрита Филарета въ званіе доктора богословія, а въ 1817 году онъ произведенъ во епископа ревельскаго и открылъ собою рядъ викаріевъ с.-петербургской митрополіи. Въ 1819 году, послѣ духовнаго управленія дѣлами епархіи, возведенъ въ санъ архіепископа тверскаго и назначенъ членомъ святѣйшаго сѵнода. Этою епархіею онъ управлялъ одинъ годъ, потомъ перемѣщенъ былъ въ Ярославль, а въ 1821 году, при переводѣ митрополита Серафима въ С.-Петербургъ,—занялъ каѳедру московскую. Управляя паствою въ древней столицѣ, высокопреосвященный Филаретъ, при совершеніи коронованія и помазанія на царство новгородскимъ митрополитомъ Серафимомъ (29-го августа 1826 года) императора Николая I, имѣлъ счастіе, вмѣстѣ съ Серафимомъ, привѣтствовать его величество рѣчами при торжественномъ въѣздѣ въ столицу и при вступленіи въ Успенскій соборъ и въ этотъ же торжественный день возведенъ въ санъ митрополита. Черезъ тридцать лѣтъ, ему выпалъ жребій короновать и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Рѣдкій даръ неба—долгоденственная жизнь высокопреосвященнаго Филарета вся посвящена была многообразнымъ занятіямъ не только по управленію паствою, но и въ области наукъ. Какъ проповѣдникъ и писатель, онъ извѣстенъ слишкомъ уже новвѣка. Однѣ изъ первыхъ проповѣдей его: на Рож-

дество Христово и на день Пятидесятницы (1811 года), особенн же трогательная рѣчь при гробѣ Кутузова-Смоленскаго въ Казан скомъ соборѣ (1813 года), «О гласѣ вопіющаго въ пустынѣ» (181 г.), возбудили въ просвѣщенной публикѣ высокое мнѣніе о Филаретѣ, какъ проповѣдникѣ. Это мнѣніе вполнѣ было оправдан послѣдующею его церковно-проповѣдническою и богословско-ученою дѣятельностью. Не было ни одного важнаго событія горестнаг или радостнаго для Россіи, которое бы не возбуждало высокопреосвященнаго Филарета къ произнесенію поучительнаго слова съ тѣхъ поръ, какъ этотъ великій служитель церкви вступилъ на московскую епархію. Таковы рѣчи его, произнесенныя во время смутъ, возникшихъ въ Россіи, по кончинѣ императора Александра I, и по случаю свирѣпствовавшей въ Москвѣ холеры. Слогъ Филарета лаконическій, смыслъ глубокій,—все это дѣлало его слова сильными, оставляющими въ душѣ слушателей глубокое впечатлѣніе.—Слова и рѣчи преосвященнаго выходили въ двухъ изданіяхъ. Послѣднее напечатано въ Москвѣ въ 1848 и 1861 годахъ, въ трехъ томахъ съ портретомъ іеромонаха. Кромѣ этого, митрополитъ Филаретъ извѣстенъ своими «Разговорами между испытующимъ и увѣреннымъ о православно греко-россійской церкви» (Москва 1815 года), «Начертаніемъ церковной библейской исторіи,» (Москва 1816 года), «Записками на книгу Бытія» (1816 и 1819 годахъ),—первымъ опытомъ основательнаго изъясненія священнаго писанія на русскомъ языкѣ,—«Пространнымъ христіанскимъ катихизисомъ» и нѣкоторыми другими сочиненіями.—Празднованіе юбилея пятидесятилѣтія епископскаго сана высокопреосвященнаго Филарета, 5-го августа настоящаго года, показало всему міру, какъ высоко чтила этого архипастыря русская и вся православная церковь,—духовенство, ученые и народъ.

(Бирж. Вѣд.).

Въ *Моск. Вѣд.* напечатано:

Вчера, въ воскресенье, 19-го ноября, въ исходѣ втораго часа по полудни почилъ въ Бозѣ преосвященнѣйшій Филаретъ, митрополитъ московскій и коломенскій. Возвратившись въ Москву изъ своего отшельническаго уединенія, въ началѣ минувшаго октября, владыка приступилъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль, онъ три раза (8-го, 12-го и 19-го ноября) совершалъ божественную литургію въ своей домовой церкви; въ этотъ же промежутокъ времени присутствовалъ въ синодальной конторѣ, и дважды посѣтилъ московскаго генералъ-губернатора, князя В. А. Долгорукова. Дѣлами архипастырь занимался съ обычною неутомимостью, живостью соображенія и быстротой производства. Два вечера въ недѣлю были посвящены докладамъ викаріевъ; доклады эти продолжались по нѣскольку часовъ сряду, и владыка выслушивалъ ихъ съ неутомимымъ усердіемъ.

Посѣтители и просители были принимаемы имъ все это время съ обычнымъ вниманіемъ. Въ послѣдній разъ слушалъ онъ докладъ вечеромъ, въ пятницу 16-го ноября; докладъ продолжался отъ $5^1/_2$ до 8 часовъ вечера.

Въ воскресенье 19-го ноября, владыка митрополитъ совершилъ литургію, безъ утомленія, и по краткомъ отдыхѣ принималъ новоназначеннаго московскаго губернатора, генерала Баранова. Затѣмъ преосвященный остался одинъ. Наступилъ часъ его скудной трапезы; но онъ медлилъ, когда ему было о томъ доложено. Наконецъ, въ исходѣ втораго часа, келейникъ, вновь войдя въ комнату архипастыря, нашелъ его бездыханнымъ. Мирно и безболѣзненно перешелъ онъ въ вѣчность. Немедленно дано было знать о томъ викаріямъ, намѣстнику Чудова монастыря и генералъ-губернатору. Приглашены были врачи (гг. Рахманиновъ, постоянный врачь покойнаго, Варвинскій, Паженкопфъ, Захарьинъ), но помощь ихъ оказалась излишнею. Князь В. А. Долгоруковъ прибылъ немедленно по возвѣщеніи, поклониться тѣлу архипастыря, когда оно, только что опрятанное, еще лежало на обычномъ одрѣ почившаго. Затѣмъ облаченное въ архіерейскія ризы, тѣло было перенесено въ большую залу, гдѣ была совершена архіерейскимъ служеніемъ панихида. Облаченіе совершалось со всѣмъ торжествомъ, подобавшимъ высокому церковному сану почившаго. Въ руки усопшаго святителя были вложены дикирій и трикирій. Діаконы, каждый разъ предъ начатіемъ кажденія, обращались къ почившему. Вечеромъ того же дня, въ восемь часовъ, была совершена вторая панихида.

Сегодня, 20-го ноября, совершены были двѣ панихиды. Немедленно прибывшій изъ Троице-Сергіевой лавры намѣстникъ Антоній привезъ кипарисный гробъ, приготовленный заранѣе по распоряженію почившаго, и тѣло было переложено.

Толпы народа не переставали цѣлый день окружать Троицкое подворье, гдѣ тѣло блаженно-почившаго архипастыря останется въ продолженіе всего завтрашняго дня. Въ среду предполагается перенесеніе гроба въ Чудовъ монастырь.

О кончинѣ митрополита московскаго и коломенскаго Филарета намъ сообщены слѣдующія свѣдѣнія: «Высокопреосвященный архипастырь въ послѣднее время чувствовалъ себя хорошо; постоянныя занятія его произвели было болѣзнь, но онъ скоро оправился и сталъ заниматься дѣлами съ обычною неутомимостію, присутствовалъ въ синодальной конторѣ, выслушивалъ доклады викаріевъ, принималъ просителей и въ послѣднее время трижды совершалъ божественную литургію. 19-го ноября онъ совершалъ службу легко и послѣ небольшаго отдохновенія принималъ прибывшаго въ Москву генерала Баранова, а въ исходѣ втораго часа его нашли без дыханія. Не смотря на принятыя врачами тотчасъ же мѣры, возвра-

тить къ жизни его уже не могли; причиною смерти была мгновен ная апоплексія» (1).

Извѣстіе о кончинѣ маститаго архипастыря не могло, по есте ственной причинѣ, никого поразить неожиданностью. Глубока старость его давно заставляла предугадывать, что уже не далек та минута, когда нить долговременной жизни его прервется. Си лы его угасали хотя и съ медленностью, но угасали видимо, только привычка его подчинять физическую природу своей духов ной мощи могла внушать надежду, что бодрость его духа не ско ро еще уступитъ немощи телесной. Три съ половиною мѣсяца то му назадъ совершившійся пятидесятилѣтній юбилей епископскаго слу женія высокопреосвященнаго Филарета послужилъ напоминаніем для православной Россіи, что ей суждено не въ далекомъ буду щемъ лишиться одного изъ своихъ наиболѣе чтимыхъ духовных наставниковъ. Утрата его, въ самомъ дѣлѣ, чувствительна для всей Россіи. Всѣ православные русскіе соединены были съ нимъ тѣснѣй шими духовными узами. Всѣхъ ихъ осѣнялъ свѣтильникъ его ра зума, въ сильномъ словѣ воплощавшій свои глубокіе помыслы въ на зиданіи близкихъ къ нему и отдаленныхъ отъ него сыновъ право славной церкви. Если изъ множества плодовъ умственной дѣятель ности новопреставленнаго святителя мы остановимся хотя только на одномъ написанномъ имъ православномъ катихизисѣ, то увидимъ, какъ существенно важна была духовная связь маститаго іерарха съ православнымъ народомъ русскимъ. Не говоря объ умершихъ поколѣніяхъ, почерпнувшихъ знаніе вѣры въ этомъ катихизисѣ, большая часть изъ живущихъ еще русскихъ людей, изъ коихъ многіе сами достигли старческаго возраста, изъ той же книги впервые узнали догматы православія. Такимъ образомъ митрополитъ Филаретъ былъ, въ теченіе почти полугодія, какъ-бы воспріемникомъ дѣтей русской Церкви, которыя тѣмъ самымъ становились его собственными духовными дѣтьми. Вотъ одна изъ тѣхъ причинъ, по которымъ вѣсть о кончинѣ его отзовется во всѣхъ, самыхъ далекихъ концахъ обширной Россіи. Не намъ оцѣнить по достоинству плодотворную дѣятельность знаменитаго архипастыря. Извѣстный не въ одномъ своемъ отечествѣ дѣлами на пользу церкви, заслугами предъ престоломъ и отечествомъ, онъ, никогда не стремившійся стяжать себѣ славу между человѣками, оставилъ свое имя начертаннымъ въ исторіи и пріобрѣлъ право на благодарность и современниковъ и потомства. При всѣхъ радостныхъ и печальныхъ событіяхъ, совершившихся въ Россіи во время его долголѣтняго святительства, онъ былъ или неутомимымъ дѣятелемъ, или мудрымъ совѣтникомъ, или краснорѣчивымъ учителемъ, всегда усерднымъ молитвенникомъ. Ему досталось срѣтать благосло-

(1). Преосвященный Филаретъ могъ умереть отъ всеобщаго истощенія жизненныхъ силъ, могъ заснуть старческимъ сномъ смерти, умереть отъ старческой чахотки, но не отъ *апоплексическаго удара*.

веннаго Александра после тяжкой и славной борьбы, закончившейся умиротворенiемъ Европы; онъ былъ однимъ изъ немногихъ, удостоившихся избранiя въ хранители государственной тайны о перемѣнѣ престолонаслѣдiя; онъ же своимъ могучимъ святительскимъ словомъ благословилъ свою паству принести вѣрноподданническую присягу при воцаренiи императора Николая и тѣмъ содѣйствовалъ къ предупрежденiю недоразумѣнiй въ первопрестольной столицѣ, въ то время, когда смута готова была поколебать спокойствiе и порядокъ въ нашемъ отечествѣ; его пастырскiя наставленiя поддержали бодрость въ населенiи Москвы, когда оно, тридцать семь лѣтъ тому назадъ, впало въ уныние отъ бѣдствiй, причиненныхъ дотолѣ неслыханною болѣзнiю; онъ воспламенялъ Россiю въ трудную годину борьбы ея съ соединившимися противъ нея народами Запада и подвигалъ ее на жертвы для защиты какъ себя самой такъ и восточной православной церкви. Не было, можно сказать, ни одного государственнаго дѣла — не говоря о дѣлахъ церкви—въ которомъ митрополитъ Филаретъ не принималъ бы болѣе или мѣнiе близкаго участiя во все царствованiе въ Бозѣ почившаго государя. Имя высокопреосвященнаго соединено съ воспоминанiемъ о свѣтломъ днѣ вѣнчанiя на царство нынѣ благополучно царствующаго Императора и славнѣйшимъ дѣломъ Его—совершенiемъ крестьянской реформы, возвѣщенной мiру манифестомъ, писаннымъ рукою Филарета...

По истинѣ славная и драгоцѣнная для русскихъ жизнь, всецѣло посвященная молитвѣ и труду непрерывному!

Въ *Моск. Вѣд.* сообщаютъ, отъ 27-го ноября;

Въ воскресенье, 26-го ноября, Москва простилась съ останками своего высокочтимаго архипастыря. Литургiя въ Чудовомъ монастырѣ, начавшаяся въ $8\frac{1}{2}$ час. утуа, была совершена митрополитомъ Арсенiемъ и преосвященнымъ Леонидомъ съ намѣстниками Троице-Сергiевской лавры архимандритомъ Антонiемъ и Чудова монастыря архимандритомъ Венiаминомъ и прочимъ духовенствомъ, въ присутствiи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Владимiра Александровича, генералъ-губернатора, оберъ-прокурора святѣйшаго синода и пр.

По окончанiи литургiи и предъ началомъ литiи, протоiерей Троицкой, что на Арбатѣ, церкви. П. М. Богословскiй-Платоновъ сказалъ прощальное слово.

Священнодѣйствовавшiе архимандриты вынесли гробъ изъ Чудова монастыря, и печально-торжественная процессiя, съ хоругвями, иконами, пѣвчими впереди, направилась къ желѣзной дорогѣ. Шествiе совершалось въ томъ самомъ порядкѣ, какъ значится въ церемонiялѣ. При гробѣ, облеченномъ золотыми покровами и епископскою мантiей, шли намѣстникъ лавры у возгла-

вія, а у ногъ намѣстникъ Чудова монастыря, архимандритъ Веніаминъ, ровно за 21 годъ предъ симъ, именно въ этотъ самый день, 26-го ноября, нынѣ почившимъ святителемъ постриженный въ монашество. Его Высочество ѣхалъ за гробомъ верхомъ въ сопровожденіи московскаго генералъ-губернатора В. А. Долгорукова, генералъ-адъютанта графа Перовскаго, командующаго войсками Московскаго военнаго округа генералъ-адъютанта А. И. Гильденштуббе и пр., также верхомъ. Въ процессіи принималъ участіе синодальный оберъ-прокуроръ Д. А. Толстой. Выступивъ изъ Кремля въ Никольскія ворота, процессія перешла черезъ Красную площадь и направилась по Никольской улицѣ. Здѣсь, во время литіи у Казанскаго собора гробъ приняли отъ духовенства выборные городскихъ сословій, которые и несли его до самой станціи, чередуясь между собой. На Никольской дома синодальной типографіи и графа Шереметьева, арендуемый Пороховщиковымъ, были убраны траурною драпировкой. Пройдя по Лубянской площади, по Мясницкой улицѣ, мимо Красныхъ воротъ, шествіе прибыло на станцію московско-ярославской желѣзной дороги, въ четверть втораго по полудни.

Такое же несмѣтное стеченіе народа, какъ и въ день перваго перенесенія, было на всемъ пути; не смотря на неблагопріятную погоду, всѣ площади, тротуары, окна, крыши представляли сплошную массу людей. Тѣмъ не менѣе порядокъ былъ соблюдаемъ удивительный. Надъ Москвою разливался звонъ всѣхъ ея колоколовъ. Предъ каждою изъ церквей, мимо коихъ проходила процессія, совершалась литія.

Прибывъ къ станціи, фасадъ которой былъ убранъ траурною драпировкой, духовенство собралось по обѣ стороны пути; въ кругу, окаймленномъ хоругвями, была совершена послѣдняя литія, и затѣмъ гробъ внесенъ на станцію. Здѣсь экстренный поѣздъ ожидалъ печальную процессію. Были соединены три открытыя платформы, и на средней находилось небольшое возвышеніе, къ которому прикрѣпили гробъ, осѣненный хоругвями и рипидами. Часть духовенства съ иконами и пѣвчіе стали на той же платформѣ. Еще разъ произнесена была молитва за новопреставленнаго, и въ половинѣ втораго по полудни поѣздъ двинулся по направленію къ обители, которую ея священно-архимандритъ избралъ себѣ мѣстомъ послѣдняго упокоенія. Высокопреосвященный Арсеній, митрополитъ кіевскій, архіепископы: Нилъ ярославскій, Антоній владимірскій, епископы; Никандръ тульскій, Леонидъ дмитровскій, Игнатій можайскій, намѣстникъ Свято-Сергіевой лавры Антоній, другіе архимандриты, члены консисторіи, члены попечительства и благочинные города Москвы сопровождали гробъ въ томъ же поѣздѣ. Тихо, незамѣтно для толпы, стоявшей на площади предъ станціей желѣзной дороги, двинулся этотъ печальный поѣздъ. Въ лавру прибылъ онъ черезъ три часа и двадцать минутъ.

Его Императорское Высочество Великий Князь Владимiръ Александровичъ присутствовалъ при последней литiи, совершенной на платформѣ, и затѣмъ возвратился во дворецъ. Вечеромъ того же дня, въ шесть часовъ, Его Высочество съ экстреннымъ поѣздомъ отправился обратно въ С.-Петербургъ. Съ Великимъ Княземъ отбыли изъ Москвы попечитель Великаго Князя, генералъ-адъютантъ графъ Перовскiй, и синодальный оберъ-прокуроръ, графъ Д. А. Толстой.

25-го, послѣ вечерней панихиды въ Чудовомъ монастырѣ, митрополитъ Арсенiй, выражая Его Высочеству, отъ лица всего духовенства, благодарность за участiе, принятое имъ въ печали московской паствы, поднесъ Августѣйшему Посѣтителю икону московскихъ святителей.

Митрополита Филарета не стало.... Съ смущенiемъ вняла этой вѣсти Москва, а вслѣдъ за нею вниметъ и вся Россiя,— съ тѣмъ благоговѣйнымъ смущенiемъ, которое невольно объемлетъ душу при всякомъ видимомъ тайнодѣйствiи исторiи. Его кончина— событiе, и событiе всероссiйское.

Филарета не стало!... Упразднилась сила, великая, нравственная, общественная сила, въ которой весь русскiй мiръ слышалъ и ощущалъ свою собственную силу,— сила, созданная не извнѣ, порожденная мощью личнаго духа, возросшая на церковной народной почвѣ. Обрушилась громада славы, которою красовалась церковь и утѣшался народъ. Отжита на вѣкъ та величавая долгая современность, что обняла собою пространство полвѣка, что перебыла длинный рядъ событiй и поколѣнiй и какъ бы уже претворилась въ неотъемлемое историческое достоянiе Москвы, въ ея живую стихiю, которой, казалось, не избыть и во вѣки. Безъ этой силы, безъ этой славы, какая пустота силы и славы почувствуется внезапно въ Москвѣ да и во всемъ русскомъ церковномъ мiрѣ! Каѳедра московскаго митрополита можетъ, конечно, быть и будетъ занята, но мѣсто, которое занималъ Филаретъ, пребудетъ пусто.

Намъ невольно припоминается все сказанное нами въ день празднованiя его пятидесятилѣтняго архiерействованiя. Угасъ свѣтильникъ, полстолѣтiя свѣтившiй на всю Россiю не оскудѣвая, не померкая, но какъ бы питаясь прiумноженiемъ лѣтъ и выступая ярче, по мѣрѣ надвиженiя вечерняго сумрака жизни. Смежилось неусыпающее око мысли. Прервалось полустолѣтнее назиданiе всѣмъ русскимъ людямъ—въ дивномъ примѣрѣ неустанно бодрствующаго и до конца бодрствовавшаго духа. Смолкло художественное важное слово, полвѣка и болѣе полувѣка, раздававшееся въ Россiи, то глубоко проникавшее въ тайны Богопо-

знанія; то строгой и мощной красотой одѣвавшее разумъ божественныхъ истинъ!...

Русская церковь, съ кончиною митрополита Филарета, переживаетъ великій историческій мигъ, котораго важность, сознательно и безсознательно, предощущается всѣми. Въ теченіи цѣлаго полустолѣтія русской церкви ея представитель, предстатель и предстоятель (не вслѣдствіе внѣшнихъ условій своего мѣста и званія, а дѣйствіемъ личнаго внутренняго достоинства),— въ теченіи же полувѣка былъ онъ и «свидѣтельствуяй» о ней предъ всей Европой, предъ всѣмъ міромъ инославнымъ... Сходитъ въ могилу цѣлая историческая эпоха,— на смѣну ей движется эпоха новая.....

Убыло силы и славы, убыло послѣднее народное имя. Назвать болѣе некого; нѣтъ другаго равнозначительнаго, всенароднаго имени.

Прибудетъ ли силы, свободы и духа истинной жизни церковной?

На рубежѣ сихъ двухъ эпохъ, мы невольно медлимъ и судомъ и надеждами. Передаемъ лишь ощущенія личныя и общественныя, испытываемыя въ настоящую минуту нами и всей Москвой, при уныломъ гулѣ московскихъ колоколовъ, сзывающихъ къ заупокойной молитвѣ....

Предвѣстіе о днѣ кончины московскаго митрополита Филарета.

17-го прошлаго сентября (владыка митрополитъ былъ въ это время въ лаврѣ), по окончаніи ранней литургіи въ его домовой церкви, я явился къ нему съ обычнымъ, повторявшимся каждый день, докладомъ о состояніи обители; онъ послѣ моего доклада говорилъ мнѣ: «Я нынѣ видѣлъ сонъ и мнѣ сказано: *береги 19-е число*». На это я замѣтилъ ему: «Владыко святый! развѣ можно вѣрить сновидѣніямъ и искать въ нихъ какого-нибудь значенія? Какъ же можно притомъ обращать вниманіе на такое неопредѣленное указаніе? Девятнадцатыхъ чиселъ въ каждомъ году бываетъ двѣнадцать». Выслушавъ это, онъ съ чувствомъ сердечной увѣренности сказалъ мнѣ: «Не сонъ я видѣлъ: мнѣ являлся родитель мой и сказалъ мнѣ тѣ слова. Я думаю съ этого времени каждое девятнадцатое число причащаться св. Таинъ». Я сказалъ, что это желаніе доброе.

Черезъ два дня послѣ сего, 19 сентября во вторникъ, во время литургіи въ домовой церкви, онъ причастился св. Таинъ. Въ октябрѣ онъ былъ въ Москвѣ и 19 числа, въ четвергъ, также причащался св. Таинъ въ своей домовой церкви. Наступало въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ноябрѣ роковое 19-е число. Это приходилось въ воскресенье. Предъ тѣмъ все время владыка чувствовалъ себя

хорошо и легко, принималъ посѣтителей, ревностно занимался дѣлами, выѣзжалъ иногда изъ дому. На недѣлѣ предъ 19-мъ числомъ онъ принималъ одного изъ своихъ почитателей, который при прощаньи передалъ ему просьбу одной почтенной дамы, также уважавшей святителя, что она желала бы быть у него и принять его благословеніе. Владыка сказалъ: «Пусть пріѣдетъ, только прежде 19 числа». Такъ глубоко укоренилась въ умѣ владыки мысль о девятнадцатомъ числѣ!

18 ноября, въ субботу, владыка говоритъ своему келейному іеродіакону Парѳенію, что завтра онъ будетъ служить литургію въ своей домовой церкви и чтобъ все было приготовлено къ служенію. Старикъ Парѳеній, отличающійся прямотой и откровенностью, рѣшился замѣтить владыкѣ, что онъ утомится отъ служенія и не будетъ, пожалуй, служить во Введеньевъ день, что лучше бы тогда отслужить. Но владыка сказалъ: «Это не твое дѣло: скажи, что я завтра служу».

Онъ отслужилъ литургію, и въ роковое 19-е число скончался.

(*Л. Н. А. Антоній*).

(Моск. Вѣд.).

Духовное завѣщаніе митрополита Филарета.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* пишутъ, что 10-го сего декабря, по распоряженію высшаго духовнаго начальства, во всѣхъ московскихъ церквахъ читано было нижеслѣдующее завѣщаніе въ Бозѣ почившаго митрополита Филарета:

Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа. Аминь.

Сія глаголетъ Господь: *устрой о дому твоемъ, умираеши бо ты*. Пс. XXXVIII, 1. И такъ, завѣщавать на случай смерти даетъ право и примѣръ слово Божіе. Употребимъ сіе право, пока Богъ благостію и долготерпѣніемъ даруетъ время.

Ничто не мое. Все милостію Божіею и благодѣяніемъ ближнихъ.

Господи! пріими духъ мой и существо мое, во грѣхахъ рожденное, но святымъ таинственнымъ крещеніемъ обновленное, паки во грѣхахъ вольныхъ и невольныхъ обветшавшее и паки въ покаяніи просящее и чающее *оправданія туне благодатію Твоею, избавленіемъ, еже о Христѣ Іисусѣ, Его же предположилъ еси очищеніе вѣрою въ крови Его. Не отвержи мене отъ лица Твоего.*

Братія о Господѣ и чада единыя святыя церкви! Пріимите благословеніе именемъ Господнимъ и благодареніе за всякое недостойному мнѣ благодѣяніе, наставленіемъ, помощію, снисхожде-

ніемъ, служеніемъ. Простите меня недостойнаго во всемъ Христа ради. Да проститъ Богъ всѣхъ васъ во всемъ, почему кто имѣетъ нужду въ прощеніи. Не лишите меня послѣдняго благодѣянія—молитвъ вашихъ о мнѣ къ Богу.

Благодать со всѣми вами. Аминь.

Филаретъ, недостойный митрополитъ московскій.

Писалъ своею рукою въ Москвѣ, на Троицкомъ подворьѣ, въ день Воздвиженія Честнаго Креста Господня. 14-го сентября 1833 года.

ПИСЬМА ИЗЪ ПОДЛЯСЬЯ.

II.

Квартира унитскаго священника, какъ и р. католическаго ксендза, носитъ названіе *плебаніи* (*плебанъ*—общее названіе священника — значитъ *народный учитель*). Домъ и вся усадьба его имѣютъ тотъ же характеръ, какой имѣютъ панковъ въ югозападныхъ губерніяхъ. Въ домъ входатъ чрезъ *ганекъ* и сѣнь; направо или налѣво ихъ—кухня, напротивъ нее *покуй*, за нимъ *сыпяльня*, далѣе *вальктржъ*, изъ котораго входъ въ кухню и въ *спижарню*. Покой уставленъ убогою *канапкою* сельской работы и нѣсколькими стульями. На угольномъ столикѣ поставленъ crucifex (крестъ съ рѣзнымъ, или литымъ изображеніемъ Спасителя), а подлѣ него книжечки, видимо принадлежащія женѣ и дочерямъ: *Злотый олтаржыкъ*, *Скарбъ души побожней*, *Олтаржъ польскій*, *Циха лза хшесціянска* и под. Стѣны увѣшены разными убогими литографіями, купленными на ярмаркѣ въ мѣстечкѣ у разнощика. Бѣглый взглядъ вашъ остановится прежде всего на лихимъ всадникѣ въ старопольскомъ кунтушѣ и въ конфедераткѣ. Это Косцюшко. Не имѣть въ домѣ портрета этаго вождя поляковъ въ битвѣ съ москалями, во времена демонстрацій и мятежа, считалось подозрительнымъ. Встрѣтите здѣсь генерала Понятовскаго, Пія IX., Мицкевича и под. Приглядитесь и къ другимъ, религіознымъ картинамъ: все это р. католическія фантазіи съ польскими и нѣмецкими подписями. Но вы не встрѣтите здѣсь иконы въ восточномъ стилѣ, или съ славянскою, тѣмъ болѣе русскою подписью и вообще не встрѣтите ничего, напоминающаго востокъ. Вотъ и самъ священникъ — ю-

безный, деликатный, гостепріимный. Познакомимся съ біографіею его. Мать его была истая полька, такъ она себя называла, хотя была униткою и подъ часъ непрочь была замѣтить, что она „изъ русинокъ.“ Съ молокомъ ея онъ всасывалъ звуки польской рѣчи, польскія ласки и радости видѣлъ надъ собою. Старуха—няня для него ломала свой языкъ, затверживала для него разныя нѣжныя названія польской рѣчи. Съ восторгомъ цѣловала его мать, когда онъ впервые *жегнался* (крестился), поднимая рученку съ протянутыми пятью пальцами, и повторялъ за нею: „Ойче насъ, ктурысь естъ въ небе, свенцьсе име твое пшидзъ Пане,...“ и радовалась, когда панъ дѣдичъ, слыша бойкій польскій лепетъ мальчика, говорилъ самодовольно: „о! тожъ бендзе русинъ, правдзивы русинъ!“ По десятомъ году, съ запасомъ грамоты только польской, онъ поступилъ въ „школу обводову“ (уѣздное училище, — воеводства дѣлились на обводы), гдѣ уже обучался старшій братъ его, предназначенный отцемъ для службы гражданской. Здѣсь не было никакого различія между унитами и р. католиками: одинъ и тотъ же законоучитель—р. католическій священникъ преподавалъ имъ религію — на томъ онованіи, что унія и католичество „то вшистко едно, ружницы жадней, тылько въ *церемоніяхъ*“ (обрядахъ); тѣ и другіе одинаково молились, одни и тѣ же (католическія) праздники праздновали, одни и тѣ же соблюдали посты и всѣ обычаи религіозные, всѣ сердца одинаково обращены были къ Риму, для всѣхъ, для всѣхъ одинаково востокъ былъ исходищемъ схизмы и царствомъ сатаны. До 1865 года, много унитовъ воспитывалось въ городахъ, гдѣ не было ни униатскаго священника, ни унитской церкви (Сувалки, Ломжа, Сѣдльце, Луковъ), всѣ они молились только въ р. католическихъ костелахъ, часто исповѣдывались и пріобщались въ нихъ— «вшистко едно!» Въ семинарію холмскую онъ поступилъ по окончаніи курса въ школахъ обводовыхъ, и поступилъ потому, что способности и успѣхи его незавидную карьеру сулили ему въ гражданской службѣ, тогда какъ въ семинаріи, по крайней малочисленности кандидатовъ, ему рады. Притомъ же отцу не по средствамъ воспитаніе двухъ сыновей въ гимназіи и университетѣ, а въ семинаріи всѣ воспитанники пользуются полнымъ казеннымъ содержаніемъ.

Профессоры холмской семинаріи всѣ изъ воспитанниковъ вар-

певской римско-каточической академіи (1). Курсъ наукъ въ ней тотъ жи самый, какъ и въ римско-католическихъ польскихъ; т. е. богословіе, философія и исторія (2), — учебники, пособія, руководства, записки, програмы — все то же въ этихъ семинаріяхъ. Не будемъ говорить много о преподаваніи богословія. Ипатій Поцѣй, виновникъ брестской уніи, въ своемъ приготовительномъ для русскихъ сочинении: „Унии албо выкладъ ку зедноченю грековъ з костеломъ рымскимъ,“ завѣрялъ будущихъ унитовъ, что папа желаетъ отъ нихъ единственно признанія его главою церкви, и оставляетъ для нихъ неприкосновенными всѣ прочія особенности восточной церкви, обѣщая не измѣнять даже догмата объ исхожденіи св. Духа отъ одного Отца. Нынѣ всѣ особенности вѣроученія восточной церкви признаются въ унитскомъ духовенствѣ схизмою, а всѣ, самыя частныя и мелкія, мнѣнія римской церкви—догматами унитства. Въ унитскомъ богословіи существуютъ только *католики римскаго обряда* и *католики греческаго обряда*, а такъ же Xiądz ritus latinae и Xiądz ritus graecae. Вся душа религіи восточной изгнана и замѣнена въ унитствѣ душею римско-католическою, которую прикрили только лоскутьями восточнаго обряда. Если иногда преподаватель церковныхъ обрядовъ съ любовію говоритъ своимъ ученикамъ о достоинствѣ восточнаго обряда, то слово его только щекочетъ воображеніе и не имѣетъ дѣйствительной силы, потому что обрядъ безъ собственной души—то же, что буква безъ смысла. Самый усердный слушатель такого наставника впослѣдствіи на каждомъ шагу видитъ себя въ противорѣчіи съ требованіями восточнаго обряда и поневолѣ ломаетъ все въ немъ и вновь строитъ по своему духу и

(1) Въ 50-хъ годахъ сдѣланъ былъ опытъ высылки нѣсколькихъ воспитанниковъ холмской семинаріи для высшаго образованія въ духовныя академіи московскую и кіевскую, и нынѣ 5 профессоровъ этой семинаріи—воспитанники этихъ академій. Въ настоящее время нѣсколько лицъ этой же семинаріи воспитываются въ кіевской академіи.

(2) Просимъ читателей не забывать, что въ настоящихъ письмахъ мы описываемъ время до конца послѣдняго польскаго мятежа, и что въ частности здѣсь мы разумѣемъ тѣ времена холмской семинаріи, когда въ ней воспитывалась масса нынѣшнихъ унитскихъ священниковъ. Въ пятидесятыхъ годахъ въ ней введено преподаваніе русской словесности, а съ 1865 года все въ ней перемѣнилось.

характеру.—Эту главную идею богословской науки поддерживаетъ въ семинаріи исторія, которая сама получаетъ отъ нея свой строй и свое направленіе. Особой исторіи уніи въ холмской семинаріи не существуетъ, ее соединяютъ съ общею исторіею римской церкви. Изъ этой исторіи воспитанники выносили такія понятія объ уніи! „Русь приняла христіанство отъ востока въ то время, когда въ церкви Христовой не было раздѣленія и *вся она находилась подъ главенствомъ папы*. Потомъ греки отпали *отъ церкви Христовой* (!), явилась схизма. На Руси нѣкоторые частные епископы увлекались примѣромъ грековъ, вообще древняя русская церковь оставалась въ единеніи съ Римомъ. Только во времена между флорентинскимъ и брестскимъ соборами *схизма* начала здѣсь поднимать свою голову, пытаясь доказать, будто русская церковь никогда не признавала папу своею головою и силясь оторвать ее отъ этого подчиненія. Брестскій соборъ положилъ конецъ этимъ интригамъ и соединилъ схизматиковъ съ *непрерывными* унитами.» Потому-то здѣшніе униты считаютъ брестскій соборъ ничего незначущимъ для нихъ — *непрерывныхъ* унитовъ и послѣ тридентскаго своего (!) собора непосредственно полагаютъ соборъ замойскій. Іезуитско-унитскія апологіи уніи, писанныя на югѣ Россіи въ 16 и 17 вѣкахъ, доселѣ сохраняютъ въ здѣшнемъ унитствѣ всю свѣжесть своихъ красокъ. «Владиміръ—просвѣтитель Руси былъ унитомъ,—первые митрополиты русскіе — униты; кіевская митрополія отдѣлилась отъ осхизматившейся московской по любви къ уніи, которая стала національною религіею южно-руссовъ, или точнѣе — русиновъ, отличающихся по происхожденію своему отъ москалей — чудско-монгольскаго, ославянившагося, племени,» и под. И смѣхъ и горе толпятся в душѣ, когда слышишь отъ иного унитскаго священника горячія увѣренія, что Петръ Могила былъ унитъ и что Сильвестръ Коссовъ признавалъ московскихъ патріарховъ схизматиками. Чего-чего затѣмъ не говорится здѣсь о возсоединеніи бѣлорусскихъ унитовъ! Что касается гражданской исторіи Руси, то ее знали здѣсь только по учебникамъ исторіи Польши, дополняемымъ разными выдержками изъ польскихъ хроникъ. „Славяне произошли отъ трехъ братьевъ: Леха, Чеха и Руса; эти три братья первоначально поселились на Вислѣ, старшій предводительствовалъ ими и цѣлымъ родомъ. Потомъ Чехъ пошелъ на югъ, а Русъ на востокъ къ Днѣпру, Лехъ остался на Вислѣ и руководилъ

братьями. Чехи скоро поддались вліянію нѣмцевъ, но русины постоянно тяготѣли къ своимъ старшимъ братьямъ — ляхамъ. Вскорѣ они, въ виду грозы отъ Москвы, рѣшили снова соединиться и братски обнялись на городельскомъ и люблинскомъ сеймахъ. Москва есть общій врагъ тѣхъ и другихъ." Доморощенныя лингвисты дополняли это родство своими толкованіями; «ляхи и русины первоначально имѣли одинъ языкъ; потомъ стали появляться у нихъ нарѣчія: мазурское, познанское, *бѣлорусское*, *малорусское* и др.; но въ то же время интеллигенція польско-руская создала одинъ образованный языкъ — польскій." Грустно видѣть, какъ унитско-русскій священникъ въ спорѣ съ нами силится доказать, что русинскій (малорусскій) языкъ есть нарѣчіе языка польскаго, а не *россійскаго* (разумѣй *московскаго*), и что онъ самъ, принявъ языкъ польскій, не перестаетъ быть добрымъ русиномъ, потому что говоритъ собственно *образованнымъ*, *литературнымъ языкомъ русинскимъ*!—Порой, въ семинаріи и въ собраніяхъ, заходятъ бывало разговоры о старыхъ унитахъ. Вотъ одинъ со вздохомъ говоритъ: „кедысь-то мелисьмы свое шляхте и свое магнатеріе!..." Другой продолжаетъ такъ, что Чарторыйскіе, Потоцкіе, Сангушки, Радзивиллы, Острожскіе и проч. были *унитами*(!). Третій помянетъ, какъ нѣкогда казаки били ляховъ и ксендзовъ *за утетеніе уніи* (!!). Вотъ пошли анекдоты про недавнее еще поколеніе священниковъ, говорившихъ „своимъ простымъ наречемъ:" приходитъ старый унитскій священникъ къ своему дѣдичу—магнату и говоритъ прямо: «добрыдень, пане, що доброго въ світі чуваты?..» Товарищи — сыновья „добрыхъ русиновъ" и матерей — чистокровныхъ полекъ и католичекъ заливаются смѣхомъ: „добриденъ... Ото быдло! що, пане, чуваты въ свити... Ха-ха-ха." Разсказъ продолжается, какъ этотъ же старый унитъ расправлялся съ польскимъ ксендзомъ безъ всякаго причинія за каждую украшенную имъ у него унитскую овечку, и какъ онъ эту самию овечку таскалъ „за чуба" назадъ во дворъ унитскій. Этотъ послѣдній разсказъ вызываетъ общее сочувствіе. Бѣдные люди! Но у васъ самихъ убѣжуенія, вѣрованія, религіозныя чувства, вся душа, все — то же, что и у р. католическаго ксендза, только и востока на васъ, что изорванныя лохмотья его, небрежно принятые католической церквей и выставленныя будто на поруганіе. Не естественно ли для католическаго

ксендза смѣяться надъ вашимъ жалкимъ видомъ и стараться освободить стройную польско-католическую фигуру вашу отъ этихъ лоскутьевъ? Гдѣ у васъ опора для самостоятельности? За чѣмъ вы сами разобрали и уничтожили огорожу вокругъ вашего двора, оставивъ на мѣстѣ ея только безобразно торчащіе колья?!

Конченъ полный курсъ этой темноты религіозной и этого уродства національнаго. Вотъ молодой кандидатъ въ священники, въ своей длинной сутанѣ, весело разговариваетъ съ кокетливою дочерью священника, сердце строитъ ему въ ней будущую подругу жизни, мечтаютъ быть вѣрными унитами и добрыми католиками. Въ порывѣ рутенизма, у него вырывается русинская фраза: «пфе, муй дрогій—ласкаво замѣчаетъ сладкая панна — то бжыдко, то по хлопську, вшакъ естесьмы укшталцонеми.“ Вотъ онъ у пана— „колятора за презентами на парафію;“ панъ жалобно вспомнитъ про давнія времена „ойчизны Польски,“ когда „браця ляхи и русины били москалей. А теразъ, теразъ москаль дуси наше свенте матке...,“ и молодая кровь русина горитъ по матери Польшѣ. Вотъ онъ рукоположеніемъ даетъ обѣтъ свято хранить всѣ предписанія римской церкви и воевать съ схизмою... Вотъ онъ потомъ предъ гробомъ Кунцевича, замученнаго схизматиками... Православіе и чистую русскую народность онъ изрѣдка и издали видитъ только въ лицѣ темнаго люда— солдатовъ... И цѣлая бездна отдѣляетъ его отъ востока и русской народности.

Теперь онъ уже посѣдѣлъ; имѣетъ уже взрослыхъ дочерей, воспитанныхъ въ домѣ за 200 злотыхъ въ годъ, бойкою полькою—гувернанткою; вышли онѣ добрыми патріотками—„истотне, якъ чисте польки“— говоритъ мать, одобрительно глядя на гувернантку. Для вящшей польскости, онѣ часто ѣздили съ гувернанткою и матерью въ костелъ, умѣли пропѣть: «Asperges me Domine hyssopo et ambulabo “ и „et cum spiritu tuo,“ трогательно пѣли: „Боже цось Польске...“ и „Зъ дымемъ пожарувъ...“ Одна изъ нихъ этимъ путемъ вышла за мужъ за чиновника уѣзднаго и, по согласію отца и матери, формально приняла латинство, чтобъ «не было ружницы въ фамиліи;» другая была предметомъ восторга и поклоненія для цѣлой банды повстанцевъ, долго сидѣвшихъ въ сосѣднемъ лѣсу и весело проводившихъ ночи въ домѣ любезнаго сосѣда—ксендза унитскаго,— съ однимъ изъ нихъ она тогда же и помолвлена была, рѣшено

было повѣнчаться на свободной землѣ польской, но банда разбита, женихъ скрылся, и когда пропала надежда на освобожденіе „ойчизны,“ явился повѣнчаться и на землѣ—„невольницѣ;“ но почти на канунѣ свадьбы „москали“ арестовали его, судили и выслали изъ краяя, къ неутѣшной горести всей семьи священника. Однако , самъ священникъ плохо вѣрилъ въ успѣхъ повстанцевъ и исполнялъ распоряженія жонда только изъ страха, не одобрялъ товарищей своихъ, за одно съ ксендзами—„кавалерскими гловами,“ призывавшихъ народъ съ каѳедры церковной къ повстанью. „Гультаи, млокосы толковалъ онъ съ своимъ старшимъ дѣдичемъ—Москва ма войско, а они цо? Тылько псуіо наше свенте справе, добже распочэнте ясневельможными...“ Старшій сынъ его окончилъ курсъ въ русскомъ университетѣ, вернулся оттуда чистымъ полякомъ, и на службѣ никто изъ товарищей не знаетъ, что онъ унитомъ, но „до лясу“ онъ не ходилъ. Нрислуга въ домѣ его—простодушная, неподдѣльная, хотя и искалѣченная, Русь—съ перваго же шагу начинаетъ свой языкъ на *панскую мову*, ломаетъ—ломаетъ, и таки ломается, научится здѣсь и „Ойче нашъ“ и „Здровась Марья,“ и съ „набялемъ“ ѣсть въ посты, даже въ въ великій постъ, и узнаетъ, что москали—схизматики. Въ домѣ священника прихожанину его нѣтъ другаго названія кромѣ—„хлопъ;“ въ минуты чувствительности и участія къ нему—„хлопекъ Божи, кмiотекъ Божи,“ а въ ударѣ шляхетности и гонору—„хамъ, быдло.“ И дума, и чувство, и радость, и печаль—все въ этомъ домѣ шляхетско-католическое. И дивно вамъ, да больно станетъ, когда этотъ шляхтичъ— ксендзъ, уловивъ сожаленіе ваше объ утратѣ унитскими священниками своей народности, самоувѣренно трахнетъ головою и скажетъ: „не, я не такій, естемъ русинемъ и бенде имъ:“ Онъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ свою унитскую литургію, своихъ прихожанъ, семью, и то что въ разговорѣ съ польскимъ ксендзомъ настаиваетъ на равноправности уніи съ латинствомъ, попрекнетъ его поползновеніемъ на унитскія овечки, но при этомъ же спроситъ о здоровьѣ новой молоденькой *господыни* его. Глубоко комично, когда при этомъ польско-латинскій ксендзъ, отвернувшись и сверкая глазами, процѣдитъ сквозь зубы: „у-у, заядлый русинъ, схизматикемъ патши.“ Боже мой, откуда напасть такая? Гдѣ же тутъ хотя чуточка Руси, гдѣ тутъ хотя крохотка схизмы! Два родные братья, дѣти одного римскаго отца—и такая братоубійственная ненависть!

Какимъ образомъ изъ православно-русскаго священника временъ брестскаго собора, при извѣстной ненависти католичества ко всему восточному, при вѣковой враждѣ русиновъ къ полякамъ, вышелъ этотъ вѣрный сынъ св. отца римскаго и ойчизны — Польши? Не спрашивайте объ этомъ его, исповѣдующаго *непрерывную* унію. По крайней мѣрѣ, какимъ образомъ развился въ немъ этотъ духъ, чуждый даже испорченнымъ богослужебнымъ книгамъ унитскимъ, и этое невиданное нигдѣ самоволіе въ отношеніи къ своему обряду? Отчего даже Служебникъ почаевскій страшно искажается, отчего Часословъ, Минеи, Октоихъ и под. лежатъ почти безъ всякаго употребленія? Каждый унитскій священникъ отвѣчаетъ на эти вопросы, будто пойманный врасплохъ. „У насъ со особне устава церкевне...“ Но и тутъ онъ далеко не пойдетъ, если вы знакомы съ уставомъ Цѣхановецкаго, только повторяющимъ въ сущности Почаевскій Служебникъ. „То сталосе звычаемъ—“ замѣчаетъ онъ, желаетъ извергнуться.—„а звычаемъ невольно пшемѣняць, только за благословенствемъ свентего отца» (папы). Безъ благословенія папы нельзя—будто бы—возстановить иконостасъ, престолъ поставить на своемъ мѣстѣ и жертвенникъ, вполнѣ соблюдать церковный уставъ, выбросить органы, говорить проповѣдь и исповѣдывать не на польскомъ языкѣ, а на народномъ, обучать въ холмской семинаріи на русскомъ языкѣ, не быть врагомъ *москалей* и проч, и проч.!! Утверждаютъ даже, что какъ разныя помѣстныя церкви имѣютъ свои особенные обычаи, такъ и подляское унитство отъ первыхъ своихъ временъ имѣетъ въ своемъ богослуженіи многія особенности, такъ что для него не могутъ служить примѣромъ униты галицкіе и даже Холмщина! Но оставимъ всякіе споры объ этомъ съ унитскимъ священникомъ и обратимся къ исторіи унитскаго богослуженія и унитскаго духовенства.

(*Кіевск. Епарх. Вѣд.*)

Отъ преосвященнаго Саввы, епископа полоцкаго и витебскаго, приглашеніе къ благотворительнымъ приношеніямъ въ пользу бѣдствующихъ церквей полоцкой епархіи.

Ввѣренная мнѣ полоцкая епархія, по отношенію къ внѣшнему ея благоустройству, находится въ крайне бѣдственномъ положеніи. Церкви и въ особенности сельскія, большею частію деревянныя: не многія изъ нихъ имѣютъ видъ, приличный святилищу Божію; напротивъ, большая часть въ какомъ положеніи, что поражаетъ взоръ, привыкшій видѣть благолѣпіе и красоту храмовъ Божіихъ во внутреннихъ россійскихъ епархіяхъ, своимъ убожествомъ и скудостію. Есть церкви, крытыя соломою, и только водруженный на верху ихъ крестъ отличаетъ ихъ обыкновенныхъ человѣческихъ жилищъ. Многія изъ сельскихъ церквей пришли въ такую ветхость, что угрожаютъ паденіемъ; въ нѣкоторыхъ церквахъ, по ихъ совершенной ветхости, съ давняго времени прекращено Богослуженіе, и прихожане или вовсе остаются безъ Богослуженія, или, для удовлетворенія своимъ религіознымъ потребностямъ, обращаются къ сосѣднимъ латинскимъ костеламъ.

Въ священныхъ и церковныхъ утваряхъ ощущается также крайній недостатокъ. Есть храмы, гдѣ нѣтъ приличныхъ употребляемыхъ въ православной церкви, священныхъ сосудовъ, безкровная жертва приносится въ малыхъ, на подобіе кубковъ уніатскихъ чашекъ безъ всякихъ священныхъ на нихъ изображеній. Ризничныя принадлежности, большею частію, ветхія и скудныя, индѣ недостаетъ даже необходимыхъ книгъ.

При крайней бѣдности бѣлорусскаго населенія, находившагося столь долгое время подъ тяжкимъ угнетеніемъ польскаго владычества, нѣтъ никакой надежды на матеріальную помощь со стороны самихъ прихожанъ, для приведенія въ приличное благоустройство православныхъ Божіихъ храмовъ полоцкой епархіи.

Посему съ разрѣшенія и благословенія высокопреосвященнѣйшаго Филарета, митрополита московскаго, обращаюсь съ смиренною мольбою ко всѣмъ благочестивымъ ревнителямъ благолѣпія храмовъ Божіихъ, и въ особенности къ христолюбивымъ обитателямъ древне-престольнаго и искони православнаго града Москвы, гдѣ мнѣ по волѣ Провидѣнія Божія, въ теченіи 16-ти лѣтъ, суждено было проходить церковное служеніе, объ оказаніи посильной помощи бѣдствующимъ церквамъ ввѣренной мнѣ нынѣ полоцкой епархіи.

Всякое, хотя бы и малое приношеніе, принято будетъ мною съ чувствомъ глубокой признательности.

Примѣчаніе. Денежныя пожертвованія могутъ быть присылаемы чрезъ почту на имя Саввы, епископа полоцкаго, *въ Витебскъ;* вещественныя же приношенія могутъ быть доставляемы въ московскій Высокопетровскій монастырь къ о. казначею, іеромонаху Іосифу, для препровожденія оныхъ въ Витебскъ.

Газета „Москва" о славянскомъ вопросѣ.

Мы говорили уже, что вопросъ о свѣтской власти папы есть вопросъ о самомъ р. католическомъ вѣроученіи,—вопросъ, съ которымъ связаны судьбы р. католической церкви, всего латинскаго Запада. Къ латинскому ли Западу должны мы отнести славянъ, чеховъ, моравовъ, хорватовъ и иныхъ славянъ латинскаго вѣроисповѣданія? Къ Риму ли прикованы они узами вѣры и общенія церковнаго? Современная исторія даетъ отвѣтъ утвердительный, но вопіетъ противъ него все славное прошлое этихъ племенъ, возстаетъ противъ него пробудившееся снова къ жизни славянское самосознаніе, противорѣчитъ ему вся духовная сущность славянской народности. И теперь, когда римскій вопросъ волнуетъ недоумѣніемъ, мучитъ неразрѣшимостью весь р. католическій міръ, не въ чужомъ ли пиру похмѣльемъ является прикосновенность западныхъ славянъ къ этому вопросу? Будутъ ли они вмѣстѣ съ латинянами томиться неразрѣшимостью задачи о папствѣ, кружиться и путаться въ противорѣчіи, тщетно отыскивая у него выхода, когда разрѣшеніе у нихъ подъ рукою, когда имъ стоитъ только освѣжить свою историческую память, допросить преданія, обратиться къ лучшей порѣ своего прошлаго, воспоминаніемъ о которой живится въ нихъ и теперь сознаніе и чувство народности. Старина славянская не есть отжившая, но живая сила; славянская археологія не есть интересъ отвлеченной науки, но животрепещущій интересъ дѣйствительности. Не славянскіе ли апостолы Кириллъ и Меѳодій принесли свѣтъ христіанства къ моравамъ и чехамъ? Не ихъ ли письменнымъ глаголомъ славословится и донынѣ истинна Христова у православныхъ славянъ, и не ихъ ли отреклись славяне, уловленные и полоненные Римомъ? Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ языкѣ возносились у нихъ, хваленія славянскимъ первоучителямъ, по случаю недавняго тысячилѣтняго юбилея крещенія Моравской земли? Не латинскою ли литургіей чествовалась память мужей давшихъ славянамъ литургію славянскую? Не латинскими ли письменами выражалась благоговѣйная признательность потомковъ—изобрѣтателямъ народныхъ славянскихъ письменъ? Не постыдно ли, не безмысленно ли такое проти-

ворѣчіе, не преступно ли въ немъ пребывать и упорствовать? А между тѣмъ не трудно припомнить чехамъ, какую борьбу вели они съ папой изъ-за славянской литургіи, до самаго XII вѣка; не могутъ они не припомнить, что православныя преданія не вымирали до XV вѣка и сказались въ явленіи Гуса. Въ Гусѣ и цѣломъ рядѣ гусситскихъ войнъ выразилась борьба Чехіи за духовную самостоятельность славянства противъ латинской лжи,—и величая нынѣ имя этого мученика духовной свободы и славянской народности, что приносятъ въ даръ современные чехи на алтарь его памяти? Не ту ли неволю, не то ли же самое духовное рабство, отъ котораго надѣялся онъ спасти чешскій народъ своею мученическою смертью,—не примиреніе ли съ тѣми именно началами, которыя онъ считалъ гибельными для славянской народности, съ которыми завѣщалъ вѣчную и непримиримую вражду? Такія внутреннія противорѣчія обойдены быть не могутъ, и только легкомысліе можетъ мечтать—воздвигнуть на подобной духовной расщелинѣ прочное и цѣльное зданіе народности.

Не живы ли преданія православія и у славянъ адріатическихъ, къ несчастію олатиненныхъ? Не считаетъ ли и теперь (какъ убѣждаютъ въ томъ свидѣтельства путешественниковъ и наши личныя наблюденія) славянинъ-католикъ изъ простаго народа въ Хорватіи и на всемъ далматинскомъ побережьи и вѣру православную—старою вѣрою и молитвы православныхъ священниковъ — болѣе дѣйствительными чѣмъ молитвы латинскихъ патеровъ? Мы не можемъ пускаться теперь въ подробныя изслѣдованія всѣхъ слѣдовъ исторической памяти православія, сохравившихся у облатиненнаго славянства,—мы считаемъ достаточнымъ напомнить о нихъ пробуждающейся славянской совѣсти. Ей предстоитъ теперь совершить дѣло не отступленія отъ вѣры предковъ, а возвращенія къ вѣрѣ предковъ.

Нѣтъ ничего пагубнѣе, для истиннаго возрожденія славянской народности, той ложной мысли, что народность стоитъ выше вѣры, что вѣроисповѣданіе есть дѣло только совѣсти личной, и что славянскіе патріоты должны относиться къ нему безразлично. Такимъ образомъ, по ихъ понятіямъ, «народность» выходитъ какимъ-то понятіемъ внѣшнимъ, безъ внутренняго, духовнаго содержанія,—между тѣмъ какъ именно въ содержаніи вся суть и сила. Пусть обратятся къ исторіи: латинство и православіе, какъ мы уже не разъ говорили, это тѣ историческія и духовныя начала, подъ воздѣйствіемъ которыхъ двинулись различными историческими путями, сложились и образовались различно народности въ западной и восточной Европѣ. Быть латиняниномъ значитъ принадлежать къ латинской церкви, имѣть своимъ духовнымъ отечествомъ Римъ, состоять въ духовномъ единеніи со всѣмъ латинскимъ западнымъ міромъ, примыкать, въ извѣстной степени, къ его нравственнымъ и историческимъ судьбамъ. Быть православнымъ значитъ состоять

въ духовномъ союзѣ съ восточною церковью, съ міромъ греко-славянскимъ. Въ силу этого глубокаго духовнаго различія дѣлится европейскій міръ на двѣ половины, на два міра—на Востокъ и Западъ: это не географическіе термины, а термины качественные, означающіе различіе просвѣтительныхъ началъ, ставшихъ дѣйственными силами въ исторіи человѣчества. Міръ восточный есть міръ православный, и по преимуществу православно-славянскій, котораго представительницей является Россія, къ которому примыкають и влекутся неодолимымъ влеченіемъ всѣ даже иновѣрныя славянскія племена, въ коихъ не успѣло запустить глубокихъ корней латинство,—міръ самобытный, съ несомнѣннымъ залогомъ великой исторической будущности, ненавидимый западною Европой. Мѣрой ненависти европейской измѣряется, какъ мы уже говорили однажды, въ каждомъ славянскомъ племени внутренняя прочность славянскаго элемента. Не могутъ не причислять себя славяне, хотя бы и р. католики, къ міру восточному: что бы они ни дѣлали,—Западъ ихъ не признаетъ *своими*, пока не отреклись они отъ славянской народности. Если православные ему ненавистны, то и католики-славяне не сыны, а только *пасынки* западной Европы, и для нисъ она все же не мать, а мачиха. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ только одно усыновлено Западомъ вполнѣ — это именно то племя, которое приняло латинство себѣ въ плоть, кровь и душу, которое отреклось отъ братства славянскаго и стало передовымъ войскомъ латинскаго Запада противъ православно-славянскаго міра,—это племя польское. Его похитилъ изъ славянскаго міра католицизмъ; онъ изгубилъ, онъ заѣлъ его славянскую душу. Если прочія католическія славянскія племена еще сохранили въ себѣ славянскую душу, такъ именно благодаря тому, что они чужды латинскаго фанатизма, что католицизмъ не отождествился съ ихъ народною сущностью, что въ той или другой формѣ, сознательно или безсознательно, еще живутъ въ нихъ преданія православія и сказывается протестъ ихъ духовной славянской природы.

Съ неудержимою силой возникло въ новѣйшіе время народное самосознаніе 80 милліоновъ славянъ. Подъ знаменемъ Кирилла и Меѳодія, еще недавно, здѣсь въ Москвѣ, торжертвовалось видимое проявленіе всеславянства, праздновался праздникъ славянскаго братства. Но не означаетъ ли знамя Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянскихъ, объединнвшее на московскомъ съѣздѣ всѣ славянскія племена, единство началъ просвѣтительныхъ? Означаетъ, безъ сомнѣнія, если не какъ совершившійся фактъ, то какъ необходимое требованіе... Безъ объединенія духовнаго не совершится объединеніе славянскаго міра...

И вотъ, когда потребность объединенія созрѣла въ серцахъ славянсхихъ племенъ,—не внѣшняго только, но по преимуществу внутренняго; когда славяне начинаютъ разумѣть себя наконецъ міромъ особливымъ, славянскимъ, съ своимъ самобытнымъ призва-

ніемъ въ человѣчествѣ и ищутъ сознавать свое высшее объединительное начало,—одновременно съ этимъ движеніемъ славянскаго духа, доводитъ логика исторія духовное начало не славянскаго Запада до того кройняго предѣла абсурда, далѣе котораго идти невозможно. Возстаетъ вопросъ римскій, вопросъ — *быть или не быть* для латинства. Весь католическій міръ призывается къ отвѣту,—исторія предъявляетъ вопросъ всѣмъ членамъ латинской церкви.

Теперь или никогда. Если славяне хотятъ остаться славянами и не только остаться славянами, но исхитить свою славянскую душу изъ цѣпей духовнаго плѣна, сковывавшихъ ихъ съ судьбами латинскаго міра,—то на вопросъ, предлагаемый имъ современною исторіей, они должны дать отвѣтъ рѣшительный и не уклончивый, должны отрѣчься Рима и всѣхъ дѣлъ его, всенародно и гласно безъ сдѣлокъ и изворотовъ. Теперь славяне стоятъ на перепутьи: идти ли имъ въ Западъ или въ путь Востока, въ путь латинства или въ путь православія, примыкать ли имъ къ судьбамъ міра или къ судьбамъ міра греко-славянскаго, — ибо господствующая вѣра въ славянствѣ, хотя бы только по численности вѣрующихъ, а не по тождеству съ славянскою народною сущностью, есть вѣра православная... Выбирайте же чехи, моравы, хорваты, словаки, словинцы. Хотите ли, вмѣстѣ съ западной Европой, пробавляться религіозными сдѣлками и компромисами безвѣрія съ суевѣріемъ, вязнуть вмѣстѣ съ нею въ непроходимой чащѣ духовныхъ противорѣчій,—къ тому же не вашихъ, не изъ васъ нороженныхъ, а навязанныхъ намъ врагами вашей славянской свободы, — или же выйдти на тотъ широкій духовный путь истины православной, которымъ идутъ 60 милліоновъ вашихъ славянскихъ братій, которымъ шли первоначально и ваши предки? Хотите ли вы, ревнуя о своей народной славянской самостоятельности, имѣть свою народную церковь, въ качествѣ члена церкви вселенской, ичи же признавать своимъ духовнымъ центромъ по прежнему латинскій Римъ? Хотите ли имѣть главою церкви Христа, или папу?

Мы не видимъ причины, почему, пользуясь свободою вѣроисповѣданія, огражденною конституціей, не моглп бы тѣ изъ славянъ католиковъ, которые раздѣляютъ нашъ образъ мыслей, отречься отъ латинства, присоединиться къ православію, воскресить древнее славянское богослуженіе и воздвигнуть православные храмы— и въ Прагѣ, и Бернѣ, и въ прочихъ олатиненныхъ мѣстахъ. Кто можетъ имъ въ этомъ воспрепятствовать? Ужели не сознаютъ они, какъ незыблемо, на вѣки вѣковъ, упрочатъ они духовную самостоятельность своего національнаго развитія,—какой крѣпкій камень положатъ они во главу угла воздвигаемаго ими зданія своей народности и всего славянства?...

Настоящій мигъ есть вѣщій мигъ. Ужели не внимутъ наши братья, олатиненные славяне, этому зову исторіи? Во имя ли только одной Россіи или и *всего* славянскаго міра должно раздаться слово русской державы на этомъ сонмищѣ представителей европейскихъ державъ, призываемыхъ нынѣ судить папѣ, папству и всему вѣроисповѣдному строю латинскаго міра?

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ на 1868 годъ.

„ЛИТЕРАТУРНАЯ БИБЛІОТЕКА.“

Журналъ этотъ издается въ С.-Петербургѣ съ октября 1866 года, безъ предварительной цензуры, по слѣдующей программѣ:

а) Русскіе оригинальные: романы, повѣсти, драматическія піесы, стихотворенія и проч.

б) Записки путешественниковъ, историческіе мемуары, біографіи и т. п.

в) Статьи по важнѣйшимъ современнымъ вопросамъ общественной и политической жизни, по исторіи политической и литературной, по предметамъ естествованія, нравственно философическаго содержанія и проч.

г) Обозрѣнія общественной жизни, литературы и искуствъ въ Россіи и за границой, въ видѣ фельетона, корреспонденцій изъ важнѣйшихъ городовъ Европы и т. п.

д) Свѣдѣнія о новыхъ книгахъ русскихъ и иностранныхъ, съ изложеніемъ содержанія и разборовъ любопытнѣйшихъ изъ нихъ.

е) Разнаго рода мелкія статьи, извѣстія, анекдоты и т. п.

ж) Переводные романы, повѣсти, разсказы и т. п.

Въ 1867 году въ «Литературной Библіотекѣ» принимали участіе между прочимъ слѣдующіе литераторы: В. Г. Бенедиктовъ, Ѳ. Н. Бергъ, П, А. Вяземскій, В. И. Головинъ, Д. Константиновичъ, В. П. Клюшниковъ, Ѳ. Н. Макушевъ, Д. П. Ознобишинъ, Я. П. Полонскій, М. П. Розенгейнъ, М. Стебницкій, А. А. Фетъ и проч. Въ будущемъ 1868 году „Литературная Библіотека“ будетъ пользоваться содѣйствіемъ какъ этихъ, такъ и еще многихъ другихъ извѣстныхъ литераторовъ.

Редакція считаетъ не лишнимъ заявить теперь же, что ею пріобрѣтены для помѣщенія въ будущемъ году въ «Литературной Библіотекѣ» между прочимъ слѣдующія произведенія:

Резонеры, новый романъ *М. Стебницкаго* (автора романовъ „Некуда“ и «Обойденные», драмы „Расточитель“ и пр.).

Двѣ силы, новый романъ *Вс. Вл. Крестовскаго* (автора романа «Петербургскія Трущобы» и проч.)

Признанія Сергѣя Чалыгина, романъ *Я. Полонскаго*, ч. II.

Свѣжо преданіе.... Романъ-хроника, изъ недавней исторіи петербургскихъ нигилистовъ и заговорщиковъ. *NN*.

Марино Фаліеро, *Байрона*, переводъ въ стихахъ *Е. Ф. Зарина*.

Кромѣ того редакція надѣется пріобрѣсти новыя произведенія нѣкоторыхъ другихъ извѣстныхъ писателей, съ которыми объ этомъ еще ведутся въ настоящее время переговоры.

„Литературная Библіотека» выходитъ **два раза въ мѣсяцъ**, книжками въ 160 и болѣе страницъ убористаго и четкаго шрифта. Форматъ въ будущемъ году будетъ увеличенъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	Безъ доставки въ Спб. и Москвѣ.	Съ доставкою на домъ и съ пер. въ гор.
На годъ (24 книги)	9 р.	10 р.
На полгода (12 книгъ), съ января или іюля	5 р.	6 р.
На 3 мѣсяца (6 книгъ), съ января, апрѣля, іюля или октября	3 р.	3 р. 50 к.

За назначеніемъ дробной подписки на треть года и на полгода, никакой разсрочки въ платежѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается преимущественно: отъ жителей С.-Петербурга въ книжныхъ магазинахъ *Я. Исакова, Овсянникова* и *Базунова;* отъ жителей Москвы въ книжномъ магазинѣ *Соловьева* (бывшемъ Базунова); иногородные же благоволятъ обращаться *прямо въ редакцію*, надписывая свои требованія такъ: *въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала «Литературная Библіотека.“* На годъ и на полгода можно подписываться также въ с.-петербургской и Московской газетныхъ экспедиціяхъ.

Въ редакціи имѣются полные экземпляры „Литературной Библіотеки“ за 1867 годъ, которые можно получить по вышеозна-

ченной цѣнѣ. Подписчикамъ же на 1868 годъ эти экземпляры уступаются 1 рублемъ дешевле. Но за ними слѣдуетъ обращаться исключительно въ редакцію.

„СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ."

Съ 1867 года предпринято постепенное изданіе **Собранія сочиненій Русскихъ Писателей,** начиная съ петровскаго періода нашей литературы.

Въ настоящее время съ трудомъ можно найдти въ продажѣ сочиненія даже нѣкоторыхъ новѣйшихъ писателей, изданія же писателей прежняго времени почти безъ исключенія составляютъ библіографическую рѣдкость, и потому или вовсе не могутъ быть пріобрѣтены, или продаются по чрезвычайно высокой цѣнѣ.

Между тѣмъ интересы нашего отечественнаго просвѣщенія, пріобрѣтающіе все болѣе и болѣе правъ на общественное вниманіе, настоятельно требуютъ ближайшаго и непосредственнаго знакомства съ тѣми памятниками слова и дѣла, которые оставлены намъ въ наслѣдіе предъидущими поколѣніями. Творенія писателей служатъ наилучшими, наиболѣе краснорѣчивыми и наглядными и всѣмъ доступными памятниками умственнаго и эстетическаго развитія народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ — наилучшей школой для познанія, правильнаго воспитанія и укрѣпленія національнаго духа и характера. Потому во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ отечественные писатели служатъ предметомъ тщательнаго изученія въ школахъ и высоко чтимыми соотечественниками, какъ лучшіе представители народнаго генія.

Для того, чтобы сочиненія русскихъ писателей были *общедоступны*, такъ чтобы и недостаточные люди могли постепенно украсить свои библіотеки лучшими произведеніями отечественнаго творчества, въ это изданіе войдутъ лишь замѣчательнѣйшія произведенія, въ которыхъ черты той или другой эпохи и геній каждаго писателя выражаются съ наибольшею полнотою. Для той же цѣли принятъ компактный шрифтъ и форматъ, по образцу иностранныхъ изданій подобнаго рода.

Сочиненіемъ каждаго писателя будетъ предпослано краткое его жизнеописаніе, съ критическимъ обзоромъ его литературной

дѣятельности, а если число подписчиковъ будетъ значительно, то и съ портретомъ писателя.

Предпринятое такимъ образомъ изданіе **Сочиненій Русскихъ Писателей** будетъ выходить въ свѣтъ выпусками, заключающими въ себѣ по нѣскольку писателей, съ тѣмъ чтобы каждый изъ нихъ могъ быть помѣщенъ въ отдѣльномъ томѣ. Въ первый выпускъ войдутъ сочиненія: 1) Ломоносова, 2) Екатерины Великой, 3) Сумарокова, 4) Фонъ-Визина, 5) Державина, 6) Грибоѣдова или Карамзина.

Уже вышелъ въ свѣтъ 1 томъ перваго выпуска, заключающій въ себѣ сочиненія Ломоносова. Въ декабрѣ выйдетъ II томъ—сочиненія Сумарокова, а въ 1868 г.— сочиненія остальныхъ четырехъ писателей. Затѣмъ о второмъ выпускѣ будетъ публиковано особо въ концѣ будущаго года.

Обращаться съ требованіями на первый выпускъ этого изданія слѣдуетъ преимущественно: *Въ С.-Петербургѣ въ редакцію „Литературной Библіотеки“* (при содѣйствіи которой это изданіе предпринято), а также къ книгопродавцамъ: Я. Исакову, Базунову и Овсянникову въ С.-Петербургѣ и Соловьеву въ Москвѣ.

Цѣна за первый выпускъ **Сочиненій Русскихъ Писателей** назначается:

Безъ пересылки 4 руб., съ пересылкою 5 руб.

Подписчики на „Литературную Библіотеку“, обращающіеся прямо въ ея редакцію, платятъ 1 рублемъ дешевле,

У всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ продаются книги:

Путешествіе по Хивѣ, Бухарѣ и Самарканду. *А. Вамбери* 1 т., 221 стр., съ картою Средней Азіи. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Задунайскіе и Адріатическіе славяне. Очерки статистическіе, этнографическіе и историческіе *Викентія Макушева.* Спб. 1867 1 томъ, 308 стран. Цѣна 1 руб. 50 к, съ пер. Въ книгѣ этой помѣщено восемъ статей: 1) Задунайскіе славяне. 2) Воспоминаніе о Лукѣ Вукаловичѣ и послѣднемъ герцоговинскомъ возстаніи. 3) Поѣздка въ Черногорію въ сентябрѣ 1865 года. 4) Воззрѣнія черногорцевъ на Россію и русскихъ. 5) Пробужденіе литературной дѣятельности въ Черного-

ріи. 6) Далматинцы. 7) Очерки Дубровника. 8) О литературномъ возрожденіи Дубровника.

Сочиненія Ломоносова. Соб. 1867. 1 томъ, XI—302 стр. Цѣна 75 коп., съ перес. 1 рубль.

„ПРАВОСЛАВНОЕ ОБОЗРѢНІЕ."

на 1868 годъ.

Православное Обозрѣніе въ 1868 году будетъ издаваться по прежней программѣ, ежемѣсячно, книжками въ 12 и болѣе печатныхъ листовъ. Въ составъ его будутъ входить: I. Переводъ Свящ. Писанія на русскій языкъ. II. Статьи научно-богословскія и назидательныя. III. Изслѣдованія о русскомъ расколѣ, а также объ обществахъ иновѣрныхъ. IV. Критическій обзоръ и библіографія духовной литературы русской и иностранной. V. Замѣтки: распоряженія правительства по духовному вѣдомству, спеціальныя обозрѣнія хода духовно-учебнаго преобразованія и другихъ современныхъ дѣлъ въ жизни церковно-общественной, внутренняя корреспондениія, заграничныя и разныя извѣстія. VI. Въ приложеніи—переводъ сочиненій св. Иринея Ліонскаго „противъ ересей".

Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ безъ доставки на домъ *шесть рублей сер.*, съ доставкою на домъ въ Москвѣ, равно съ пересылкою въ другіе города *семь рублей сер.*

Въ *Москвѣ* можно подписываться: въ *конторѣ редакціи Православнаго Обозрѣнія* (Остоженка, приходъ Нов. Воскресенія, домъ свящ. Смирнова-Платонова) и *книжныхъ магазинахъ:* гг. Соловьева, Ѳерапонтова, Глазунова, Салаева, Вольфа и др.

Въ *Петербургѣ:* въ книжнихъ магазинахъ гг. Базунова, Давыдова, Овсянникова, Исакова, Кораблева и др.

Иногородные, для скорѣйшей и вѣрнѣйшей доставки журнала, адресуются *прямо и исключительно*: **въ контору редакціи „Православнаго Обозрѣнія" въ Москвѣ.**

Желающіе пріобрѣсти *Православное Обозрѣніе* съ начала изданія, платятъ какъ за всѣ прошедшія восемъ лѣтъ, такъ и за

1868 годъ, вмѣстѣ— безъ пересылки 30 руб., съ пересылкою 35 руб. сер.

Редакторъ протоіерей Н. Сергіевскій Ординарный профессоръ *богословія* въ московскомъ университетѣ.

ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ"

И ГАЗЕТА

„СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ."

Заявляемое многочисленными нашими подписчиками желаніе получать наши періодическія изданія, обязываетъ насъ продолжать ихъ, съ Божіею помощію, и въ будущемъ году, съ неослабнымъ усердіемъ къ общему благу.

Мы имѣемъ въ виду читателей всѣхъ сословій и разныхъ степеней образованія. Намъ извѣстно, что наши городскіе и сельскіе духовные пастыри выписываютъ нашъ журналъ не только для себя, но и для своей православной паствы. Этимъ, можно сказать, опредѣляется степень вліянія **„Странника"** на современное церковное общество. А каково это вліяніе,— можно отчасти судить по тому духу и направленію, которымъ мы съ самаго начала изданія неизмѣнно слѣдовали и будемъ слѣдовать, подъ осѣненіемъ дарованнаго намъ благословенія святѣйшаго Сѵнода.

Съ смиренною простотою вѣры, благоговѣйно наблюдая многоразличные пути Божественнаго промышленія, мы не позволяемъ себѣ подвергать ихъ своему суду человѣческому, или— мудрствовать *паче, еже подобаетъ мудрствовати* (Рим. 12 3); но передаемъ ихъ такъ, какъ передаютъ намъ очевидцы или люди, заслуживающіе полнаго довѣрія. Въ столь важномъ и общеполезномъ дѣлѣ— участіе всѣхъ благонамѣренныхъ лицъ, и особенно участіе нашихъ собратій, служащихъ алтарю, какъ самимъ Господомъ призванныхъ служителей и провозвѣстниковъ истины, всегда было и будетъ для насъ и желательно, и утѣшительно.

И потому мы просимъ ихъ о томъ, во имя Господа и Его св. Церкви. Просимъ и лицъ другихъ сословій присылать въ нашу редакцію статьи религіозно-нравственнаго седержанія: она охотно будетъ по прежнему давать имъ мѣсто въ журналѣ.

Во вниманіи къ духу времени и потребностямъ общества, рядомъ со статьями общедоступными, нерѣдко помѣщаются у насъ и статьи ученаго содержанія, по которымъ наше изданіе, по справедливости, можетъ быть названо не только популярнымъ, или народнымъ, но и учено-литературнымъ.

Въ видахъ полнаго раскрытія и уясненія истины, мы не отказываемся помѣщать у себя и такія статьи, которыя бы предназначены были къ исправленію ненамѣренно допущенныхъ кѣмъ либо изъ нашихъ гг. сотрудниковъ погрѣшностей. Но никакая полемика, особенно желчная, никогда не допускалась и никогда не будетъ допущена въ нашемъ духовномъ журналѣ. Мы твердо помнимъ, что заповѣдано намъ Апостоломъ Христовымъ: *рабу Господню не подобаетъ сваритися* (2 Тим. 2, 24). Знаемъ также, съ какою скорбію писалъ нѣкогда св. Василій Великій къ западнымъ братіямъ, описывая имъ бѣдственное состояніе истинныхъ христіанъ на Востокѣ: „У нѣкоторыхъ и защищеніе православія обратилось въ орудіе взаимной брани; скрывая свою вражду, они даютъ ей видъ поборничества по православію“.... Но намъ, слава Богу, не противъ-кого враждовать: мы имѣемъ дѣло съ нашими собратіями о Христѣ, которыхъ не можемъ не любить и, по мѣрѣ нашихъ силъ, всѣхъ желали бы привлечь въ любовь Христову и въ сыновнее послушаніе пекущейся о спасеніи нашемъ матери Церкви. Вотъ единственная цѣль „Странника“, направляющаго свой путь къ отечеству небесному!

Издаваемый при духовномъ журналѣ „Странникъ,“ **Современный Листокъ** политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій, находится, какъ извѣстно, подъ особою редакціею, которая и отвѣчаетъ за содержаніе его. Не принимая непосредственнаго участія въ трудахъ этой газеты (хотя иногородные сотрудники бываютъ у насъ общіе, такъ что весьма нерѣдко въ одно и тоже время присылаютъ статьи и въ „Странникъ“, и въ „Современный Листокъ“), мы, однако, считаемъ своимъ долгомъ слѣдить за его направленіемъ— не только по пра-

ву издателя, но и потому, что большая часть нашихъ читателей подписываются на оба наши періодическія изданія. На сколько „Современный Листокъ" соотвѣтствуетъ потребности читающей публики, особенно духовнаго сословія, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что въ нынѣшнемъ 1867 году, для удовлетворенія подписчиковъ, заявлявшихъ свои требованія уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и продолжавшихъ заявлять послѣ того, мы должны были отпечатать нумера за все первое полугодіе *вторымъ изданіемъ*, не смотря на то, что и первымъ изданіемъ отпечатано было большее, сравнительно съ прошлогоднимъ число экземпляровъ. Не можемъ не порадоваться этому успѣху; потому что съ увеличеніемъ числа подписчиковъ, увеличится, безъ сомнѣнія, и число нашихъ корреспондентовъ, отъ чего газета естественно должна сдѣлаться занимательнѣе и разнообразнѣе.

Поздняя подписка многихъ на текущій годъ была, къ сожалѣнію, причиною несвоевременной высылки первыхъ нумеровъ журнала и газеты, не взирая на вполнѣ своевременный выпускъ ихъ. Для предотвращенія на будущее время такихъ непріятныхъ случаевъ, убѣдительно просимъ почтенныхъ нашихъ читателей возобновить подписку заблаговременно, чтобы еще до новаго года успѣли мы отпечатать вновь сообщенные адресы и соблюсти другія формальности первой отправки.

Условія подписки на каждое изъ нашихъ повременныхъ изданій, или на оба вмѣстѣ, остаются прежнія, а именно: 1) за годовое изданіе **„Странника"**, состоящее изъ 12-ти книжекъ, со всѣми приложеніями, портретами, и т. п., съ пересылкою во всѣ почтовыя мѣста имперіи, *четыре рубля серебромъ;* 2) за годовое изданіе **„Современнаго Листка"**, состоящее изъ 104 нумеровъ, съ пересылкою два раза въ недѣлю — во всѣ почтовыя мѣста также *четыре рубля серебромъ;* 3) для подписывающихся на **„Странникъ"** и **„Современный Листокъ"** вмѣстѣ, годовая плата на послѣдній понижается до *трехъ рублей*, и такимъ образомъ за оба изданія — журналъ и газету слѣдуетъ высылать *семь рублей серебромъ*.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно*

тамъ: Въ редакцію духовнаго журнала „Странникъ“ въ С.-Петербургѣ.

Редакторъ и издатель: *Протоіерей Василій Гречулевичъ*, законоучитель Императорскаго Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ

ХРИСТІЯНСКАГО ЧТЕНІЯ.

въ 1868 году.

„Христіанское Чтеніе“, издаваемое при с.-петербургской духовной академіи съ 1821 года, брдетъ и въ слѣдующемъ 1868 году выходитъ ежемѣсячно по прежней программѣ. Въ составъ его входятъ слѣд. отдѣлы.

Отдѣлъ I. Переводъ св. книгъ Ветхаго Завѣта съ еврейскаго языка, именно—въ 1868 году будетъ изданъ переводъ второй книги Паралипоменонъ и слѣдующихъ за нею—съ особымъ счетомъ листовъ и страницъ.

Отдѣлъ II. Творенія св. Отцовъ и учителей древней Вселенской Церкви. Въ этомъ отдѣлѣ въ наступающемъ году будетъ продолжаться переводъ писемъ *св. Θеодора Студита*

Отдѣлъ III. Духовно-ученыя изслѣдованія: догматическія, церховно историческія, каноническія, полемическія, религіозно философскія и др.

Отдѣлъ IV. Статьи, относящіяся къ нравственной христіанской жизни,—какъ-то: размышленія, повѣствованія, имѣющія поучительный, характеръ и проповѣди.

Отдѣлъ V. Обозрѣніе современныхъ церковныхъ дѣлъ и богословской и вообще духовно-ученой литературы отечественной и иностранной.

„Христіанское Чтеніе“ будетъ выходить книжками отъ 10—12 листовъ въ каждый мѣсяцъ.

Подписная цѣна за годовое изданіе въ С.-Петербургѣ *безъ доставки* на домъ *6 руб. сереб.;* а съ доставкою и *пересылкою во всѣ города 7 руб. серебромъ*. Желающіе получить „Христіанское Чтеніе“ въ концѣ года въ корешковомъ переплетѣ благоволятъ вы-

сылать за полный экземпляръ (12 книгъ) 10 руб. серебромъ. Въ видахъ облегченія подписчиковъ Редакція по примѣру прошедшаго года допускаетъ за годовое изданіе журнала разсрочку уплаты по полугодно—за ручательствомъ впрочемъ лицъ и мѣстъ начальственныхъ.

При академіи и у книгопровца Кораблева въ С.-Петербургѣ еще продаются полные экземпляры «Христіанскаго Чтенія» за прежніе годы, именно: 1822, 1823. 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1855, 1845, 1846, 1847, 1848.. 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1844. 1855, 1856, 2857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863; 1864, 1865 и 1866. Каждый эхземпляръ отдѣльно за 1822— 1848 годы по *5 руб. сер.* безъ пересылки, а съ пересылкою *6 руб. сер.;* экземпляры 1849—1866 годовъ по *6 руб. сереб.* безъ пересылку, а съ пересылкою по *7 руб. сер.* Кто пожелаетъ выписать имѣюшіеся экземпляры за всѣ гоны въ совокупности или съ 1822 по 1827, или съ 1833 по 1817 включительно, тому будетъ уступлены каждый экземпляръ одного года по *3 руб. сер. безъ пересылки,* за которую нужно прилагать на пять фунтовъ для каждаго экземпляра.

Подписка на „Христіанское Чтеніе" принимается въ Редакціи журнала при с.-перербургской дух. академіи, или въ правленіи этой академіи; также—въ правленіяхъ иногородныхъ д. семинарій, въ гезетной экспедиціи с.-петербургскаго почтамта и въ конторѣ Редакціи, находящейся въ С.-Петербургѣ при книжномъ магазинѣ Кораблева и Сирякова.

Редакція впрочемъ отвѣчаетъ за исправную доставку только тѣхъ экземпляровъ, которые выписываются отъ с.-петербургской дух. академіи, т. е. или непосредственно отъ Редакціи, или чрезъ правленіе академіи; а потому проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ обращаться съ требованіями журнала прямо и исключительно въ с.-петербургскую дух. академію — съ точнымъ обозначеніемъ: губерніи, уѣзда, города или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, званія, имени и фамиліи подписчика.

Можно также получать *въ Редакціи* отдѣльными книгами:

1) Бесѣды св. Златоуста на псалмы (въ 2-хъ том), помѣщенныя въ Хр. Чт. за 1860 г. Цѣна 3 р., на перес. за 2 ф.

2) *Его же* бесѣды на разныя мѣста св, Писанія. Т. I, II и III. Цѣна каждому тому 1 р 50 к., на перес. за 2 ф.

3) *Его же* бесѣды на Евангеліе св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова. Вы 2-къ томахъ (около 70 листовъ). Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

4) *Его же* бесѣды на 1-е посланіе св. апостола Павла къ Кориноянамъ. Въ 2-хъ томачъ. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 руб.

5) *Его же* басѣды и слова на разные случаи. Т. I II. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., на пересылку за 2 ф.

6) *Его же* бесѣды къ антіохійскому народу. Цѣна 2 руб., на пересылку за два фунта.

7) *Его же* письма къ разнымъ лицамъ. Ц. 1 р. на пересылку за 2 фунта.

8) Церковную Исторію Евсевія. Цѣна 2 руб., на пересылку за два фунта.

9) Письма св. Ѳеодора Студита. Т. 1. Цяна 1 р. на перес. за 2 фунта.

10) Указатель сочиненій, содержашихся въ 88 частяхъ „Христіанехаго Чтенія". Цѣна (съ пересылкою) 50 к. сер.

11) Указатель сочиненій, содержащихся во всѣхъ частяхъ „Христірнскаго Чтенія" съ 1843 по 1860 г. включительно. Цѣна 20 к. сер., на пересылку за 1 юунтъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

ДУХОВНАГО ЖУРНАЛА.

ПРАВОСЛАВНЫЙ СОБЕСѢДНИКЪ

въ 1868 году.

„Православный собесѣдникъ" издавающійся при казанской духовной академіи, по распоряженію святѣйшаго Сѵнода, съ 1865 года, и выходившій въ первые три года (1855, 1856, 1857) повременно въ четырехъ книжкахъ, а съ 1858 года выходившій ежемѣсячно—по двѣнадцати книжекъ въ годъ, въ слѣдующемъ

1868 году будетъ издаваться по прежней программѣ, въ строго-православномъ духѣ и въ ученомъ направленіи, съ 1-го января, *ежемѣсячно*, книжками, не менѣе 10 печатныхъ листовъ въ каждой.

„Православный Собесѣдникъ“ раздѣленъ на двѣ половины, изъ которыхъ первая состоитъ *исключительно* изъ „Приложеній“, а вторая—*преимущественно* изъ оригинальныхъ статей, составляющихъ собственно „Православный Собесѣдникъ„.

Въ первой половинѣ, составляющей „Приложенія“ къ Православному Собесѣднику, помѣщаются:

1) Дѣянія святыхъ (actx sanitorum), *въ русскомъ переводѣ*, подъ заглавіемъ: „Сказанія о святыхъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою церковію“ (продолженіе прежде изданнаго).

2) Дѣянія мучениковъ (acta martyrum) *въ русскомъ переводѣ*, подъ заглавіемъ: „Сказанія о мучиникахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою церковію“ (продолженіе прежде изданнаго).

3) Дѣянія (акты) вселенскихъ соборовъ, *въ русскомъ переводѣ*, въ полномъ ихъ составѣ (продолженіе V всел. собора).

4) Толкованія блаженнаго Ѳеоктиста болгарскаго на посланія св. апостоловъ, *въ русскомъ переводѣ*. (Продолженіе прежде изданнаго).

5) Памятники древне-русской духовной письменности, значительнаго объема, составляющіе цѣлыя книги.

Каждое изъ упомянутыхъ приложеній составитъ наконецъ особую книгу, съ особымъ—заглавнымъ листомъ, счетомъ страницъ и оглавленіемъ.

Примѣчаніе. Чтобы, при многосложности означенныхъ предметовъ первой половины «Православнаго Собесѣдника», не раздроблять ихъ на мелкія части для помѣщенія всѣхъ приложеній въ каждой книжкѣ, но давать читателямъ въ каждой, мѣсячной, книжкѣ журнала болѣе цѣлостное чтеніе, помѣщается въ каждой книжкѣ по одному приложенію, того или другаго изъ означенныхъ выше предметовъ, не менѣе пяти листовъ, такъ: въ одной напр. книжкѣ «Дѣянія святыхъ», въ другой—«Дѣянія мучениковъ» и такъ далѣе.

Во второй половинѣ, собственно въ „Православномъ Собдсѣдникѣ“, помѣщаются статьи:

1) Догматическаго содержанія,

2) Нравственнаго содержанія,

3) Истолковательнаго содержанія,

4) Церковно-историческаго содержанія.

5) Другія, болѣе или менѣе подходящія къ утвержденной прежде святѣйшимъ Сунодомъ программѣ „Православнаго Собесѣдника“, статьи духовнаго содержанія, и

6) Памятники древне-русской духовной письменности небольшаго объема, не составляющіе цѣлыхъ книгъ.

Примѣчаніе. При обширности этой программы «Православнаго Собесѣдника», и по не большому объему книжекъ его, не всѣ означенные здѣсь отдѣлы входятъ въ каждую, мѣсячную, книжку его, но въ одной помѣщаются статьи по однимъ отдѣламъ, въ другой—по другимъ.

Изъ двѣнадцати книжекъ этой половины «Православнаго Собесѣдника», по окончаніи года, составится *три* тома, отъ 20 до 30 печатныхъ листовъ въ каждомъ, съ особыми—заглавными листками счетомъ страницъ и оглавленіями..

Цѣна за полное годовое изданіе „Православнаго Собесѣдника“, на 1868 годъ, со всѣми приложеніями къ нему, остается прежняя: *въ Казани съ доставкою на домъ, и съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи*—

СЕМЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

Подписка принимается *въ Казани въ редакціи Православнаго Собесѣдника при духовоой академіи.*

ИЗВѢСТІЯ ПО КАЗАНСКОЙ ЕПАРХІИ.

Съ 1867 года, при „Православномъ Собесѣдникѣ“ издается отдѣльное прибавленіе подъ заглавіемъ „Извѣстія по Казанской Епархіи“, которыя будутъ выходить и въ 1868 году, два раза въ мѣсяцъ, нумерами, по 2 печетныхъ листа въ каждомъ, убористаго шрифта.

Цѣна „Извѣстій“ для мѣстъ и лицъ *другихъ епархій* и *другихъ вѣдомствъ*; а) вмѣстѣ съ „Православнымъ Собесѣдни-

комъ" *десять* руб. б) отдѣльно отъ него *четыре* руб. сер.—съ пересылкою.

Подписка принимается также *въ редакціи Православнаго Собесѣдника.*

въ той же редакціи продаются

ПО ПОНИЖЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ

и съ пересылкою:

А. „Православный Собесѣдникъ" *въ полномъ составѣ* книжекъ: за 1855, 1856 и 1857 годы (по 4 книги въ каждомъ) по 3 руб., за 1858. 1859, 1860, 1861, 1862, 1863. 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 6 руб., а за 1867 годъ (12 книгъ) 7 руб. сер.

Б. *Отдѣльно* отъ приложеній:

1 „Православный Собесѣдникъ" за 1855 г. (гдѣ, между прочимъ. статья: „День святой жизни". Одинъ томъ. Цѣна 1 руб.

2. „Православный Себесѣдникъ" за 1856 г. Одинъ томъ. Цѣна 1 рубл.

„Православный Собесѣдникъ" за 1857 г. (гдѣ, между прочимъ, „Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа туровскаго"). Одинъ томъ. Цѣна 1 рубл. 50 коп.

5. „Православный Собесѣдникъ" за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годы, по три тома въ каждомъ, по 3 руб. сер. за годъ.

В. *Отдѣльно* отъ „Православнаго Собесѣдника', приложонія къ нему.

1. „Посланія св. Игнатія Богоносца" (сй свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ). Одины томъ. 1855. Цѣна 1 руб.

2. „Благовѣстникъ", или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. евангелія—Матѳея и Марка (съ придисловіемъ). Два тома. 1855—1857. Цѣна 3 руб. за оба тома.

3. „Святаго отца нашего Григорія Двоеслова." Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. Цѣна 1 руб. 50 коп.

4. „Дѣянія Вселенскихъ Соборовъ". Три тома. 1859—1864. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 руб. 50 коп., за третій 3 руб. 50 коп., за всѣ три тома 10 руб.

5. „Посланія Игнатія", митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 коп.

6. „Просвѣтитель или обличеніе ереси жидоствующихъ". Твореніе преподобнаго отца нашего Іосифа, игумена волоцкаго (съ обширнымъ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1855—1857. Цѣна 2 руб. 50 коп.

7. „Сочиненія преподобнаго Максима Грека" (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1861. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Наксима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., ца третій 1 руб., за всѣ три тома 5 руб.

8. „Стоглавъ" (съ предисловіемъ. Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб. 50 коп.

9. „Сочиненіе инока Зиновія": Истинны показаніе къ вопросящимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1863. Цѣна 4 руб.

10. „О причинахъ раздѣленія главныхъ раскольническихъ сектъ" (поповщины и безпоповщины) на многіе мелкіе толки. Одинъ момъ. 1857. Цѣна 1 руб.

11. „;Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима". Цѣна 20 коп.

12. „Указатель" статей. помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ" съ 1855 по 1866 годъ. Цѣна 30 коп.

Редакція „Православнаго Собесѣдника" проситъ желающихъ выписывать означенныя въ семъ объявленіи изданія ея—обращаться съ своими требованіями *прямо* въ эту редакцію, съ приложеніемъ за нихъ денегъ по вышеозначеннымъ цѣнамъ, и прописывать свои адресы ясно и точно.

объ изданіи

ДОМАШНЕЙ БЕСѢДЫ

въ 1868 году.

Десятилѣтнее существованіе журнала, ничѣмъ не обезпеченнаго, никогда не имѣвшаго обязательныхъ сотрудниковъ, всегда остававшагося вѣрнымъ однажды принятому направленію, не усту-

павшаго ни одной іоты враждебнымъ отношеніямъ къ евангельской истинѣ и русской правдѣ, не картавившаго на честной службѣ закону, долгу и совѣсти, составляетъ не совсѣмъ обыкновенное явленіе въ наше время. Довольно въ этотъ не малый періодъ времени сошло со сцены изданій, изъ которыхъ каждое считало своимъ долгомъ съ ожесточеніемъ бросаться на **Домашнюю Бесѣду** и ея редактора; довольно было ему скорбей и утѣсненій съ разныхъ сторонъ,—и все то, по милости Божіей, прошло и обратилось намъ въ пользу, а недругамъ и зложелателямъ нашимъ въ стыдѣніе лица. Съ искреннимъ благодареніемъ Господу Богу, озираешься теперь на пройденное поприще, и видишь ясно, что не даромъ были подъемлемы труды, не постыдилось и упованіе наше на то, что весь этотъ наносный туманъ, вся эта изгарь исчезнетъ, и ярко возсіяетъ солнце правды евангельской. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли было то время, когда никто не дерзалъ и заикнуться о православіи, когда надъ нимъ глумились и издѣвались, во имя измышленной „вѣры сознанія?“ А теперь всѣ поняли, что оно есть единственное, связующее звено, безъ котораго ничто не можетъ быть прочно ни въ политическомъ, ни въ гражданственномъ, ни въ семейственномъ быту Россіи. Давно ли **Домашняя Бесѣда** служила лозунгомъ пошлости, отсталости, обскурантизма и какого-то мракобѣсія? А теперь на страницахъ почти каждой газеты и каждаго журнала нѣтъ-нѣтъ да и найдешь на многое такое, что ставилось „убогой газеткѣ“ (1) въ судъ и осужденіе. Какъ же не возблагодарить Бога, какъ не порадоваться такому ощутительному повороту съ мертвящей безвѣріемъ зимы на оживляющую теплоту вѣры весну и многообѣщающее лѣто!...

Не всякому читателю извѣстно, какихъ огромныхъ трудовъ стоитъ веденіе и поддержаніе журнала, опредѣлившаго для себя строгую и серьезную программу. Но всякій въ правѣ требовать отъ издателя, чтобы онъ, не жалѣя силъ и здоровья, трудился для него по пословицѣ: взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ. Хорошо понимая это, мы и трудились до изнеможенія силъ, и будемъ трудится впредь, прося у всѣхъ молитвеннаго содѣйствія и

(1) Извѣстно, что такое прозвище, подхваченное нѣкоторыми смѣходѣйными изданіями, «Домашняя Бесѣда» получила отъ одного изъ лицъ, принадлежащихъ къ сословію духовному.

юноши. Есть, по милости Божіей, люди, которые облегчаютъ носимое нами тяжелое иго: они вполнѣ извѣстны только намъ, какъ безкорыстные труженики, а читатели видятъ одни лишь плоды ихъ разумнаго дѣянія. Увидятъ и впредь; ибо задача этихъ людей—не исканіе *своихъ си*, а только служеніе истиннымъ пользамъ ближняго. Предъ сонмами читателей „Домашней Бесѣды", склоняю до земли рано посѣдѣвшую мою голову, и благодарю, сердечно благодарю, не обязательныхъ, но постоянно обязывающихъ меня сотрудниковъ моихъ!...

Съ обновленными силами и съ тѣмъ же запасомъ усердія къ дѣлу нашему вступаемъ мы въ *одиннадцатое* лѣто существованія **Домашней Бесѣды.** Благословите же, отцы и братія, на предстоящій намъ подвигъ, и если что не допишемъ или перепишемъ, чтите исправливая, Бога дѣля, и не клените!

Домашняя Бесѣда и въ 1868 году будетъ продолжаться по указанію той же програмы и на тѣхъ же условіяхъ подписки.

Для неполучавшихъ доселѣ, повторяемъ эти условія. За годовое изданіе *безъ пересылки* платится **четыре** рубля; съ доставкою въ Петербургѣ **четыре** рубля **пятдесять** копѣекъ; съ пересылкою по всей Имперіи—**пять** рублей.

Подписка принимается въ **Петербургѣ** *преимущественно* въ конторѣ Редакціи, у Измайловскаго моста, въ домѣ г-жи Ждановой. Въ **Москвѣ** въ книжномъ магазинѣ **А. П. Ѳерапонтова,** на Никольской улицѣ, а также у всѣхъ книгопродавцевъ какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ.

Всякій книгопродавцевъ, принимающей у себя подписку на **Домашнюю Бесѣду,** пользуется *двадцатью пятью* коп. съ каждаго экземпляра всѣхъ годовъ, кромѣ 1858 года, а сверхъ того пересылку денегъ по почтѣ относитъ на счетъ Редакціи.

Въ Конторѣ Редакціи находятся полные, отброшюрованные экземпляры прежнихъ годовъ, уступаемые по уменьшенной цѣнѣ.

Домашняя Бесѣда	1858 г.		50 к.
„ „	1859 г. безъ перес.	1 р. 50 к.	съ перес. 1 р, 75 к.
„ „	1860 г.	2 р.	2 р. 50 к.
„ „	1861 г.	2 р.	2 р. 50 к.
„ „	1862 г.	2 р.	2 р. 50 к.
„ „	1863 г.	2 р.	2 р. 50 к.

„	„	1863 г.	2 р.	2 р. 50 к.
„	„	1864 г.	2 р.	2 р. 50 к.
„	„	1865 г.	4 р.	4 р. 50 к.
„	„	1866 г.	4 р.	4 р. 50 к.
„	„	1867 г.	4 р.	4 р. 50 к.

Выписывающіе журналъ за *всѣ* годы включительно платятъ *двадцать* рублей *съ пересылкою*.

Редакція честь имѣетъ предварить всѣхъ имѣющихъ съ нею какія бы то ни было сношенія по дѣламъ журнала:

1. Статей, неудобныхъ къ печатанію, на свой счетъ она не пересылаетъ, а сдаетъ ихъ въ контору, гдѣ онѣ и хранятся въ теченіи года, а потомъ уничтожаются.

2. Никакихъ постороннихъ порученій Редакція на себя не принимаетъ.

3. Пожертвованія на какое либо богоугодное дѣло принимаетъ только тѣ, о которыхъ заявляетъ, что будетъ принимать.

4. Переписки ни съ кѣмъ не заводитъ, и въ случаяхъ особенной надобности ограничивается печатными отзывами.

5. Полугодовую подписку или, точнѣе, разсрочку допускаетъ, но съ покорнѣйшею просьбою уплачивать за второе полугодіе своевременно, именно къ 1-му іюля.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“

въ 1868 году.

Журналъ «Руководство для сельскихъ пастырей», издаваемый по благословенію Святѣйшаго Сунода, при кіевской духовной семинаріи, продолжится и въ слѣдующемъ 1868 году, и начнетъ съ 1-го января девятый свой годъ.

Этотъ журналъ, избравъ однажды особенную цѣль— способствовать сельскимъ пастырямъ въ ихъ высокомъ служеніи строителей таинъ Божіихъ и въ многотрудной обязанности учителей

народныхъ, а также быть органомъ ихъ дѣятельности, ихъ желаній и потребностей, будетъ имѣть въ виду эту цѣль неизмѣнно; поэтому и въ слѣдующемъ году онъ будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же направленіи, какихъ держался до сихъ поръ.

Въ составъ „Руководства для сельскихъ пастырей," по программѣ, утвержденной Святѣйшимъ Сvнодомъ, будутъ входить:

I. Поученія къ простому народу различнаго содержанія: догматическаго, нравственнаго, обрядоваго и проч., а также извлеченія и выписки изъ твореній св. отцевъ, въ которыхъ говорится о священствѣ и которыхъ нѣтъ въ большей части сельскихъ церковныхъ библіотекъ.

II. Изслѣдованія о разныхъ церковныхъ и духовно-нравственныхъ предметахъ, приспособительныя къ потребностямъ сельскаго священника какъ въ церковной проповѣди, такъ и въ частныхъ его бесѣдахъ съ прихожанами.

III. Произведенія проповѣднической литературы прежняго времени, преимущественно тѣ, которыя отличаются своего рода современностію, простотою и общепонятностію.

IV. Оригинальныя статьи по части отечественной исторіи, а также матеріалы, относящіеся къ ней, съ надлежащею ихъ обработкою. Изъ матеріаловъ избираются исключительно тѣ, которые по содержанію своему могутъ имѣть какое либо отношеніе къ потребностямъ священника или его паствы.

V. Замѣчанія, совѣты и наставленія, пригодныя сельскому священнику въ разныхъ случаяхъ его пастырской жизни и дѣятельности. И во 1-хъ, замѣчанія касательно отправленія богослуженія, благочинія церковнаго, совершенія таинствъ, обращенія съ прихожанами, отношенія къ иновѣрцамъ и т. под. Во 2-хъ, замѣтки о характеристическихъ чертахъ простаго народа и о томъ, какъ пользоваться ими для успѣшнаго дѣйствованія на нравственность прихожанъ. Въ 3-хъ, свѣденія о благочестивыхъ мѣстныхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ, а также о предразсудкахъ, суевѣріяхъ, противныхъ духу православной вѣры и церкви, съ указаніемъ, когда нужно, историческаго происхожденія тѣхъ и другихъ. Въ 4-хъ, замѣтки касательно обученія въ сельскихъ школахъ и дѣтей прихожанъ, матеріалы для уроковъ въ церковно-приходскихъ школахъ и соображенія о первоначальномъ воспитаніи дѣтей священно-служительскихъ. Въ 5-хъ, библіогра-

фическія статьи о вновь выходящихъ книгахъ, особенно пригодныхъ сельскому священнику, и замѣтки по поводу журнальныхъ статей, касающихся сельскаго духовенства въ какомъ бы то ни было отношеніи.

Сверхъ того иногда сообщаются: 1) общія замѣчательныя извѣстія, касающіяся русской церкви и въ частности — свѣденія о достойныхъ вниманія распоряженіяхъ, учрежденіяхъ и церковныхъ событіяхъ въ разныхъ епархіяхъ; 2) свѣденія о положеніи единовѣрцевъ нашихъ въ Австріи и Турціи, и наконецъ 3) извѣстія и сужденія о замѣчательныхъ религіозныхъ явленіяхъ и перемѣнахъ въ католическомъ и протестантскомъ обществахъ.

Само собою разумѣется, что невозможно дать въ одинъ годъ полный объемъ всѣмъ указаннымъ отдѣламъ въ журналѣ, выходящемъ еженедѣльно, безъ опредѣленныхъ рубрикъ. Развитіе того или другаго отдѣла указывается современными потребностями пастырей и пасомыхъ; поэтому главное вниманіе будетъ обращено на рѣшеніе такихъ вопросовъ, которые вызываются текущими обстоятельствами; впрочемъ, для того, чтобы журналъ нашъ могъ доставить сельскимъ пастырямъ руководительное и образовательное чтеніе не для одного только года, но и на будущее время, въ немъ не будутъ оставлены безъ вниманія и другія задачи его, обозначеныя въ программѣ.

Статьи посторонних сотрудниковъ, соотвѣтсвующія цѣли и характеру изданія, будутъ помѣщены съ благодарностію и вознагражденіемъ. Редакція, на основаніи церзурныхъ правилъ, покорнѣйше проситъ гг. сотрудниковъ переписывать свои статьи разборчиво и съ полями для отмѣтокъ цензуры и заявлять редакціи свои фамиліи и въ такомъ случаѣ, если бы не пожелали печатать ихъ подъ статьями своими.

„Руководство для сельскихъ пастырей" выходитъ еженедѣльно отдѣльными нумерами, въ 8-ю долю листа, въ объемѣ отъ одного до двухъ съ половиной печатныхъ листовъ. Годовое изданіе составитъ три тома, каждый приблизительно отъ 30-ти до 35 печатныхъ листовъ, съ особымъ оглавленіемъ и особенною нумераціею страницъ.

Подписная цѣна *на мѣстѣ* 4 руб., *съ доставкою на домъ и* пересылкою *во всѣ мѣста внутри России* 5 рублей *серебромъ. Плата за журналъ по оффиціальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ консисторій, духовныхъ правленій и благочин-*

нихъ можетъ быть, по примѣру прежнихъ годовъ, разсрочена до сентября 1868-го года.

Въ редакціи находятся также экземпляры „Руководства для сельскихъ пастырей“ за 1861, 1863, 1864, 1865, 1866 и 1867-й годы. Желающіе могутъ получать оные въ бумажномъ переплетѣ, по обыкновенной цѣнѣ съ пересылкою 5 руб. серебромъ. Подписчикамъ рекомендуемъ обращаться съ своими требованіями: Въ редакцію **„Руководства для сельскихъ пастырей“** въ Кіевѣ.

Редакція „Руководства для сельскихъ пастырей“, заботясь объ улучшеніи своего изданія по внутреннему его содержанію, въ то же время употребляетъ зависящія отъ нея мѣры къ своевременной и аккуратной высылкѣ подписчикамъ №№ журнала: гг. же подписчиковъ, живущихъ вдали отъ почтовыхъ конторъ, покорнѣйше проситъ, чтобы они въ адресахъ своихъ означали губернію, уѣздъ и село, куда слѣдуетъ высылать журналъ, и разборчиво прописывали званіе и фамилію получателя. Въ случаѣ неполученія подписчиками какихъ нибудь №№ журнала, редакція покорнѣйше проситъ обращаться къ ней съ своими требованіями, которыя немедленно будутъ удовлетворяемы, по примѣру прежнихъ годовъ, если только, по справкѣ съ почтовымъ вѣдомствомъ, окажется, что вторично требуемые №№ дѣйствительно недосланы.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ *Ософтистъ*.

ОБЪ ИЗДАНІИ ГАЗЕТЫ

„ДРУГЪ НАРОДА“

въ 1868 году.

Газета **„Другъ народа“** въ 1868 году будетъ заключать, какъ и прежде, слѣдующіе отдѣлы: правительственныя распоряженія и узаконенія, статьи духовнаго содержанія, свѣдѣнія, относящіяся къ разнымъ наукамъ, разсказы изъ народнаго быта и вѣсти изъ разныхъ мѣстъ Россіи, а также и изъ за

границы. Какъ и прежде газета будетъ издаваться для того, чтобы, по мѣрѣ возможности, способствовать къ распространенію въ народѣ полезныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для улучшенія его быта, и вмѣстѣ служить тому теплому религіозному чувству, которымъ всегда отличался русскій православный народъ. Для достиженія этой цѣли, редакція употребитъ все стараніе, чтобы улучшить свое изданіе и сдѣлать его полезнымъ, какъ для юго-западнаго края, такъ равно и для другихъ мѣстностей Россіи, при томъ какъ въ школѣ, такъ и въ хижинѣ крестьянина и вообще для каждаго грамотнаго человѣка. Газета будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ въ одинъ печатный листъ большаго формата.

Подписка принимается въ Кіевѣ, при редакціи газеты **„Другъ народа“**, въ зданіи кіевской 1-й гимназіи, въ кіевской публичной библіотекѣ, на Крещатикѣ, въ Дворянскомъ домѣ и въ конторѣ редакц и при книжной торговлѣ Тецнера и Чеснока. Заграничные подписчики могутъ подписываться только въ редакціи газеты **„Другъ народа“**, въ Кіевѣ, при кіевской 1-й гимназіи.

Цѣна изданія газеты *одинъ рубль* безъ пересылки и *рубль двадцать коп.* съ почтовою пересылкою и доставкою на домъ; для заграничныхъ подписчиковъ: *два съ половиною гульдена* съ пересылкою.

При газетѣ **„Другъ народа“** въ 1868 года будетъ выходить: **Сборникъ статей для народнаго чтенія.**

Редакція газеты **„Другъ народа“**, желая доставить народу возможность познакомиться съ сочиненіями замѣчательнѣйшихъ русскихъ писателей и въ тоже время дать мѣсто лучшимъ статьямъ своихъ сотрудниковъ, въ 1868 году будетъ издавать при газетѣ: **Сборникъ статей для народнаго чтенія**. Въ составъ сборника войдутъ:

1. Избранныя мѣста изъ лучшихъ сочиненій русскихъ писателей духовныхъ и свѣтскихъ.

2. Статьи, относящіяся къ разнымъ наукамъ: Сельскому хозяйству, Исторіи, землеописанію и проч.

3. Повѣсти, разсказы, народныя преданія и пѣсни.

Сборникъ будетъ выходить выпусками два раза въ годъ: въ январѣ и іюлѣ мѣсяцахъ. Каждый выпускъ будетъ заключать отъ восьми до десяти печатныхъ листовъ.

Цѣна Сборника вмѣстѣ съ годовымъ изданіемъ газеты **„Другъ народа“** *два рубля* съ пересылкою и доставкою на домъ и *одинъ рубль восемьдесятъ коп.* безъ пересылки: отдѣльно отъ газеты: безъ пересылки *восемьдесятъ коп.* съ пересылкою и доставкою на домъ *одинъ рубль;* для заграничныхъ подписчиковъ *два гульдена* съ пересылкою. При Редакціи газеты **„Другъ народа“** можно получать газету **„Другъ народа“** на 1867 г. по объявленной цѣнѣ: по 1 р. 20 к. съ пересылкою и *по рублю* безъ пересылки.

Заграничные подписчики могутъ вносить плату какъ за газету, такъ и за Сборникъ австрійскими и прусскими деньгами.

Редакторъ *А. Андріяшевъ.*

„КІЕВСКІЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ“

на 1868 годъ.

Въ составъ этого календаря входятъ подробныя святцы православной церкви, проклеенныя бѣлыми листами бумаги съ означеніемъ восхожденія и захожденія солнца, святцы римско-католической церкви, еврейскіе праздники и болѣе двадцати обыкновенныхъ календарныхъ статей. Кромѣ того, въ немъ заключаются слѣдующія статьи: указаніе праздниковъ и службъ съ изображеніями праздничныхъ иконъ; указатель святыхъ мѣстъ Кіева и окрестностей съ тремя новыми видами церквей; описаніе пути въ Іерусалимъ; разсказы изъ Русской Исторіи по лѣтописи преподобнаго Нестора; объясненіе почему все держится на землѣ; совѣты родителямъ и преимущественно матерямъ съ объясненіемъ, какъ нужно ухаживать за дѣтьми, какъ кормить дѣтей и какъ наблюдать за дѣтьми, чтобы они не пріобрѣтали дурныхъ привычекъ; хозяйственныя свѣдѣнія: о посадкѣ плодовыхъ деревьевъ, отваръ сѣна для корма теленковъ, молочность коровъ; способъ обезпеченія соломянныхъ крышъ отъ пожаровъ, приготовленіе вкуснаго и питательнаго хлѣба; средство предупреждать ржавчину на желѣзныхъ и стальныхъ вещахъ, о разведеніи огородины и предсказаніе погоды. Къ Календарю приложенъ снимокъ съ иконы: Соборъ преподобныхъ Печерскихъ и

карта Европейской Россіи. Календарь украшенъ 45-ю рисунками и политипажами и будетъ заключать до десяти печатныхъ листовъ.

Цѣна прежняя, пятнадцать копеекъ, съ пересылкою двадцать копеекъ; для заграничныхъ подписчиковъ полгульдена съ пересылкою. Выписывающіе разомъ сто экземпляровъ пользуются уступкою десяти процентовъ, выписывающіе разомъ тысячу экземпляровъ получаютъ двадцать процентовъ уступки. Тотъ же Календарь на веленевой бумагѣ *пятьдесятъ пять копѣекъ, съ пересылкою шестьдесятъ копѣекъ; для заграничныхъ подписчиковъ одинъ гульденъ.* Съ требованіями обращаться въ редакцію „Кіевскаго Народнаго Календаря“ при кіевской 1-й гимназіи, и въ книжный магазинъ русской книжной торговли Тецнера и Чеснока. Заграничные подписчики могутъ получать „Кіевскій Народный Календарь“ изъ ставропигіальной книгарни, въ Львовѣ и изъ магазиновъ Кюммеля и Завадскаго въ Кіевѣ.

Въ книжномъ складѣ при редакціи „Кіевскаго Народнаго Календаря“ можно пріобрѣтать слѣдующія книги:

	Съ пересылк. Р.	Съ пересылк. К.
Библія большаго формата	3	50
Новый завѣтъ въ 8-ю долю въ бумажномъ переплетѣ съ кожанныхъ корешкомъ	—	55
Новый завѣтъ въ каленкорѣ съ футляромъ	—	65
Новый завѣтъ въ 24 долю въ простомъ переплетѣ .	—	30
Новый завѣтъ въ 24-ю долю въ каленкорѣ . . .	—	35
Новый завѣтъ въ 24-ф долю въ каленкорѣ и въ футлярѣ	—	40
Новый завѣтъ на славян. яз.	—	45
Евангеліе въ 24-ю долю въ переплетѣ	—	15
Евангеліе безъ переплета .	—	10

	Съ пересылк. Р.	Съ пересылк. К.
Псалтырь крупной печати на русскомъ языкѣ . . .	—	35
Псалтырь мелкой печати на русскомъ языкѣ	—	25
Псалтырь крупной печати на славянскомъ языкѣ . . .	—	60
Часословъ на славянскомъ языкѣ	—	40
Чтеніе изъ Ветхаго завѣта	—	22
Краткая священная исторія	—	6
О святыхъ дняхъ, недѣльн. и годовыхъ праздникахъ	—	17
Сокращенный молитвословъ	—	15
Переводъ на русскій языкъ употребительнѣйшихъ молитвъ	—	20

	Съ пересылк. Р.	К.
Указаніе св. мѣстъ города Кіева	—	5
Молитвы утренніяи вечерніяи	—	5
Сборникъ церковн. пѣснопѣній на русскомъ языкѣ	—	25
Церковный уставъ . . .	—	25
Духовный уставъ	—	30
Пѣніе Божественной литург.	—	25
Сборникъ молитвъ въ переплетѣ	—	25
Ученіе Господа нашего Іисуса Христа о молитвѣ и о путяхъ блаженства . .	—	8
Воскресеніе Христово . .	—	12
Руководство къ пониманію Богослуженія, священника Лебедева	—	55
Книга Эклезіастъ перев. съ еврейск. на русск. . . .	—	6
Христіанское препровожденіе времени	—	15
Полный Молитвословъ .	1	80
Начатки христіанскаго уч.	—	12
Христосъ, грѣшную душу къ себѣ призывающій и воздыханіе грѣшныя души ко Христу	—	2
Молишься ли ты?	—	6
16-ть краткихъ размышлен.	—	3
Чудный сонъ	—	3
Пастухи и овцы	—	2
Воскресный сонъ	—	3
Къ чему ведетъ пьянство	—	2
Слѣпой Вартемей	—	5
Вѣришь ли, что ты грѣшн.	—	3
О концѣ добрыхъ дѣлъ .	—	3
Христіанскія нравоученія, почерпнутыя изъ сочиненій Тихона Задонскаго . .	—	3
Взирай на Іисуса	—	3
Святая Земля во времена земной жизни Господа нашего Іисуса Христа	—	12
О святыхъ таинствахъ въ православной церкви и объ отношеніи къ нимъ православныхъ	—	20
Объясненіе обрядовъ при совершеніи Св. таинствъ въ православной церкви .	—	15
Объясненіе православнаго богослуженія; Всенощнаго бдѣнія (воскреснаго) литургій: Св. Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и Григорія Двоеслова, съ предварительнымъ описаніемъ храма и его принадлежностей. Кромѣ того въ этомъ сочиненіи помѣщены: 1) Святцы. 2) Указатель евангельскихъ чтеній на литургіи во всѣ воскресные дни года. 3) Словарь несовсѣмъ понятныхъ словъ, встрѣчающихся при Богослуженіи. 4) Уясненіе выраженій псалтыри, каждодневно слышимыхъ во время Богослуженія. 5) Краткая славянская Грамматика и 6) каждоневныя молитвы съ присоединеніемъ Символа вѣры и десяти запо-		

	Съ пересылк.	
	Р.	К.
вѣдей закона Божія . .	—	20
Житія Святыхъ: Царя Давида	—	28
Бориса и Глѣба	—	7
Алексія человѣка Божія .	—	9
Священномученик. Макарія	—	10
Ѳеодосія Печерскаго . .	—	12
Михаила и Ѳеодора . . .	—	8
Ѳеодора и Іоанна	—	8
Димитрія Ростовскаго . .	—	12
Тоже на русскомъ языкѣ .	—	22
Благовѣрной Евдокіи . .	—	12
Убіеніе Димитрія Царевича	—	8
Сказаніе о подвигахъ св. Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невск.	—	12
Сказаніе о подвигахъ св. Благовѣрнаго Великаго Князя Владиміра Равноапостольнаго	—	12
Иконы на бумагѣ: большія	—	50
„ „ „ среднія	—	25
„ „ „ малыя .	—	10
Портретъ Государя Императора, гравированный на стали въ одной изъ лучшихъ заграничныхъ типографій	—	15
Стѣнный календарь . . .	—	11
Адресъ календарь . . .	1	—
Книга Наума о Великомъ Божіемъ мірѣ М. Максимов.	—	12
Букварь русско-славянскій	—	6
О стародавныхъ людяхъ М. Максимовича	—	6
Матеріалы для исторіи учебныхъ заведеній, Черниговъ. дирек. съ 1789—1832 г.	—	40
Ариѳметика для первоначальныхъ училищъ. Домбровскаго	—	6
Три сказки и одна побасёнка М. Максимовича . . .	—	6
О шелководствѣ	—	10
О чудесномъ избавленіи Государя Императора отъ опасности 3 апр. 1866 г.	—	10
О землѣ и о небѣ Иванова	—	15
Таблица для первоначальн. обученія чтенію и письму	—	33
О лѣченіи простыми средствами	—	40
Дѣтскій міръ и Хрестоматія для чтенія въ двухъ част.	1	20
Жизнеописаніе Плутарха переводъ съ греческаго .	—	65
Повѣсть объ освобожденіи Москвы въ 1612 г. и объ избраніи царя Михаила	—	12
Русская лѣтопись для первоначальн. чтенія Соловьева	—	50
Братское слово южно русса	—	2
Стихотворенія Слѣпушкина	—	12
Механикъ самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ . .	—	12
О Владимірѣ Мономахѣ .	—	15
Край крещенаго свѣта: Мерзлая пустыня или повѣсть о дикихъ народахъ кочующихъ въ полуночной сторонѣ Россіи	—	12
Дремучіе лѣса или разсказъ о народахъ, населяющихъ русскіе лѣса	—	10

	Съ пересылк. Р.	К.
Степи или разсказъ о народахъ, кочующихъ по степямъ съ полуденной стороны Россіи . . , . . .	—	10
Русскія горы и кавказскіе горцы	—	10
Букварь Максимовича . .	—	4
Письма о князьяхъ Острожскихъ	—	30
Разсказъ изъ естественной исторіи о землетрясеніяхъ	—	20
Описаніе западной Сибири	—	75
Разсказъ изъ Русской исторіи: великій князь Ярославъ первый	—	17
О русскихъ людяхъ . . .	—	8
О русской землѣ	—	10
Правда объ уніи	—	20
Лѣтопись достопамятныхъ событій изъ русской исторіи	—	3
Руководство по изученію французскаго языка по Магеру для домашняго обученія	1	—
Инструкція церковнымъ старостамъ	—	32

Продаются въ пользу свято-владимірскаго братства слѣдующія книги:

	Р.	К.
Книга Наука	—	12
Южно-русская правда . .	—	6
Ариѳметика Бересницкаго	—	7
Краткая Русская грамматика Бересницкаго . . .	—	7

Редакторъ *А. Андріяшевъ.*

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

въ 1868 году.

Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости будутъ издаваться и въ наступающемъ 1868 г. съ 1-го января, по той же программѣ утвержденной св. Сунодомъ, два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 16-го чиселъ выпусками отъ 1½ до 3-хъ листовъ.

Цѣна остается прежняя, т. е. съ пересылкою и безъ пересылки *три рубля* серебромъ.

Подписка принимается въ Кіевѣ: 1) кіевской духовной консисторіи; 2) у редактора протоіерея П. Лебединцева, на Старомъ Кіевѣ.

Иногородные подписчики благоволятъ адресоваться такъ: Въ *редакцію Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей въ Кіевъ*, означая званіе, имя фамилію и мѣсто жительства.

Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей покорнѣйше проситъ всѣхъ образованныхъ лицъ, содѣйствовать ей своими трудами. Въ особенности она приглашаетъ всѣхъ священнослужителей кіевской епархіи сообщить ей свѣдѣнія, относящіяся къ историко-статическому описанію сей епархіи, а также—акты, грамоты и другіе документы, касающіеся исторіи церквей и духовенства кіевской епархіи.

Редакторы: протоіерей *Петръ Лебединцевъ.*

Протоіерей *Алексѣй Колосовъ.*

ДЕРЖАНІЕ 10-ОЙ КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 1867 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

СОДЕРЖАНІЕ 10-ой КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОСС

ЗА 1867 ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.